

*Aj III*



MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE  
LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC  
VLADIMIR DAHL LUGANSK NATIONAL UNIVERSITY

# **Anthropos: Logos and Theos**

**(Ὁ ἄνθρωπος:  
ὁ Λόγος καὶ ὁ Θεός)**

**ISSUE 5**

research works digest

**Lugansk 2019**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ  
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ  
ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

# **А н т р о п о с : Л о г о с и Т е о с**

**(Ὁ ἄνθρωπος:  
ὁ Λόγος καὶ ὁ Θεός)**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Философская антропология  
Философия культуры  
Философия религии

**ВЫПУСК 5**

Луганск 2019

**Редакционная коллегия:**

**Главный редактор:** Исаев Владимир Данилович  
заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой философии и теологии института философии и социально-политических наук Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск, ЛНР).

**Члены редакционной коллегии:**

- |                      |   |
|----------------------|---|
| Исаев В.Д.           | - доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)                                    |
| Золотухина Е.В.      | - доктор философских наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук (г. Ростов, РФ) |
| Шмидт В.В.           | - доктор философских наук, профессор (г. Москва, РФ)                                      |
| Августин (Морозов)   | - архимандрит, магистр богословия (г. Салерно, Италия)                                    |
| Липич Т.И.           | - доктор философских наук, профессор (г. Белгород, РФ)                                    |
| Лазарев Ф.В.         | - доктор философских наук, профессор (г. Симферополь, РФ)                                 |
| Проскурина Е.А.      | - доктор политических наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)                                   |
| Витренко В.А.        | - доктор технических наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)                                    |
| Вениамин (Погребной) | - епископ, кандидат философских наук, доцент (г. Полтава, Украина)                        |
| Ольхов П.А.          | - доктор философских наук, профессор (г. Белгород, РФ)                                    |
| Муза Д.Е.            | - доктор философских наук, профессор (г. Донецк, ДНР)                                     |
| Титаренко С.А.       | - доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)                                    |
| Вовк В.М.            | - доктор педагогических наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)                                 |
| Атоян А.И.           | - доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)                                    |
| Лустенко А.Ю.        | - доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)                                    |
| Нагорный Б.Г.        | - доктор социологических наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)                                |
| Шелюто В.М.          | - доктор философских наук, профессор (г. Луганск, ЛНР)                                    |
| Воронкин С.В.        | - доктор богословия, протоиерей (г. Луганск, ЛНР)   |
| Кобылкин Д.С.        | - кандидат философских наук, доцент (г. Луганск, ЛНР).                                    |

**Ответственный секретарь** – Кобылкин Д.С., кандидат философских наук, доцент (г. Луганск, ЛНР)

Научный журнал основан в 2015 году и входит в базу РИНЦ.

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского национального университета имени Владимира Даля (Протокол № 9 от 31.05. 2019 г.)

Материалы сборника печатаются на языке оригинала. Статьи прорецензированы членами редакционной коллегии.

**Антропос: Логос и Теос.** Сборник научных трудов Луганского национального университета имени Владимира Даля. Выпуск № 5. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2019. – 284 с.

В пятом выпуске сборника публикуются материалы Международного круглого стола «Законодательство о свободе совести и религиозных объединениях в ЛНР: проблемы и перспективы» (Луганск, 16 апреля 2019 г.). Статьи отражают появление новых контекстов религиозного, теологического и философского знания и реинтерпретацию классических вопросов философии религии. Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

## СОДЕРЖАНИЕ

### РЕЛИГИОЗНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

<b>Исаев В.Д.</b> .....	11
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ИМПЕРАТИВ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ	
<b>Протоиерей Александр Пономарев</b> .....	26
ЕРЕСЬ БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ КУЛЬТУРЫ И КВАЗИКУЛЬТУРЫ	
<b>Сухина И.Г.</b> .....	35
О РЕЛИГИОЗНОМ ФУНДИРОВАНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОПЫТ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ	
<b>Мазаненко О.М.</b> .....	53
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ЭСТЕТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА	
<b>Рудько В.А.</b> .....	65
НАПРАВЛЕННОСТЬ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЕЁ СТРЕМЛЕНИИ К БЕЗУПРЕЧНОСТИ	
<b>Писаный Д.М.</b> .....	77
РЕЛИГИЯ – ЭТО «ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА» ИЛИ ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ ДУШИ? (ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ)	
<b>Токмачева М.А.</b> .....	88
РЕЛИГИОЗНОСТЬ «ДЕ-ФАКТО» И «ДЕ-ЮРЕ» В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЛНР	

### ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<b>Шелюто В.М.</b> .....	100
ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	
<b>Звонок Н.С.</b> .....	113
РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛ КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН	

<b>Ильченко В.И., Кононенко Р.А.</b> .....	122
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДОНБАССА КАК ЧАСТИ РУССКОГО МИРА (из наследия Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского, П.И. Новгородцева)	
<b>Деревянко К.В., Цепковская Е.В.</b> .....	140
ДИАЛЕКТИКА ГЕББЕЛЯ	
<b>Плахотник А.Н., Юсеф Ю.В.</b> .....	150
ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ	
<b>Скляр П.П., Абрамова С.В.</b> .....	158
КРИТЕРИАЛЬНО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ.	
<b>Даренский В.Ю.</b> .....	174
СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РУСОФОБИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.	
<b>Кобылкин Д.С.</b> .....	183
«СМЫСЛ» И «ЗНАЧЕНИЕ» КАК КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. СТАТЬЯ I.	
<b>Кравцов Д.Н.</b> .....	196
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.	
<b>Манасеев Д.Д.</b> .....	216
ЭСТЕТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ.	
<b>Гавлицкий Е.М., Смолянинов Д.И.</b> .....	226
КРИЗИС МОРАЛИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПО ПУТИ СОЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

<b>Ильченко В.И., Токмачева М.А.</b> .....	234
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО МИРА	

<b>Протоиерей Дмитрий Кузнецов .....</b>	<b>250</b>
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО КОМПОНЕНТА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛНР	
<b>Протоиерей Алексей Слюсаренко .....</b>	<b>260</b>
НЕРУКОТВОРНЫЙ ОБРАЗ СПАСИТЕЛЯ: ИСТОРИКО-ЛИТУРГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	
<b>Сабина К. Б. ....</b>	<b>267</b>
СЕКТОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	

## CONTENT

### RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

<i>Isaev V.D.</i> .....	11
SPIRITUAL AND MORAL SECURITY AS AN IMPERATIVE OF EDUCATION AND UPBRINGING IN OUR TIME	
<i>Archpriest Alexander Ponomarev</i> .....	26
HERESY OF INHUMANITY OF CULTURE AND QUASI-CULTURE	
<i>Suhina I.G.</i> .....	35
ABOUT RELIGIOUS FOUNDATION OF CULTURAL VALUES: EXPERIENCE OF AXIOLOGICAL REFLECTION AND ITS SEMANTIC CONNOTATION	
<i>Mazanenko O.M.</i> .....	53
FUNCTIONAL MECHANISMS OF CREATIVE CONSCIOUSNESS AS AESTHETIC PHENOMENON	
<i>Rudko V.A.</i> .....	65
DIRECTION OF PERSONALITY ACTIVITY IN ITS STRESSING TO PERFECTNESS	
<i>Pisanyi D.M.</i> .....	77
IS RELIGION «OPIUM FOR PEOPLE» OR A WAY TO SAVING THE SOUL? (VIEWS OF MODERN SCHOOLCHILDREN)	
<i>Tokmacheva M.A.</i> .....	88
«DE FACTO» AND «DE JURE» RELIGIOUSNESS IN THE SYSTEM OF EDUCATION OF THE LPR	

### PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Shelyuto V.M.</i> .....	100
THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CHURCH AND THE STATE IN THE CONTEXT OF NATIONAL HISTORY	
<i>Zvonok N.S.</i> .....	113
RELIGIOUS SYMBOL AS A SPIRITUAL PHENOMENON	



<i>Ilchenko V.I., Kononenko R.A.</i> .....	122
SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF THE RENAISSANCE EDUCATION SYSTEM IN DONBAS AS PART OF THE RUSSIAN WORLD (from the heritage of N.And. Pirogov, K. D. Ushinsky, P. I. Novgorodtsev)	
<i>Derevyanko K.V., Tsepkovskaya E.V.</i> .....	140
HEBBEL'S DIALECTICS	
<i>Plakhotnik A.N., Yusef Yu.V.</i> .....	150
BASES OF ORTHODOX CULTURE IN MEDICAL UNIVERSITY: EXPERIENCE AND PROBLEMS OF TEACHING	
<i>Sklyar P.P., Abramova S.V.</i> .....	158
CRITERION-DIAGNOSTIC TOOLS FOR DETERMINING THE LEVEL OF FORMATION OF SOCIAL ACTIVITY IN OLDER TEENS.	
<i>Darenskiy V.Ju.</i> .....	174
STRATEGY OF OPPOSITION OF RUSSOPHOBIA IN THE EDUCATIONAL PROCESS.	
<i>Kobylkin D.S.</i> .....	183
«SENSE» AND «MEANING» AS A CULTURAL FORMING ELEMENTS OF SOCIAL LIFE. ARTICLE I.	
<i>Kravtsov D.N.</i> .....	196
POLITICAL PROPAGANDA AS A PHENOMENON OF SOCIAL AND POLITICAL REALITY	
<i>Manaseev D.D.</i> .....	216
AESTHETIZATION OF THE POLITICAL MYTH IN THE SOVIET CULTURE	
<i>Gavlitsky E.M., Smolyaninov D.I.</i> .....	226
THE CRISIS OF MORALITY IN THE EPOCH OF GLOBALIZATION: ON THE WAY OF CREATING A UNIVERSAL MORAL SYSTEM	

### **ACTUAL PROBLEMS OF THEOLOGY**

<i>Ilchenko V.I., Tokmacheva M.A.</i> .....	234
SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION IN THE SPACE OF RUSSIAN WORLD	
<i>Archpriest Dmitry Kuznetsov</i> .....	250
ORGANIZATIONAL RIGHTFUL PREMISES OF INTRODUCTION OF ORTHODOX COMPONENT IN COMPREHENSIVE SPACE OF LPR	

<i>Archpriest Alexiy Slusarenko</i> .....	260
THE ICON OF THE SAVIOR «NOT MADE BY HANDS»: HISTORICO- LITURGICAL ESSAY	
<i>Sabina K.B.</i> .....	267
SECTOLOGICAL ASPECT OF SOCIOPOLITICAL CONFLICTS	



# РЕЛИГИОЗНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 130.2:17.023.36

*Исаев В.Д.*

## ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ИМПЕРАТИВ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

*В статье рассматривается проблема адекватного современным социальным условиям понимания структуры социума и диалектики внутреннего и внешнего человека. Показано, как с помощью нового понимания цивилизации, квазицивилизации, культуры и квазикультуры можно построить эффективную работу по образованию и воспитанию духовно-нравственной безопасности как в общественном, так и личном пространстве.*

**Ключевые слова:** *цивилизация, культура, квазикультура, квазицивилизация, внутренний и внешний человек, воспитание, безопасность, Дух, душа, тело.*


*В те времена, когда роились грезы  
В сердцах людей, прозрачны и ясны,  
Как хороши, как свежи были розы  
Моей любви, и славы, и весны!*

*Прошли лета, и всюду льются слезы...  
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...  
Как хороши, как свежи ныне розы  
Воспоминаний о минувшем дне!*

***Но дни идут - уже стихают грезы.  
Вернуться в дом Россия ищет троп...  
Как хороши, как свежи будут розы,  
Моей страной мне брошенные в гроб!***


*(Игорь Северянин)*

Мы не случайно выделили в эпиграфе из всего стихотворения эти две строки: сегодня Россия возвращается в дом, который был отчим не только для русских, не только для Русского мира, но для многих и многих



народов бывшего СССР. При этом следует иметь в виду, что одновременно уходит с исторической сцены поколение, которое жило в этом доме, и для них это полное и благодатное возвращение, естественный и благотворный процесс восстановления привычного, достойного и человеческого образа жизни, а для другого поколения, выросшего в атмосфере либерализма, такое возвращение – это ограничение свободы жить, как заблагорассудится. Смена поколений качественно разных, по-разному думающих, о разном мечтающих, с разными представлениями о ценностях – важнейшее обстоятельство, не учитывать которое означает поражение в работе по воспитанию и образованию духовно-нравственной безопасности как отдельной личности, так и страны в целом. К рассуждениям о благе, поискам ответа на вечные российские вопросы «Что делать?», «Кто виноват?» и «Кому на Руси жить хорошо?» у этого поколения нет потребности ни выяснять, ни отвечать. Между тем как наличие этих потребностей в социуме и есть суть успешного ответа на вопрос Канта: «Каким надо быть, чтобы быть человеком?! Именно эти потребности надо сегодня воспитать, сформировать, образовывать – иначе надежда поэта получить хотя бы на гроб свежие розы окажется тщетной.

Однако эта конкретная ситуация со сменой поколений и надеждой возврата в новой исторической ситуации страны с сохранением сложного и далеко не всегда понятого и осмысленного пройденного пути, с существованием в одном социуме и в одно и то же время совершенно разных поколений – не «отцов и детей», а «отцов» и «байстрюков» во всех синонимических смыслах этого слова [1] – не поддается анализу в привычных понятиях и категориях. Для описания этой сегодняшней особенности движения жизни требуется **новые** понятия или же радикальное переосмысливание привычных. Конечно, и одно и другое поколение состоит из разных людей, по-разному относящихся к прошлому (отцам и отечеству) и к будущему («байстрюкизму»). Мы в первую очередь имеем в виду среди них тех представителей поколений, которые пассионарны и оказывают существенное влияние или даже формируют структуру, потребности и ментальность общества. Эту важнейшую часть нашей жизни в механизме смены поколений следует с учетом изменения социальных условий бытия рассматривать уже в новых координатах, которые мы и пытаемся предложить, а именно: **в поле взаимодействия культуры, квазикультуры, цивилизации и квазичивилизации**. Когда-то великий Данте, описывая начало своего путешествия в мир общечеловеческих страстей, написал: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Сегодня такое о себе может сказать все человечество. Главная проблема – как выйти из этого леса. Для этого




неплохо бы было иметь возможность приподняться над этим сумрачным лесом, что возможно единственным способом – путем теоретического анализа заблуждений, удач и неудач, накопившихся к нашему времени. Такая аналитическая работа требует соответствующего инструментария – *системы новых и переосмысленных привычных понятий; категорий, адекватных вызову времени* [2].

*По нашему мнению, культуру для указанных целей следует рассматривать как пространственно-временной способ жизнедеятельности человека во имя и рядом с Другим с альтруизм-центром «мы», который в своем бытии подчиняется логике вечности, воспроизводит вещи и отношения преимущественно в этой логике, и по отношению к которому цивилизация выступает вспомогательным служебным средством поставки ресурсов для физического существования человека в качестве субъекта культуры.*

*Пространственно-временной способ жизнедеятельности человека с его-центром – «я», обслуживаемым техникой и технологией и разворачивающийся в соответствии с логикой истории и в историческом времени, мы предлагаем называть цивилизацией.*

Конечно, цивилизация – это пространство, вне которого человек не может жить, но зато ему следует постоянно помнить, что цивилизация – это **лишь поле пользы**. Следующий шаг в переосмыслении этих важнейших, на наш взгляд, категорий состоит в том, чтобы понять простейшую и в то же время важнейшую истину: *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит»* (Мф. 16:26).


Гегель в «Феноменологии духа», рассказывая о путешествиях человеческого духа как Духа мирового, имплицитно изложил закон становления и развития всякой системы в ходе ее самостроительства, саморазвития и самопознания. (А цивилизация и культура, вместе со своими «квази» составляют именно единую такую систему). У Гегеля речь идет о принципе, согласно которому всякое нарушение системности на пути становления духа (редукция системы к одному из элементов, ускорение развития, «выпрямление» или «перепрыгивание» через некоторые этапы) сразу «портит» само развитие: истина становится ложью, система выворачивается наизнанку, развитие наполняется событиями искаженного мира, становится **как-бы-развитием** [На тему «как-бы» в современном социуме см. 3]. Гегель в данном случае говорит о «Законе чистого различия, мире наизнанку» [4]. Мы бы сказали так, что реальное пространство цивилизации и культуры выворачивается наизнанку пространствами **квазикультуры и квазичивилизации**. Это происходит, очевидно, всегда, когда субъективная воля навязывается объективному



ходу вещей, когда она подменяет волю объективную. Этот принцип, или, если хотите, закон, оказывается довольно конструктивным и эвристическим для понимания анализа и такого специфического вида деятельности, которым является преодоление неодолимого желания для внутреннего человека идти по пути **из** цивилизации **в** культуру. И именно на этом пути чаще всего появляется соблазн навязать объективному ходу вещей субъективную волю. Тенденция к технологизации всего – от создания книг и фильмов до действий педагога и воспитателя, приобрела в последнее время характер эпидемии, суть которой – не что иное, как желание «спрямить путь», перепрыгнуть ступени «Лестницы», чтобы быстрее и эффективнее достичь желаемого результата. В итоге все четыре описанные нами пространства начинают вокруг человека водить хоровод, замыкая его в кольцо безвыходных и безнадежных обстоятельств. Охарактеризованные нами цивилизация и культура, квазицивилизация и квазикультура в своей сущности определяются через их центр – системообразующую ось, вокруг которой как раз и строится каждое из этих относительно самостоятельных по отношению к человеку пространств. Для цивилизации – это *вещь и эгос*, для культуры – это *Бог и коммунитас*, для квазикультуры – это *гуманизм и удовольствия вне совести*, для квазицивилизации – это *комфорт в отсутствии Бога*. Все эти четыре пространства скрепляет воедино каждый человек своей жизнью и укрепляет не только практическими действиями, но и действиями своего ума, действиями в сфере движения слов и смыслов с их последующей реализацией. При этом запускающим механизмом выворачивания мира наизнанку выступает консьюмеризм.

Уточним, что под **квазикультурой** мы понимаем конфигурацию социума, содержащего элементы традиционной культуры, но по форме выстроенной как цивилизация, когда духовные и вообще культурные ценности приобретают статус **якобы-** (**квази-**) ценностей и работают на эгоистические, консьюмеристские и телесные потребности человека – его **внешнюю** личность. Это и есть первый и решительный шаг человека по пути расчеловечивания как потери способности, а затем и потребности жить в культурном пространстве. Станислав Ежи Лец как-то заметил: у человека нет выбора: он просто обязан быть человеком. И это абсолютно правильно. К сожалению, время постоянно создает такие условия, которые не только понуждают нас к иному, убийственному для внутреннего человека, выбору, но и предопределяют его смыслы и поступки таким образом, что человеку ничего не остается, как *перестать* быть человеком.

Расчеловечивание – процесс более энергичный, чем очеловечивание. Хотя в природе гадкий утенок превращается в прекрасную птицу – лебедя




естественно, пусть через насмешки и оскорбления, но естественно. Можно говорить об естественной, или, если хотите, о божественной энергии преобразования, о нетварной энергии, энергии фаворского света, с помощью который мы можем противостоять расчеловечиванию... Если бы – не цивилизация!

Человек, погруженный всей своей жизнью в пространство цивилизации, укоренившийся в этом пространстве, накрепко и безвозвратно привязанный к почве цивилизации комфортом, удовольствиями и соблазнами, подкрепляемыми привычками и убеждением, что именно этот мир – лучший из миров, а эта жизнь – лучшая из жизней, а этот образ жизни – лучший из возможных, – убеждением, которое ежесекундно рождает и подпитывает **квазицивилизация**, – такой человек повторяет путь гадкого утенка, только наоборот: рождаясь лебедем, он, повзрослев, становится гадким утенком. – Тот единственный случай, когда паста вновь заталкивается в тюбик! Его трагедия состоит в том, что он не знает, не понимает и не помнит, «каким надо быть, чтобы быть человеком» (Кант), но отторгает как это знание, так и стоящий за ним образ жизни со всеми его волениями и потребностями как досадное недоразумение, блажь, обузу, пропаганду. В окружении себе подобных он вдруг чувствует и понимает, что стыдно желать культуры, стыдно быть человеком. Этот стыд в феноменологии неловкости – единственное, что остается в нем от стыда в феноменологии совести.

Цивилизация и культура формируют в нас разные и противоположные мотивы и разрывающие нас интересы, так что мы вслед Дмитрию Куракину можем сказать: «мы не можем полностью посвятить себя идеалам, к которым взывает культ, и в то же самое время – к нам самим и нашим чувственным интересам; полностью к коллективу и полностью к нашему эгоизму» [5, с. 53]. Воцивилизованный человек не способен ни нравственно, ни рационально, ни физически войти во врата спасения – они настолько узки, путь к ним настолько труден, что человек вольно или невольно их не замечает. Найти этот путь можно пройдя все стадии обретения Этого Пути: **от цивилизации (Ц) к квазицивилизации (КЦ), от квазицивилизации – к культуре (К)**. Однако переход от воцивилизованного состояния в состояние вокультурности еще не гарантирует стопроцентного снятия гнетущего состояния осознанности бесперспективности существования в цивилизационном пространстве.

Для понимания сущности происходящих в этом информационно-образовательном круговороте четырех пространств бытия современного человека, а также их воздействия на человека, важно ввести понятия «внешний» и «внутренний» человек. Эти понятия идут из традиции,




установленной в святоотеческой литературе. Многие святые отцы говорят о внутреннем и внешнем человеке. Это восходит к одному из Новозаветных посланий Апостола Павла: *«Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно»* (2 Кор. 4:16 - 18). Но для наших целей надо более четко и однозначно определить не метафизически, а научно дать определение этим понятиям. Мы предлагаем под понятием «внешний человек» понимать единство тела и души. А под понятием «внутренний человек» – единство души и Духа. Отсюда движение человека в пространстве цивилизации и культуры вызывает диалектику сопряжения или несопряжения внешнего и внутреннего человека как единства тела и души, души и Духа.

Естественно, что эти сопряженные пространства культуры, квазикультуры, цивилизации и квазичивилизации продуцируют ту или иную информацию. В чем же сущностные характеристики информации или сигналов, идущих со стороны культуры? Со стороны культуры сигналы по своему действию аналогичны благотворным лучам солнца. Информация, которая идет со стороны культуры на человека и на цивилизацию, – это такие сигналы, которые императивно запускают программы сохранения человеческого в человеке. Эти сигналы несут, как лучи солнца, энергию созидания. По сути своей, это та самая энергия, которая в христианстве называется любовью. И в этом смысле можно дать самое короткое определение информации в пространстве культуры: **информация культуры есть любовь**. И Бог есть любовь. Так мы видим информацию со стороны источника, генератора сигнала. Если же посмотреть на эти процессы со стороны реципиента, приемника этой информации, картина примет несколько иной вид. Надо учесть, что в обществе нужен адекватный приемник, адекватно принимающий именно сигналы любви, – человеческой, либо божественной. Таким приемником любви является внутренний человек, у которого развит специальный «орган приема» именно информации любви – сердце. Таким образом, человеческое сердце в том смысле, как оно употребляется в традиции православной философии, становится центром культуры. С этим центром связаны все потоки культурной информации, как информации любви.

Цивилизационная информация также порождает сигналы, но, в отличие от культурной, эти сигналы не распространяют тепло и свет, а несут в себе энергию замерзания, энергию штампов, энергию умирания. Образно говоря, это информация, которую получает Кай от Снежной королевы, – вот аналог цивилизационной информации. И именно на эту информацию и энергию, и






только на них, откликается внешний человек. Цивилизационная информация вымораживает культуру и **активизирует внешнего человека в пространстве цивилизации**. Внешний человек ищет средства для «согревания», при том что внутренний человек у него скован и не способен для выполнения благих целей. Вместе с обездвиживанием внутреннего человека перестают действовать все нравственные и религиозные императивы. Внешний же человек начинает действовать во имя эгоистических целей, ради этого он готов на достижение всех целей, которые ставит перед ним эта внешняя цивилизационная информация; внешний человек не знает на этом пути никаких преград. Он готов на все. Хорошо, что у Кая внутренний человек еще не был полностью заморожен, и поэтому он пытался из кусочков льда составить то слово, которое его бы согрело. В подлиннике, по легенде, у Андерсена было написано, что Кай пытался составить слово **Христос** (В советских изданиях этого не было. Там было написано, что он хотел из кусочков льда составить слово *вечность*). И когда ему это удалось, то у него оттаял внутренний человек. Каждый человек в такой ситуации, с оттаявшим сердцем, оказывается способным жить и действовать не только в пространстве цивилизации, но и, что самое важное, в пространстве культуры. Активный внешний человек с замороженным внутренним – страшное существо. Это особенно важно помнить педагогу. Драма внутреннего и внешнего человека разыгрывается не только в жизни взрослого человека, но и у ребенка, который только усваивает правила и роли поведения в социуме, правила ответов на поступающую информацию как из цивилизации, так и культуры. Мы хотим здесь сказать единственное, что учитель, давая любую информацию, например, сообщая, что дважды два – четыре или что цветок имеет тычинку и пестик, должен ее оценивать и в том, **каково основание этой информации: цивилизационное, культурное или нейтральное**; к чему приведет вхождение этой информации в личность ученика; она пробудит в нем силы внутреннего или внешнего человека?! Педагогу никогда не следует забывать, что только информация, идущая из пространства культуры, будит в человеке творческие силы и наполняет сердце любовью.

В культуре находится лишь реальная возможность спасения. В культуре открывается и создается лестница Иакова, по которой можно взойти к Господу. Но в культуре рождается масса соблазнов обрести **якобы** спасение, двигаясь не вверх, преодолевая тяготение соблазнов цивилизации в виде желания удовлетворить как можно больше своих материальных потребностей, а двигаясь вниз, навстречу этим соблазнам, получая удовлетворение и удовольствие от сrostания с соблазнами.


Увидеть и прочувствовать соблазн соблазном не так просто. Только если мы выходим на уровень культуры и смотрим на все фобии или филии,



рожденные в цивилизации, мы увидим, что на уровне культуры они воспринимаются как соблазны. Со стороны культуры эти фобии воспринимаются, как нечто упакованное в красивую упаковку и расчитанное на привлечение внешнего человека. Внутри культуры и зарождаются зерна или островки квазичивилизации. Разрастаясь, в конце концов, из наших душ из нашего культурного пространства, они вытесняют культуру и заменяют ее квазикультурой, когда соблазн становится **нормой**, естеством души и тела. Мир культуры, мир внутреннего человека становится «миром наизнанку».

Соблазн по церковнославянскому словарю переводится дословно как петля. Петля в том смысле, что это нечто внешне привлекательное, притягивает внешнего человека, но грозит его душу заполнить в сеть, из этих петель сплетенную, ограничить его духовный полет ввысь, или вообще задушить душу человека, и этим самым обездвигить, усыпить, заморозить внутреннего человека, оставив только внешнего. В дневниковых записях русского артиста Алексея Булдакова есть такая запись: «Мы очень много стали суетиться. Душа начинает медленно заворачиваться в долларový кокон. И куда мы придем?..» – это как раз об этом, когда мы идем и придем в квазикультуру, ведомые внешним человеком [6].

Что есть с политической точки зрения вот эта операция по выворачиванию мира наизнанку? Заморозить или предать душу анестезии можно и очень легко, и очень желательно именно в пространстве цивилизации. Такой человек, с замороженной душой, бездушный человек, человек только внешний обязательно становится объектом манипулирования. Через простые страсти, присущие внешнему человеку, связанные с комфортом, едой, удовлетворением различных инстинктов, очень легко манипулировать. С одной стороны, манипулировать внешним человеком. А с другой – нейтрализовать внутреннего человека. Это очень важно иметь в виду. И вот таким мощным средством манипуляции являются как раз **соблазны**. Суть соблазнов заключается в том, что реализуя их, сталкиваясь с ними, у человека происходит изменение вектора усилий по вертикали. Поддавшись соблазнам, человек начинает двигаться не на возвышение, а наоборот, на понижение. Не к сакральному и святому, а в пространство inferнального. Святитель Феофан Затворник однажды заметил: «Прямую волю Божию о вечном спасении мы знаем; но планы Божии о временном пребывании людей на земле сокрыты от нас. Потому нам трудно определять, кто действует прямее, именно по воле Божией. Один только отрицательный критерий можно признать верным: *кто действует противно определению Божию о вечном спасении людей*». Так



вот соблазны и заставляют нас действовать противно определению Божию. А если человек действует против Бога, против Иисуса Христа, то он антихрист. А это понятие и без сущностного определения ясно и однозначно раскрывает, кто есть кто.

Важнейшим соблазном был и остается атеизм, который подается как главная метка настоящей свободы. Еще в 1853 году преподобный Макарий Оптинский пронизательно говорил: «натиск иноверия и безверия так силен, что уже почти не осталось ни одной мысли общественной, политической, нравственной, юридической или даже художественной, которая бы более или менее не была запачкана и измята неправославными руками, в которых она побывала». Соблазн атеизма заключается в том, что на основе атеизма внедряется в сознание людей представление о западном варианте свободы, а на основании такого понимания свободы развязываются руки всем неправославным. Если у современного политика спросить, что он считает более целесообразным в своих узкополитических целях: помочь православию или помочь какому-то баптисту, то политики для профессиональных целей, по причине русофобии, зачастую будут действовать против православия, прикрываясь либерально трактуемыми лозунгами свободы. Это первый из множества соблазнов.

Второй соблазн, идущий из так называемой цивилизации Запада, состоит в том, что человеку всячески преподносится (внушается!) идея о том, что единственным образцом жизни является Запад. Запад – это свобода, это права, это высокий уровень жизни, это доходы, это хорошие квартиры, это хорошие дороги, это общество всеобщего потребления и равных возможностей и т.д. и т.п. Здесь мы, ссылаясь на А.Д. Каплина, приведем слова Николая Сербского, который говорил, что прежде чем отдаваться такому соблазну, нужно поставить себе вопрос «А что сделал Христос для Европы?» Оказывается, Христос сделал для Европы очень многое. Он дал ей веру, помог выстоять в борьбе с арабами, Он помог построить в Европе государства и распространить образование через университеты и т.д. и т.п. По Николаю Сербскому, «Больше чем всем!». А «как Европа отблагодарила Христа или чем воздала Ему?» Святитель Николай продолжает: «Она отблагодарила и воздала так же, как те гадаринцы, которых Христос освободил от легиона злых духов, а они просили, чтобы удалился Он Сам от них... И Он ушел, а проклятие осталось на этой стране», и когда Европа «сочла, что очень могущественна, она стала никчемной, словно паутина» и, заключает св. Николай, «пропадет она (Европа) как Капернаум». Всмотритесь в следующие из этих размышлений два вопроса, и подводя черту для общего ответа, вслушаемся в мысли святителя, который был бескомпромиссен в вопросах уяснения


истины: «*Так хотите быть с Европой или со Христом? Со смертью или с жизнью?...* Знайте: Европа – смерть, Христос – жизнь. Выберите жизнь...» [7]. Во всех других случаях следование соблазнам оборачивается смертью. Смертью вначале нашего внутреннего человека, а потом и смертью страны.

Общее имя этим соблазнам – **квазикультура (КК)**. Это чаще всего и происходит и с отдельным человеком, и с сообществами людей – клансами, кланами, семьями, государствами и нациями на пути их движения в пространство квазикультуры. Так что историческое и социальное бытие человека подчинено циклу:



Такой цикл проходят все элементы социума – литература и искусство, педагогика и философия, экономика и политика. Но самое главное, – такой путь проходит каждый человек, каждая личность, если она решается идти до конца. Особенность нынешнего состояния нашего социума состоит в том, что все человечество, и в мейнстриме, и на обочине, находится в начале нового цикла – на стадии перехода от состояния цивилизации к состоянию квазикультуры. Именно поэтому так мало в современном социуме культуры, именно поэтому в сегодняшнем мейнстриме квазикультура превалирует во всех ее формах и видах, так что сегодня фактически любое исследование культуры, любой разговор о культуре, любая философия культуры тут же превращается в разговор, исследование и философию квазикультуры, воспринимаемой нами в качестве подлинной культуры. «Аксиологический и антропологический кризис» [см.:8], о котором столько времени говорили философы, наступил, и суть его – в превращении цивилизации в квазикультуру под видом наступления (возрождения) культуры и рыночной цивилизации. Носителем этого кризиса и одновременно его архитектором выступает как раз воцивилизированный человек. – Таковы условия решения задачи обеспечения безопасности человека и общества и понимания ее изменившейся природы в современных условиях. Чтобы правильно реформировать систему образования, нужно выйти на более высокий уровень системного анализа. Такой широкой системой, где есть в наличии средства и возможности такого целевого реформирования есть социум, включающий в себя сопряженные пространства цивилизации и культуры. Различные конфигурации такого сопряжения приводят к различным результатам реформирования системы образования, и вектором и содержанием такого реформирования как раз должна стать духовно-нравственная безопасность.

Что такое безопасность? Это особый вид человеческой




целесообразной деятельности по сохранению сущности вещей, свойств и отношений; обеспечению устойчивости и возможности их развития. Такая устойчивость напоминает устойчивость водопада, она обеспечивается организаций движения сущности в изменяющихся обстоятельствах. На что должна быть в первую очередь направлена такая деятельность? Что или кто является объектом обеспечения духовно-нравственной безопасности?

Говоря о фильме Александра Сокурова «Фауст», Юрий Арабов, как сценарист картины, с тревогой заметил: « В культуре есть деление на добро и зло, возможно, наши дети доживут до времени, когда в культуре вообще не будет понятия добра и зла, я не знаю». К этим словам стоит очень внимательно прислушаться, потому что литература в отображении времени всегда опережает и науку, и философские размышления. И далее в этом интервью высказана главная идея фильма, которая, на наш взгляд, конгениальна состоянию полной воцивилизованности человека: «Мы делали ее (картину) о том, что сегодня человек соблазняет беса, как это не прискорбно звучит. К бесу стоит очередь, давка и никто не знает, кто в этой очереди последний» [9]. По сути, в этой метафоре изложено то основное, чем нынешний воцивилизованный человек отличается от воцивилизованных людей прошлых времен. Безопасность начинается с того, что заботящийся о ней сегодня должен увидеть в этой страшной для человечества очереди не только внешнего, но и **внутреннего** человека.

Внутренний человек, напомним, – та особая ипостась человеческого существа, которая, согласно принципам христианской антропологии, является носителем Св. Духа (Еф. 3, 16). Внутренний человек – это прежде всего индивидуальный дух, устремленный к Богу, а также все те проявления его души, которые тяготеют не к телу, а к духу. Человек сложен. То, что в человеке доступно взгляду со стороны и прочим телесным чувствам, не есть весь человек. Существует еще человек сокровенный, внутренний. О нем чаще всего упоминает в своих посланиях апостол Павел: «По *внутреннему человеку* нахожу удовольствие в законе Божиим» (Рим. 7: 22); «Если внешний наш человек и тлеет, то *внутренний* со дня на день обновляется» (2 Кор. 4: 16); «Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во *внутреннем человеке*» (Еф. 3: 16).

По-разному ведут себя эти два человека – внешний и внутренний. По-разному относятся к ним душа и господствующий ум. Если один из этих «людей» для души, для ума и воли – сынок, то другой – пасынок.

Можно всю жизнь заниматься внешним человеком: мыть, лечить, украшать, питать и ублажать его. При этом совершенно пренебрегая заботой о своем сокровенном человеке. Можно и наоборот, но таких




людей, к сожалению, до крайности мало. Возможно, мы ни разу их не встречали, но лишь читали о таких людях в тех книгах, где говорится о богатырях духа – настоящих подвижниках. Внутренний человек с вниманием относится к тому, что происходит внутри него, в пределах его души и духа. При этом интроспекция, самопознание не являются для него самоцелью. Они – лишь средства, позволяющие ему жить не «по плоти», а «по духу», существовать в полном соответствии с законом Божиим и находить в этом истинное удовольствие (Рим. 7, 22). Подобная позиция позволяет ему с радостью предаваться духовным созерцаниям, молитвенному труду, следовать путями любви, целомудрия, долготерпения, милосердия, смиренномудрия. Между внутренним и внешним человеком возможны три типа взаимоотношений: 1) внутренний человек однозначно и беспелляционно господствует над внешним, использует последнего в качестве служебного инструмента; 2) внутренний человек и внешний человек находятся в отношениях перманентной конфронтации, складывающейся из попеременных доминирований то одной, то другой стороны, а также из периодически устанавливаемых компромиссных, равновесно-динамичных отношений; 3) внутренний человек пребывает в дремотном или анемическом состоянии, почти не дает о себе знать и потому находится в полном подчинении у внешнего человека, практически не обнаруживая сколько-нибудь явных и достаточно заметных поползновений к перемене своего униженного, рабского статуса. Это, очевидно, имел в виду апостол Павел, когда говорил: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16).

Чтобы человек достиг спасения, в нем внешний человек должен быть побежден внутренним. Ему необходимо пройти путь борьбы и преодоления. Идеалом, образцом на этом пути для него служит Сам Иисус Христос, в Котором внутренний человек абсолютно свободен от внешнего. – Без учета этого всякое переосмысление нашего бытия в координатах антропоса цивилизации и теоса культуры бессмысленно и невозможно.


А может быть возможно совместить оба служения и улажить и внешнего человека, и внутреннего? Может, и возможно. Но, скорее всего, слова Иисуса Христа, сказанные об отношении к богатству, касаются и этого вопроса: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть» (Мф. 6: 24)»[8].

Когда речь идет о духовно-нравственной безопасности, естественно, имеется в виду безопасность внутреннего человека. Поиск стратегии обеспечения безопасности внутреннего человека начиная с эпохи модерна



вращается вокруг проблемы свободы. Абсолютная свобода и рабство – вот два полюса в понимании свободы. Марк Туллий Цицерон говорил о том, что для того, чтобы быть свободными, люди должны быть рабами законов. Если сопоставить эту мысль с идеей Вольтера о том, что свобода состоит в свободе достижения удовольствия, то станет ясно, что большинство учений о свободе описывают ее в рамках цивилизации. Но парадокс такого ее понимания состоит в том, что когда человек получил свободу «поцивилизационному», он, как правило, «не знает, что с ней делать» (М.М.Пришвин). И только с возникновением христианства появляется возможность конструктивно анализировать свободу в рамках культуры. – «Бог не создал рабства, но одарил человека свободой» – учил Иоанн Златоуст, показывая, что свобода есть Божественный дар человеку и без Бога невозможно понять, что с ней делать! Нам представляется, что наиболее плодотворный путь и способ решения проблемы свободы указал Августин Блаженный в «Рассуждениях на Послание Иоанна к Парфянам», когда сказал: **«Возлюби Бога, и делай, что хочешь»**. В настоящее время все более и более нарастает стремление опираясь на ставшее модным сегодня понятие «суверенитет» и на стремление как-то разрешить коллизию между двумя фундаментальными положениями из области прав человека – абсолютного признания права стран и народов на суверенитет, и в то же время признание такого же права народа на самоопределение, руководствоваться второй половиной формулы Августина – делай что хочешь.

Особенно усердствует в этом либерализм, окончательно оформившийся к XIX веку в мощное и цивилизационно привлекательное мировоззрение-идеологию. Суть либерализма в отношении обсуждаемой здесь темы можно определить так, что именно либерализм из формулы Августина Блаженного воспринял только ее вторую часть – **делай, что хочешь!** Если вести речь об обеспечении безопасности внутреннего человека, то императивом может выступить только суждение Августина во всей его полноте, причем первая часть формулы становится все более и более актуальной, если мы всерьез собираемся строить духовно-нравственную безопасность и жить в ней. «Наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить... Они (либералы) были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась... и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться» [10]. – Сегодня этот текст 19 века воспринимается как гениальное предвидение, а значит сегодня – это часть нашей реальности! Тогда возникает вопрос: как в такой реальности строить, воспитывать,



образовывать духовно-нравственную безопасность?! Именно поэтому очень важно рассматривать эту работу в новых, предложенных нами координатах социальной реальности. В этих координатах, по нашему мнению, можно увидеть действенные средства строительства такой безопасности.

### Л и т е р а т у р а

1. **Байстриук** – байстриук, курвёнок, сучонок, незаконнорождённый, сукин сын, сын...; бастрюк, внебрачный, безотцовщина. Словарь русских синонимов. Байстриук см. внебрачный. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. – М.: Русский яз. ... *Словарь синонимов* // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/798016>

2. Мы уже давно говорим об этом. См.: В.Д. Исаев. Человек в пространстве цивилизации и культуры // Лугань. Сборник научных трудов, посвященный 200-летию города Луганска. Юбилейное издание. – Луганск, Изд-во АО «ЛКТ-Электроникс», 1995. – С. 92-108.

3. Исаев В.Д. Якобы человек в как бы культурном пространстве / В.Д. Исаев // Філософська та релігійна антропология: Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. – Випуск № 3-4. – Луганськ: вид-во СНУ ім.. В. Даля, 2014. – С. 27- 36.

4. См.: Гегель. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. Перевод Г.Г.Шпета. – М. Соцэкгиз, 1959. – С.85-88.

5. Куракин Дмитрий. Ускользящее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии / Дмитрий Куракин // Социологическое обозрение. – Т.10. №3, 2011. – С.41- 70.


6. Булдаков А. Не надо понимать женщин, их надо любить : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.akazak.ru/news/483-aleksej-buldakov-lne-nado-ponimat-zhenshhin-ix-nado-lyubitr.html> (дата обращения: 25.04.2019).

7. Святитель Николай Сербский о Европе: «С кем вы: с Европой или со Христом? : [Электронный ресурс] – URL: <https://3rm.info/publications/40600-svyatitel-nikolay-serbskiy-o-evrope-s-kem-vy-s-evropoy-ili-so-hristom.html> (дата обращения: 25.04.2019).

8. Неклеса Александр. Пришествие постсекулярного мира // Русский журнал : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.russ.ru/Prisheatvie-postsekulyarn>(дата обращения: 25.04.2019).

9. Юрий Арабов о фильме «Фауст». Или о том, как человек соблазняет беса // Фома он-лайн 2012 : [Электронный ресурс] – URL:





<http://www.pravmir.ru/yurij-arabov-o-filme-faust-ili-o-tom-kak-chelovek-soblaznyaet-besa/>

10. Достоевский Ф. Бесы: Роман / Вступ.ст., примеч. Н. Будановой. – Л.: Худож.лит., 1989. – С. 142.

### References

1. Baystryuk – baystruk, kurvyonok, suchonok, nezakonnorozhdyonnyiy, sukin syin, syin...; bastryuk, vnebrachnyiy, bezottsovschina. Slovar russkikh sinonimov. Baystryuk sm. vnebrachnyiy. Slovar sinonimov russkogo yazyika. Prakticheskii spravochnik. –M.: Russkii yaz. ... Slovar sinonimov // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/798016>.

2. Myi uzhe davno govorim ob etom. Sm.: V.D. Isaev. Chelovek v prostranstve tsivilizatsii i kulturyi // Lugan. Sbornik nauchnykh trudov, posvyaschennyiy 200-letiyu goroda Luganska. Yubileynoe izdanie. – Lugansk, Izd-vo AO «LKT-Elektroniks», 1995. – S. 92-108.

3. Isaev V.D. Yakobyi chelovek v kak byi kulturnom prostranstve / V.D. Isaev // Fillosofska ta relliglyna antropologiya: Zbirnik naukovih prats ShIdnoukraYinskogo natsionalnogo unIversitetu ImenI Volodimira Dalya. – Vipusk № 3-4. – Lugansk: vid-vo SNU Im.. V. Dalya, 2014. – S. 27- 36.

4. Sm.: Gegel. Sistema nauk. Chast pervaya. Fenomenologiya duha. Pervod G.G.Shpeta. – M. Sotsekgez, 1959. – S.85-88.

5. Kurakin Dmitriy. Uskolzayushee sakralnoe: problema ambivalentnosti sakralnogo i ee znachenie dlya «silnoy programmy» kultursotsiologii / Dmitriy Kurakin // Sotsiologicheskoe obozrenie. – T.10. №3, 2011. – S.41- 70.

6. Buldakov A. Ne nado ponimat zhenshin, ih nado lyubit : [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://www.akazak.ru/news/483-aleksej-buldakov-lne-nado-ponimat-zhenshin-ix-nado-lyubitr.html> (data obrascheniya: 25.04.2019).

7. Svyatitel Nikolay Serbskiy o Evrope: «S kem vyi: s Evropoy ili so Hristom? : [Elektronnyiy resurs] – URL: <https://3rm.info/publications/40600-svyatitel-nikolay-serbskiy-o-evrope-s-kem-vy-s-evropoy-ili-so-hristom.html> (data obrascheniya: 25.04.2019).

8. Neklessa Aleksandr. Prishestvie postsekulyarnogo mira // Russkiy zhurnal : [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://www.russ.ru/Prishestvie-postsekulyarn>(data obrascheniya: 25.04.2019).

9. Yuriy Arabov o filme «Faust». Ili o tom, kak chelovek soblaznyaet besa // Foma on-layn 2012 : [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://www.pravmir.ru/yurij-arabov-o-filme-faust-ili-o-tom-kak-chelovek-soblaznyaet-besa/>

10. Dostoevskiy F. Besyi: Roman / Vstup.st., primech. N. Budanovoy. – L.: Hudozh.lit., 1989. – S. 142.



**Isaev V. D. SPIRITUAL AND MORAL SECURITY AS AN IMPERATIVE OF EDUCATION AND UPBRINGING IN OUR TIME**

*The article deals with the problem of adequate modern social conditions understanding of the structure of society and dialectics of internal and external man. It is shown how with the help of a new understanding of civilization, quasi-civilization, culture and quasi-culture it is possible to build an effective work on education and upbringing of spiritual and moral security both in public and personal space.*

**Key words:** civilization, culture, quasi-culture, quasi-civilization, internal and external person, education, security, Spirit, soul, body.

**Исаев Владимир Данилович** – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля.

**Isaev Vladimir Danilovich** – honored worker of education of LNR, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of World Philosophy and Theology, LNR Luhansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

**E-mail:** vd.isaev@gmail.com.


**Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 230.2:023.36

*протоиерей Александр Пономарев*


## **ЕРЕСЬ БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ КУЛЬТУРЫ И КВАЗИКУЛЬТУРЫ**

*В статье излагается проблема существования в современном социуме еретического ума как способа модификации культуры до квазикультуры и мимикрии последней под культуру и цивилизацию. Описан способ разрешения этой проблемы через герменевтические поиски гармонии душевной и духовной жизни через анализ подмены цивилизационных оснований бытия на якобы культурные.*



**Ключевые слова:** душевное; духовное; эгос; коммунитас; цивилизация; культура; консьюмеризм; ересь.

Исследование проблем познания в соответствии с особенностями общественного познания – тема чрезвычайно сложная и ушедшая в последнее время на периферию исследовательского интереса. Тем не менее, эта тема по нашему мнению остается всегда актуальной, **если речь идет о проблеме душевной гармонии между душевным и духовным в современном мире.** Проф. Андрей Мясников совершенно верно отметит, что структура русского сознания характеризуется своеобразной «русской матрицей», когда стремление познать что-либо проходит четыре уровня. «Первый – религиозно-метафизический; второй – морально-психологический; третий – социально-политический и четвёртый – социально-родовой». И далее: **«На каждом из этих уровней происходит некоторое нарушение равновесия или дисбаланс сил, ведущий к конфликту и несчастью. Так, на первом уровне происходит безумное богоборчество, попытка человека стать Богом и подчинить себе всё сущее.** На втором уровне происходит конфликт внутренних способностей человека: мышления и желаний. На третьем уровне просматривается разрыв между всесильной, абсолютной властью и бесправным народом, а на четвёртом уровне – семейный конфликт между мужем и женой, между мужским и женским началом человеческой природы» [1]. Обратим внимание на выделенное нами. Когда усложняется путь поиска такой гармонии? - когда человек моральный в бытии вытесняется человеком экономическим. Опыт показывает, что всегда в этом случае побеждает человек экономический. Если посмотреть на человека, который живет сразу в двух пространствах – культуры и цивилизации – с позиции культуры в ее отношении к человеку, то станет ясным, что сегодня культура вступила в активную фазу бифуркации и превратилась в пост-культуру (В. Бычков). Как следствие этого, происходит переоценка ценностей культуры и "переформатирование" самого человека, даже его этических взглядов: замена брака на гражданский брак (или брачный договор), долга (человеческого) на обязанность профессиональную, дружбы (вообще) на партнерство (кстати, не только в экономическом пространстве) и др. Единственное, что может изменить изнутри эти отношения, это эстетическая императивность, которая запускает вирус в экономическое пространство и заставляет его "болеть" культурой, когда и формируется возможность реального установления гармонии душевных и духовных устремлений человека. Итак, наиболее скрытой и, по нашему мнению, самой мощной и самой важной для человека является императивность красоты, следы которой обнаруживаются в различных




эстетических отношениях человеческой практики, а центром культуры сегодня становится не человек моральный, а человек эстетический.

Такая переоценка ценностей показывает, что цивилизация использует формы культуры для того, чтобы сделать свою логику более убедительной. Возникает новая реальность. – «Всяк суетится, лжет за двух, и всюду меркантильный дух» (Пушкин). Это уже реальность, которой не было раньше, реальность рождающая ересь как отклонение от базовых ценностей русской культуры и ее центра – Господа. Реальность, очень убедительная для нас, как искусство, и которая вроде бы опирается на традиции культуры, а на самом деле имитирует их; социокультурная реальность, создаваемая человеком в логике «Эгоса», а не в логике «коммунитас».


Борьба продолжается постоянно. Борьба императивности Эгос и императивности коммунитас. В этой борьбе формируется императивность трансгрессивности социального бытия. Эти процессы обуславливают необходимость исследовать императивность как таковую в жизнедеятельности человека. Эту проблему, по нашему мнению, невозможно конструктивно решить без анализа природы культурно-цивилизационной императивности, поскольку она объективно является одним из тех факторов в жизни человека, которые связаны с самой сущностью человека, его бытием. Поэтому нас интересует императивность, прежде всего, не как инструмент в осуществлении консьюмеристских отношений, а как объективное обстоятельство, которое в силу своей протейной (по имени древнегреческого бога Протея) заставляет человека быть духовным и одновременно недуховным существом. Этот механизм необходимо сегодня осознать, и именно в этом заключается возможность прояснить истоки ереси как предательства культуры по отношению к человеку.

Наше сознание функционирует сразу на двух уровнях. Один уровень обычный. Что характерно для обыденного нашего сознания? То, что мы имеем дело с единичными вещами. Мы имеем дело только с единичными вещами или единичными событиями и стараемся прямолинейно экстраполировать то, что происходит здесь и сейчас, на будущее, не оглядываясь на прошлое. Трансгрессивное поведение требует готовности что-то делать, что называется, безоглядно. То есть обыденное сознание лишено рефлексии. На уровне дилетантизма, уровне обыденного сознания, мы не переживаем этого. В чужой монастырь не идем со своим уставом. Профессионал же всегда старается единичный факт или единичную ситуацию соотнести с теорией, объясняет сумму таких фактов, причины и



взаимосвязь таких фактов. Однако развитие представлений о цивилизации порождает еще один вид дилетантизма. Дилетантизм – оборотная сторона профессионализма, а вместе они составляют движущую основу цивилизации, называемую прогрессом. Справедливо критикуя такой слишком оптимистичный взгляд на цивилизацию Н.В. Мотрошилова справедливо отмечает о том, что не смотря на то, что все варварство безвозвратно ушло в прошлое "благодаря достижениям человеческой цивилизации и ее якобы непрерывном победном шествии». И вместе с тем "надо говорить о варварстве как обратной стороне (в том числе) современной цивилизации» [2; 2]. Заметим, что непрофессионализм и варварство сегодня тесно связаны и взаимообуславливают проявление и агрессивную активность друг друга. По сути, это происходит потому, что варварство составляет сущность цивилизационного образа жизни. Но оно никогда не афиширует себя, и человечество, не желая терять самоуважения к себе, часто называет его другими именами, в том числе и дилетантизмом. Дилетантизм соотносится с квазикультурой и противостоит теории как способу постижения сущности. Ересь в любой сфере знания рождается квазикультурой, не совместимой с теорией. Ересь не вникает в сущность, а исходит из поверхностного толкования ее в угоду цивилизационным интересам.

Что такое теория? Теория – это категориальное выражение успешного опыта многих людей, многих поколений людей. И когда профессионал начинает что-то делать, он посредством теории опирается на этот опыт. Столкнувшись с какой-то проблемой, он пытается найти схожие факты, определить, как решались подобные проблемы в прошлом, и на основании этого, то есть соотнесения теории, практики и осознания сущности возникающей проблемы делать те или иные практические выводы. Ересь заменяет знание упрямством. Ее суть очень хорошо выразил Стефан Цвейг, характеризуя особенность фанатичного ума: «Безусловно честный в своей прамолинейности, он вследствие надетых на себя шор, стесняющих мысль, становится одним из тех ограниченных, суровых умов, кои признают только истину собственной марки, добродетель, христианство собственной марки, все же прочее почитают не истиной, не добродетелью, не христианством... С таким непреклонным, неподкупным фанатиком, который только повелевает и требует беспрекословного подчинения, невозможно столковаться; любая попытка его вразумить или улестить лишь усиливает в нем жестокость, желчную насмешку и надменность. **О каменную стену такого самодовольного упрямства разбивается всякая попытка взаимопонимания**» [3;74,75]. Эти качества ума формируются как раз не в цивилизационном, а в культурном




пространстве: такой ум действует в логике коммунитас, но во имя собственных эгоистических целей. Ересь в этом случае, рожденная культурой, приобретает в ее воплощения свойства квазикультуры.

На самом деле очень часто, когда мы производим лишь видимость работы, стараемся уровень своего обыденного сознания оформить «теоретикоподобно», для большей убедительности представить свои цели и избранные средства их достижения в категориальной форме, одеть болванчика в царскую мантию и выдать его за царя. Вот это лежит в основе ереси в форме соблазна, когда мы уровень обыденного сознания, лишенного горизонта, знания истории, знания теории вопроса, стараемся одеть в некоторую наукообразную или социально значимую, или социально признанную форму. Так производится цивилизационная ипостась сознания, лишенная культурных символов и программ.

На роль интеллигенции, как средства закрепить авторитет полученной власти, часто претендуют люди, которые, кроме обыденного сознания, обыденного опыта, ничего не имеют: но им надо выделиться среди других, поскольку их наделили властью. Этот феномен описали М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров, но наиболее концентрированно он изображен в рассказе Е. Замятина «Слово предоставляется товарищу Чурыгину». Главный герой описывает революционные события в своем селе "языком как бы", что по своей сути и есть «язык безумия» (Фуко):


"Уважаемые граждане – и тоже гражданочки, которые вон там, я вижу, смеются, невзирая на момент под названием вечер воспоминаний. Я вас, граждане, спрашиваю: желательно вам присоединить к себе также и мои воспоминания? Ну, ежели так, прошу вас сидеть безо всяких смехов и не мешать предыдущему оратору ...". Довольно показательна концовка рассказа: "Это есть конец наших всевозможных темных событий как бы во сне, и затем восходит вполне сознательный день. И в заключение я вижу, что которые гражданки сперва сидели с видом смеха, то теперь они имеют обратный вид, и я к этому вполне присоединяюсь, потому что все – горький факт нашей темной культуры, которая нынче, слава богу, существует уж на фоне прошлого". – Здесь образ "темной культуры на фоне прошлого" как никогда уместен, и его можно смело расшифровывать как символ цивилизации и воцивилизованого человека. Поскольку люди наделены властью, они воспринимают цивилизацию как собственное пространство, стремятся воцивилизуются "... до положения момента", выражаясь языком Замятина. Эта же опасность подстерегает любого человека, подвергающегося соблазнам цивилизации, и трудно – устоять и сохранить независимость от этих соблазнов. Воцивилизованость для человека всегда таит опасность начать с "чего изволите" и неизбежно закончить ее «в



соответствии с подлостью» (Салтыков-Щедрин). Ересь цивилизации состоит в том, что в этом социальном пространстве человек обречен отказываться от идеалов культуры, забывать о Боге, идти по дороге, ведущей к подлости, не замечая этого. Ересь культуры состоит в том, что человек обратившись к цивилизации сознательно или неосознанно отказывается от логики Вечности во имя прагматики ближних горизонтов.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» написали, что для человека наиболее важными являются потребности в еде, жилье, одежде. Именно это и поставляет человеку цивилизация. Но в перечень необходимого они добавили загадочные слова «и еще несколько». Понятно, что для нормального существования социум должен беспокоиться о воспроизведении потомства. Поэтому под «кое-что» попадает, очевидно, семья и все, что с ней связано. В цивилизации с точки зрения культуры все становится с ног на голову. Возникает в цивилизации по аналогии с масскультурой такое явление, которое мы называем квазисемьей, возникает масснаука и т.д. Как писал митрополит Кирилл, «... через современные информационно-коммуникативные средства нередко ведут пропаганду универсальной бездуховной культуры, разврата и культа потребительства» [4;5-7]. Конечно, сегодня модно говорить о культуре. Модно потому, что в сегодняшних социальных обстоятельствах, которые лишены культуры, хочется сохранять культуру хотя бы в виде одежды; в условиях нашей жизни, где царят цивилизация и квазкультура, никто не хочет, не может, стесняется или боится крикнуть: «Король-то голый!». Поэтому все сегодня оказываются «знатоками» культуры и по совместительству духовности и красоты. Сегодня, разочаровавшись во многих цивилизационных проектах и ни разу не приступив к проектам культурным, под влиянием постмодернистских философских интенций, стали винить во всех неустроенностях и недостатках ум человека. Вот типичное мнение этих настроений: «Человек как машина, производящая и удовлетворяющая желания, пришла на смену человеку разумному» [5;1]. Конечно, дело не в наличии какой-то испорченности человека с испорченным умом и не в покорении ума желаниями. Дело в том, каким желаниям подчиняется ум, и какой это ум? – Свт. Иоанн Златоуст писал: «Бог даровал нам разум для того, чтобы познавал и принимал сообщаемое, а не для того, чтобы он считал себя достаточным для себя». Действительно, очевидно, пришел конец «плотскому разуму» (Игнатий Брянчиков).


Тьма реализуется во всеобщем размыкании человеческого в человеке, человеческого в его отношениях с миром, и на основе такого размыкания происходит онтологическая оксюмеризация бытия путем обожествления нечестивого. Так, Кайзерлинг писал об американском



промышленном магнате, который провозглашал «безбожной» любую нацию, которая не покупает его нефть. Точно так провозглашают безбожной всякого человека, если он не признает своей не свою культуру. Самое интересное заключается в том, что такое понимание безбожия и, следовательно, такое же понимание обожения является естественным пониманием красоты для оксюморированного сознания. Жизнь, истоптанную в пустыню повседневности, и пыль, именно пыль, этой повседневности воспринимается как прекрасное, как сама жизнь. «Быть известным в мире господства дьявола значит быть более близким к дьяволу, чем другие люди». – Это вполне правильное для такого сознания суждение. По сути своей оно означает, что человек, который добивается известности в цивилизации, а еще лучше сказать – и, который добился такой известности, становится более восприимчивым к логике цивилизации и глухим и слепым к логике культуры. Более того, человек в таких отношениях с цивилизацией воспринимает ее императивы как собственную мотивацию и теряет способность вообще жить в пространстве культуры. – «В мире дьявола почти все тенденции развития общества искажены». – Это суждение становится понятным, если брать эти тенденции по сравнению с тенденциями культуры и принимать их нормы. Цивилизация совсем не может во всей полноте реализовать свою логику – в таком случае люди просто уничтожат друг друга. В цивилизации поэтому возникают собственные скрепы, они способствуют удержанию людей в рамках обстоятельств их жизни в конкретном пространстве и времени. Такими скрепами, например, оказываются все проявления демократии.

**Выводы.** Главный вывод этих наблюдений заключается в следующем: «И мода, и культ потребления товаров и услуг, сфера того, что сейчас пытаются заставить нас принимать за "культуру", но ни капли культуры в чем нет, – все это тенденции, навязанные нам дьяволом". Конечно, читатель, который не хочет отождествлять свое бытие с отношениями с Богом или дьяволом как основополагающими, может протестовать против отождествления цивилизации с дьяволом. На это мы ему можем только сказать, что духовность вне этих "координат" – та духовность, которая составляет важнейшую часть онтологии нашего бытия, определить невозможно. И тем не менее в решении этой проблемы большую роль сыграла традиция герменевтики, присущая русской философии. Сошлемся на работу, который справедливо пишет: «Как нам представляется, на русской почве выстроилась оригинальная линия герменевтической философии. Можно говорить о своеобразном разделении труда в рамках последней. Например, В.В. Розанов делал упор на онтологических аспектах герменевтики («О понимании (Опыт





исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания)», 1886). Г.Г. Шпет ориентировался на решение проблем гносеологически-методологического характера, а также на исследование истории герменевтики («История как проблема логики», 1916; «Герменевтика и ее проблемы»). Наконец, М.М. Бахтин акцентировал проблему этических оснований герменевтики» [5; 467]. В понимании еретической интерпретации бытия в цивилизационном и культурном пространстве именно герменевтический метод позволяет в культурном по внешнему виду находить эгос цивилизационной сущности.

Библия говорит, что наши сердца настолько обманчивы, что мы и сами не знаем наших собственных мотивов (Иеремия 17:9). Наш Господь обращает свой колкий упрек в адрес тех людей, которые скрупулезно работают с видимыми, внешними сторонами проблемы и не хотят серьезно взглядеться в самую суть этой проблемы (Матфея 23:23-28).

### **Л и т е р а т у р а**

1. Андрей Мясников. Современное философское осмысление сказки А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке» / Журнальный клуб Интелрос «Credo New». – №3, 2017 // UPL: [http://www.intelros.ru/readroom/credo\\_new/o3-2017/33693-sovremennoe-filosofskoe-osmyslenie-skazki-as-pushkina-o-rybake-i-rybke.html](http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/o3-2017/33693-sovremennoe-filosofskoe-osmyslenie-skazki-as-pushkina-o-rybake-i-rybke.html).

2. Мотрошилова Н.В., Репин В.С. Проблемы цивилизации и варварства в свете междисциплинарного диалога философии и биологии / Н.В. Мотрошилова, В.С. Репин // Вопросы философии. – 2010. – №11. – С.50 – 61.

3. Цвейг С. Мария Стюарт: пер. с нем. Р. Гальпериной / Предисл. Б.Сучкова; Ил.В. Лукашева. – М.: Правда, 1989. – 400 с.


4. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Глобализация не должна принимать абсурдные формы / Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. – „Фома”. – 2008. – № 5/61. – С.5-7.

5. Кожурин А.Я. / В.В.Розанов и герменевтическая традиция в России // Философия и конфликтология. Вестник СПбГУ, 2017. – Т. 33. – Вып. 4. – С. 465-476.

### **R e f e r e n c e s**

1. Andrey Myasnikov. Sovremennoe filosofskoe osmyslenie skazki A.S. Pushkina «O rybake i rybke» / Zhurnalnyiy klub Intelros «Credo New». – №3, 2017 // UPL: [http://www.intelros.ru/readroom/credo\\_new/o3-2017/33693-sovremennoe-filosofskoe-osmyslenie-skazki-as-pushkina-o-rybake-i-rybke.html](http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/o3-2017/33693-sovremennoe-filosofskoe-osmyslenie-skazki-as-pushkina-o-rybake-i-rybke.html).

2. Motroshilova N.V., Repin V.S. Problemyi tsivilizatsii i varvarstva v



svete mezhdistisciplinarnogo dijaloga filosofii i biologii / N.V. Motroshilova, V.S. Repin // Voprosyi filosofii. – 2010. – №11. – S.50 – 61.

3. Tsveyg S. Mariya Styuart: per. s nem. R. Galperinoy / Predisl. B.Suchkova; Il.V. Lukasheva. – M.: Pravda, 1989. – 400 s.

4. Kirill, mitropolit Smolenskiy i Kaliningradskiy. Globalizatsiya ne dolzhna prinimat absurdnyie formy / Mitropolit Smolenskiy i Kaliningradskiy Kirill. – „Foma”. – 2008. – № 5/61. – S.5-7.

5. Kozhurin A.Ya. / V.V.Rozanov i germeneyticheskaya traditsiya v Rossii // Filosofiya i konfliktologiya. Vestnik SPbGU, 2017. – T. 33. – Vyip. 4. – S. 465-476.

### **Ponomarev A.V. HERESY OF INHUMANITY OF CULTURE AND QUASI-CULTURE**

*The article deals with the problem of existence of heretical mind in modern society as a way of modification of culture to quasi-culture and mimicry of the latter under culture and civilization. The described method of resolving this issue through the hermeneutic quest for harmony mental and spiritual life through the analysis of the substitution of the civilizational foundations of life on the supposedly cultural.*

**Key words:** *spiritual; ego; communitas; civilization; culture; consumerism; heresy.*

**Пономарев Александр Владимирович** – протоиерей Александр, магистр-аналитик теологии, аспирант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета им. Владимира Даля.

**Ponomarev Alexander Vladimirovich** – Archpriest Alexander, master of theology, postgraduate student of the Department of World Philosophy and Theology, Vladimir Dal Lugansk National University.

**E-mail:** umilenielugansk@gmail.com

**Рецензент: Исаев Владимир Данилович** – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник образования ЛНР, заведующий кафедрой мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля.


## О РЕЛИГИОЗНОМ ФУНДИРОВАНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОПЫТ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ

*Представлено аксиологическое понимание культуры на ее фундаментальном – ценностно-антропологическом уровне. Предложена семантическая интерпретация ценностей как предполагающих субъектное мироотношение смысловых значимостей, выступающих детерминантами человеческого бытия. Культурное творчество рассмотрено с позиции актуального смыслообразования посредством ценностей, а культура – как удостоверяющий человеческое бытие мир предметных ценностей. Показана связь морфологического строения культуры с иерархией ее ценностных модальностей, которая определяется приоритетными ценностями и сублимируется в культурной картине мира. Показано религиозное происхождение культуры и культурных ценностей, и в этом контексте проанализирован архетип священного – как аксиологической доминанты культуры, интегрирующей мир ее ценностей и выступающей универсальной мировоззренческой формой культурного смыслополагания. В связи с глобализацией и глобальными проблемами современности, их культурно-ценностной детерминацией рассмотрена проблема десаκραлизации культуры и необходимое аксиологическое условие ее преодоления. В целом в статье представлена и обоснована религиозная версия аксиологии культуры.*

**Ключевые слова:** ценность, смысл, значение, аксиология, семантика, человек, человеческое бытие, культура, религия, священное, мир.

*Ценности культуры – священны,  
и всякий нигилизм по отношению к ним – безбожен*  
**Николай Бердяев**

При всем многообразии имеющихся дефиниций культуры корреляция культуры и ценностей, нераздельность культурного и ценностного не может вызывать сомнений. Культуру всегда можно представить упорядоченной, организованной системой ценностей, находящихся в определенной иерархии. П. Сорокин подчеркивал: «именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [9, с. 429]. «Культура всегда удостоверяет собой то, что является ценностью человеческого бытия, причем «ценностью признанной» (Г.Риккерт); она всегда может быть верифицирована с позиции ценности» [10,



с. 129]. Итак, культура есть, прежде всего, мир или система ценностей, исторически развертывающийся хронотоп их объективации и аффирмации.


Определяющая характеристика ценности – смысловая значимость, ценность – это всегда определенное значение или значимость. Согласно словам Г. Риккерта, «...смысл и значение что бы то ни было имеет лишь по отношению к ценности. Во всех отношениях свободное от ценностей бытие вместе с тем лишено смысла и значения» [7, с. 336]. В общем плане ценность можно определить как нечто значимое вообще, в позитивном (ценность) или в негативном (антиценность) аспекте. Человеческое бытие погружено в мир ценностей – мир значащих смыслов (доброе и злое, прекрасное и безобразное, справедливое и несправедливое, полезное и бесполезное или любовь и ненависть); при этом ценности могут выступать как биполярные семантические структуры – каждая актуальная ценность предполагает противоположную ей антиценность, что указывает на трансцендентальный характер ценностей, на то, что человек воспринимает и удостоверяет действительность через призму ценностей или ценностных представлений.

Наиболее видный представитель аксиологической мысли в русской религиозной философии Н. Лосский указывал на то, что «...понятие ценности связано с понятием *значения*, и отношение входит сюда лишь постольку, поскольку всякое значение содержит в себе отношение...» [4, с. 261]; можно добавить – субъектное мироотношение, которое реализуется в культуре.

Итак, ценность является смысловой значимостью, которая содержит полагающее ее субъектное мироотношение, проявляющееся и в субъектно-объектном, и в межсубъектном или интересубъективном его аспектах.

Ценности выступают средоточиями всех актуальных для человека смысловых содержаний, в том числе – смысложизненных, они являют собой семантические образования, находящиеся на вершине иерархии смысловых структур. Ценность – не просто артикулированный, это – интегрированный смысл, содержащий комплекс значений и контекстуально проявляющийся в качестве таковых. Человеческое бытие есть бытие «с позиции» ценностей. В них задается и актуализируется его смысловое содержание. Вся сознательно-мотивированная его формация инициируется и интегрируется ценностями.

Будучи смысловой репрезентацией действительности для субъекта сознания ценности универсальны, они определяют все аутентичные, т.е. сообразные со смыслом, значением, проявления человеческого бытия. Они охватывают и реальный «мир сущего», и деонтологический «мир должного». Н. Лосский отмечал онтологический статус ценности: «...любое содержание бытия есть положительная или отрицательная ценность *не в каком-либо своем отдельном качестве, а насквозь всем*




*своим бытийным содержанием. ...само бытие, само esse есть не только бытие, но и ценность» [4, с. 263]; не случайно в аксиологической философии Н. Лосского лексема добро означает положительные ценности, соответственно, зло – ценности отрицательные.*

Как мир или система ценностей культура являет собой определяющую принципы мироотношения систему мировоззренческих диспозиций и вместе с тем – практик объективации и аффирмации ценностей, их культивирования. В своей объективированной модальности культура есть мир предметных ценностей, обладающих своими культурными значениями и размерностями, позиционирующими их в хронотопе человеческого бытия, в которых оно приобщается к культуре, проникается ею. Но прежде всего она, как отмечают российские культурологи А. Пелипенко и И. Яковенко, «...представляет собой всю систему смыслов человеческого бытия...» [5, с. 17], и соответственно – систему всеобщих принципов смыслообразования [5, с. 10]. Она начинается и всегда связана с актуальным смыслообразованием посредством ценностей; смыслообразование – это первоначало всякого творчества, и оно выступает как полагание ценностей, которые обретают свою культурную форму и объективируются в культурных явлениях – артефактах, выступающих способом объективации ценностей в хронотопе человеческого бытия.

Культура есть не просто мир артефактов как предметных продуктов культуротворчества, она есть мир ценностей – актуальных смыслов, которые человек всегда вкладывает в свои действия и творения. В культуре первична ценность или смысл, а не вещь или материал, субстрат. Она представляет собой ценностно-смысловую тотальность человеческого бытия. Украинский философ С. Крымский характеризует ее именно как альтернативный вызовом бездны ценностно-смысловой универсум человеческого бытия [3, с. 30].

Как мир ценностей и система всеобщих принципов смыслообразования «культура не ограничивается отдельными областями жизнедеятельности индивида и общества, а охватывает собой все стороны человеческого бытия, придавая им целостность, ценностно-мировоззренческую определенность» [10, с. 384]. А.Пелипенко и И.Яковенко указывают на то, что «всеобщность культуры, определяется тем, что в ней нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности. За пределами культуры может лежать только то, что в принципе непомышляемо ее субъектом» [5, с. 12].

Культуру как систему ценностей можно представить универсальной семантической матрицей человеческого бытия, моделирующей смысловые




его определенности. Ее элементы выступают как обобщенные смыслы или общезначимые ценности, обладающие своей областью значений и своей культурной размерностью, т.е. как культурные ценности, которые можно представить интегральными смысловыми образованиями – семантемами, определяющими в качестве диспозиций человеческое мироотношение.

Конституирующий человеческое бытие в мире (человеческий) способ отношения к действительности являет собой многомерную конструктивную объективацию ценностей. Его следует квалифицировать как культуру. Другими словами – праксеологическая объективация ценности в процессе и хронотопе человеческой деятельности есть порождение культурного явления – артефакта, есть созидание, развитие и воспроизводство культуры. Именно посредством объективации ценностей происходит преобразование наличной данности сущего в мир культуры, – мир человечески значимых смыслов.

Ценность как смысловое образование, заряженное исходящими из него значениями, обладает семантическим посылом, предполагающим творческую его объективацию и выступающим мотивационной основой человеческой деятельности. Поэтому для человека как субъекта сознания и сознательно-мотивированной деятельности не существует ценности вообще, а именно культурная ценность, выступающая основанием и диспозицией созидания предметной социокультурной среды его бытия, а также развития самого человека как субъекта объективирующего ценности культуротворчества. Подлинно человеческое бытие следует рассматривать «бытием в культуре».

В принципе любую ценность как определенный человечески-значимый смысл, предполагающий его объективацию, можно отнести к культурным ценностям. Понятие культурной ценности не редуцирует понятие ценности как таковой, оно предполагает объективацию семантического потенциала (значений) ценности в различных формах творческой деятельности человека-субъекта, и тем самым придание ценности соответствующей культурной формы, ее опредмечивание в артефакте, превращение в культурное благо.

Культурная ценность может быть определена как вырабатываемый развитием культуры человечески-значимый и гуманистически-адекватный смысл, конституирующий соответствующую ему перспективу деятельности в сфере конструктивной, а в предельном выражении – творческой реализации человека-субъекта. Культурная ценность отличается идеально-реальной целостностью, т.е. единством идеального (смысл/значение) и реального (социокультурная предметность артефактов) своих компонентов. Как таковая она ориентирована на сохранение,



воспроизводство и развитие – приращение семантического потенциала в практике человеческой жизнедеятельности.


В сфере культуры ценности выступают в форме и качестве: духовной предметности, материальной предметности и социальной предметности межсубъектных отношений. Они сопряжены с субъективной, объективной и intersубъективной реальностью в модальности человеческого бытия в мире.

Существование, оптимальное функционирование культуры связано с выработкой иерархически-выверенной системы ценностей, образующей удостоверяющую внутреннюю природу культуры семантическую матрицу ее ценностных модальностей, интегрирующую их потенциалы, и выступающую программой ее самоорганизации, развития, взаимодействия со средой. Она сублимируется в присущую культуре картину мира или «мировоззренческую суперсистему» (термин П. Сорокина); каждая состоятельная культура вырабатывает свое репрезентативное видение и понимание мироздания.

Семантическая матрица культуры, сублимированная в ее картине мира или мировоззренческой суперсистеме, инспирирует и формирует единую, интегрированную семантическую среду смыслообразования, конгруэнтную ее хронотопу и выступающую программой его исторического развертывания. С этой средой связаны легитимные для культуры акты культуротворчества. Словом, формируя и позиционируя интегрированную семантическую среду культуры, ее матрица или суперсистема охватывает своим влиянием все ее релевантные проявления, конституируя целостную социокультурную среду.

Семантическое строение этих матриц или суперсистем сопряжено с акцентуацией центральной диспозиции – фокуса всей системы мировидения, сообщающей мирозданию единый, всеохватный смысловой контент, причем такой, в котором имеет место смыкание реального и должного, т.е. имеющий «перспективистский» (термин Ф. Ницше), а в предельном своем выражении – метафизический характер. Российский математик и философ В. Налимов указывал на то, что «каждая культура обладает ценностной доминантой – парадигмой, которая являет собой единое поле ценностных представлений, разные участки которого имеют разные вероятностные веса» [1, с. 59].

В центре матриц/суперсистем культуры находятся образующие их ядро наиболее значимые – высшие ценности, движение от центра к периферии культуры, ее хронотопа, осуществляется через иерархию ценностных рядов: высшие/абсолютные ценности-цели; сопряженные с ними инструментальные ценности-средства; а также специфические и ситуативные ценности.




Эту иерархию ценностных рядов культуры можно представить в виде пирамиды, вершину которой занимают высшие/абсолютные ценности-цели или «самоценности» (термин немецкого философа Ф.-И. фон Ринтелена), т.е. ценности самодостаточные в своих непреходящих значениях, обладающие предельной – финальной их степенью, приоритетная ориентация на которые трансцендирует человеческое бытие. Эта иерархия задает семантический порядок культуры, определяющий морфологическую ее конфигурацию, и в свою очередь детерминируется ее верхним/высшим рядом, аутентичностью и качественностью значений его ценностей, степенью их проявленности.

Типичными примерами высших/абсолютных ценностей как ценностей, согласно Н. Лосскому, самих в себе безусловно оправданных [4, с. 288] являются: любовь, истина, свобода, красота, нравственное добро и др.; в свете пролонгации (четко обозначенной уже у В.С. Соловьева) традиции русской религиозной философии ценностей Лосский постулирует высшим ценностным рядом семантически выражающую абсолютную полноту бытия как миропорядка едино-целостную, в специфике спектра своих значений аксиологическую троичность Добра, Истины и Красоты в Боге как Абсолюте. В общем ценности такого семантического уровня и аксиологического класса в силу своей разрешающейся в абсолютности общезначимости выступают ведущими принципами смыслообразования. Они выступают универсалиями культуры; их объективация может принимать различные культурные формы, обусловленные спецификой ценностных представлений о нравственном добре, об эстетических канонах красоты, об истине и ее критериях, но само осознание их как высших/абсолютных ценностей-целей постоянно.

Образующий ценностное ядро семантической матрицы культуры комплекс наиболее значимых ее ценностей удостоверяется, интегрируется и сублимируется ценностным архетипом священного, обретая согласно с этим сакральный характер как высшую семантическую качественность значений. Обращаясь к идеям русской религиозной философии ценностей, священное в единстве с истиной, добром, красотой можно представить как высшее благо.

Манифестирующий Бога как абсолютную ценностную доминанту мироздания, выступающую эталоном значений, архетип священного (лат. *sacrum*) презентует мир с позиции универсального смыслового порядка. В нем моделируется образ мироздания, который утверждается в культуре и с которым она соотносится. Культура исходит из архетипа священного как универсальной мировоззренческой формы идентификации мира/универсума в его интегральной целостности и смысловой завершенности. Ее развитие связано с трансцендирующей человека и его бытие в мире объективацией семантики священного, выступающего






центром актуализирующего тяготения ценностей. Румыно-американский культуролог и религиовед М. Элиаде утверждал: «весь значимый мир... есть результат диалектического процесса, который можно определить как проявление сакрального» [14, с. 15-16]. Этим семантически сакрализуемым (значимым) миром является мир культуры, где архетип священного выступает ведущим принципом смыслообразования, определяющим персонифицированную целостность человека и его бытия.

Священное является ведущей, наиболее показательной универсалией культуры, выполняющей в своем безусловно значимом смыслообразовании интегративную функцию, формирующую социальные целостности или общности, выступающие коллективными субъектами культуры. М. Шелер писал: «ничто не объединяет человеческие существа столь непосредственно и тесно, как общее поклонение и почитание «святого». И в первую очередь – почитание «абсолютно» и «бесконечно святого», бесконечной святой личности – «божественного». Эту ценность в принципе может «усвоить» любой потому, что она самая неделимая. Сколь бы ни были значительны разделения среди людей, которые производило то, что фактически считалось в истории «святым» (в религиозных войнах и конфессиональных спорах), тем не менее, уже в сущностной интенции «святого» содержится то, что она объединяет и связывает. Всякая возможность разделения связана здесь только с его символами и техниками – а не с ним самим» [13, с. 312-313].

В единстве с наиболее значимыми ценностями культуры священное образует конфигурацию ее ценностного ядра, выступающую универсальным кодом культуры, обуславливающим присущие ей принципы инициативного смыслополагания, ее мировоззренческие диспозиции, задающим единую систему ее смысловых координат, программу функционирования и развития. По утверждению П. Сорокина, «всякая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но друг с другом не связанных, а есть единство, ... составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают главную ценность» [9, с. 429].

Проникнутые, сублимированные архетипом священного семантические матрицы культуры являются наиболее универсальными формами осознания, идентификации и понимания человеком мира, которые обуславливают присущие культуре принципы смыслополагания и реализуют свой потенциал в культурно-историческом развитии человечества. По словам М. Элиаде, «в основе Мира лежит опыт постижения священного...» [15, с. 130].

Поскольку ценностный архетип священного с наибольшей полнотой,




непосредственностью и аутентичностью выражен в религиозном сознании и мировоззрении и удостоверяет собой фундаментальный уровень религии, следует отметить религиозную фундаацию культуры и культурных ценностей.

Религию (лат. religio – святыня, благочестие, согласно этимологической транскрипции термина христианским мыслителем IV в. Лактанцием) как форму культуры в ее ценностно-антропологической акцентуации можно определить системой мировоззренческих представлений и ориентиров, содержащей морально-выверенные диспозиции поведения и деятельности и предоставляющей человеку абсолютный ценностный идеал, обладающий высшей степенью актуальной значимости для его жизненного служения и коррелятивно связанного с ним духовно-личностного развития. Примерно такое – универсалистское, общегуманистическое, над-конфессиональное понимание религии было присуще Л. Толстому, А. Швейцеру, Э. Фромму.

Собственно в аксиологическом (греч. axia – ценность) плане религию можно представить как выверенную систему ценностно-мировоззренческой ориентации с преобладанием в ней высших/абсолютных ценностей-целей. Она предполагает соответствующий принцип и установку смыслополагания, связанные с признанием ценностно-смыслового абсолюта бытия (священное как манифестация Божественного начала мироздания) в качестве высшего мерила всех ценностей. Этим задается и определяется целостность культуры как семантической тотальности человеческого бытия, целостность мира ее ценностей, производной от него интегрированной социокультурной среды. Этим задается и определяется иерархия ценностных рядов и модальностей культуры, создающих смысложизненную «вертикаль» человеческого бытия, предполагающую трансцендирующее стремление к абсолютному.

Фундированный (нем. Fundierung – основание, обоснование; термин феноменологической философии, используемый для акцентуации отношений обоснования) архетипом священного принцип смыслополагания с акцентом на всеобщей осмысленности бытия и его иерархическом словом порядке, с приоритетом в нем абсолютных ценностей в их непреходящей значимости, является ведущим в культуре, во всяком случае, с позиции аксиологического ее понимания. Архетип священного удостоверяет мир как целостность, смысловую завершенность, т.е. как универсум. Его следует квалифицировать как религиозный, принимая во внимание религию как форму культуры. В своих закономерных метафизических апелляциях, обращенных к ценностно-смысловым абсолютам бытия, их деонтологической значимости, он имеет




сверхутилитарный, по отношению к обыденной утилитарной полезности, и сверхрациональный, по отношению к рассудочной дискурсивности, характер. Он предполагает веру в абсолютные ценностно-смысловые основания бытия, являющуюся непрезойденной мотивацией в объективации ценностей. Без веры как уповающего стремления к тому, что свято, обладает безусловной или абсолютной ценностью, значительные культуротворческие свершения невозможны. Русский религиозный философ И. Ильин констатировал: «вера есть не что иное, как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки» [2, с. 137].

Религиозная вера производит духовную эмансипацию человеческого бытия, возвышает его над обыденностью сущего, смысло-ориентирует на исполненные безусловной смысложизненной значимостью высшие ценности. В аксиологическом плане она предстает антиципацией высших ценностей.

Религиозное смыслополагание (с позиции священного) следует считать семантическим горизонтом актуализации подлинных культурных ценностей, подлинной культурной реальности человеческого бытия, всегда имеющей трансцендирующую перспективу. Священное – своего рода категорический императив культурных ценностей, раскрывающий их подлинное значение. Удостоверяющее собой идеальное долженствование, применимое к любой подлинно значимой (культурной) ценности и способное сублимировать ее, священное имеет оценочный характер, выступает эталоном оценивания.

Следует отметить, что в семантическом плане священное стяжает и удостоверяет собой высшую значимость, абсолютную ценностность, и соответственно – высшее семантическое качество тех или иных образований. В архетипе священного культурные ценности обретают свою семантическую завершенность, имея тем самым религиозное основание и обоснование. На сакральность истоков культуры, ее происхождения указывал Н. Бердяев.

Этимологическое родство лексем «культ» и «культура» указывает на особенную значимость религии для культуры, на ее религиозные основания. Так, П. Флоренский отмечал, что религия и культура родственны по духу, поскольку сущность религии, как и культуры, – это соединение смысла и мира/действительности; что и осуществляется объективацией ценности. При этом сам культ может рассматриваться процедурой активации архетипа священного. Будучи культивированием ценностей, культура во многом связана с религиозным пиететом перед ними, что отличает ее от нигилизма. Она предполагает наличие смысловых




констант человеческого бытия, его ценностно-мировоззренческих диспозиций, являющихся ее скрепами.

В целом религию можно считать архетипической формой культуры. Немецкий теолог и философ П. Тиллих утверждал: «...форма религии есть культура» [11, с. 269]. На основе религии сформировались целые культурные миры или ареалы: индо-буддийская культура; китайско-конфуцианская культура; европейская христианская культура с конфессиональными ее составляющими в виде православной, католической, протестантской культуры и ее деноминаций; арабомусульманская культура и др., которые выступили конститутивным корпусом культурной истории человечества в ее адекватной архетипике священного семантической значимости и заданности.

Секуляризация культуры, придающая ее базовым ценностям светскую направленность и форму выражения, не элиминирует их архетипического религиозного значения, которое благодаря многомерности своей семантики, фиксируемой, например, в символах культуры, ее традициях, менталитете, особых артефактах они способны сохранять, и реактивирующее обращение к которому актуализирует мировоззренческие диспозиции культуры (смысловые константы человеческого бытия в культуре) в их аутентичности.

Вместе с тем десакрализация культуры и человеческого бытия несет угрозу тотальной профанации священного, его неаутентичным замещениям, – культом власти (в ницшеанском смысле) например, а также угрозу тотальной редукции культурных ценностей к утилитарной полезности, к стоимости и ее эквивалентам, утверждаемой доминирующим культурно легитимным критерием оценивания. В результате выхолащивается содержание культуры, нарушается иерархия ее ценностных модальностей, релятивизируются ее ценности и мировоззренческие диспозиции, что оказывает редуцирующее влияние на человеческое бытие, смысложизненную его семантику. Десакрализация культуры, проблематизирующая ценностно-смысловые константы человеческого бытия, дезавуирующая семантические их основания, связанные с архетипикой священного, находит выражение в дегуманизации, являющейся характерной особенностью современной эпохи.

Учитывая, что целостность человеческой природы, особенно в ее личностной сублимации, неотъемлема от целостности и семантической качественности ценностно-мировоззренческой ориентации, имеющей свое достаточное (безусловно значимое) обоснование, десакрализация культуры сопровождается неинтегрированной фрагментацией человеческой природы




с дезорганизацией личностной идентичности, утратой личностной целостности человека. В целом она имеет антропологически катастрофический характер, в том числе и в аксиологическом плане, поскольку современный «массовый человек» все более утрачивающий персонифицированную идентичность становится неким деперсонализированным придатком стандартизированных, семантически унифицированных ценностей социокультурного контекста.

Не случайно современная эпоха (Новейшего времени) оказалась отмечена такими показательными явлениями – индикаторами, как: массовый человек (в смысле Х. Ортеги-и-Гассета) или одномерный человек (в смысле Г. Маркузе), массовое общество (в смысле Э. Фромма, Д. Рисмена, Ч. Миллза), массовая культура (в смысле М. Хоркхаймера, Т. Адорно). Дегуманизацию при этом можно отнести к любому из этих массовых явлений современности.

Сопряженная с десакрализацией культуры дегуманизация инициирует актуализацию антиценностных потенциалов семантических структур человеческого бытия, что провоцирует различные перверсии человеческой природы на его индивидуальном и коллективно-массовом уровнях. Поэтому современная «массовая эпоха» все более обнаруживает антропологическую катастрофичность, и, соответственно, бесперспективность. По констатации итальянского философа-гуманиста и общественного деятеля, основателя международной организации «Римский клуб» А. Печчеи, альтернатива для современного человечества такова, – измениться или исчезнуть [6, с. 211].

Наиболее масштабная системная секуляризация культуры в истории произошла в Европе, в эпоху Нового времени, – с переходом от традиционной к инновационной культуре и стадии культурно-исторического процесса, представленной, прежде всего, культурой западного мира и инновационным ее продуктом – техногенной цивилизацией. Она связана с обеспечением приоритета утилитарно ориентированной на материальную предметность сущего культурной инноватики, креативные интенции которой нашли свое сублимированное воплощение в научно-техническом прогрессе.

В семантическом горизонте сциентистского мировоззрения как апологии НТП и модернизации общества и культуры на его инновационной основе, осуществляется полномасштабная десакрализация современной культуры, с тотальным «расколдовыванием мира» (термин М. Вебера) как утилитарно редуцируемого объекта культурогенного или техногенного влияния. В этом глобализирующемся влиянии реализуется магистральная интенция эксплуатационного господства над десакрализуемым миром,




которая воплотилась, например, в капиталистической миро-системе, с таким историческим продуктом ее «центра» или «ядра» как империализм.

Переход от традиционной к инновационной культуре, с генерализацией замкнутой на свою самодостаточность – самоценной культурной инноватики в неограниченности ее преобразующего влияния, задал новое направление культурно-исторического развития, сформировавшее современную эпоху. С инновационным культурогенным развитием оказались связаны выдающиеся культурно-цивилизационные достижения: современная наука и глобальные научные революции, современная техника и технология на научной основе (высокие технологии), научно-технический прогресс и научно-техническая революция, техногенная цивилизация, модернизация общества и культуры на научно-технической основе – развитое индустриальное, постиндустриальное и информационное общество, наукоемкая экономика, глобализация культурогенного/техногенного влияния и др. Они в полной мере выявили глобальные преобразовательные возможности культуры, ее инноватики, изменившие образ человеческой жизни, ход истории, сам облик земли.

Вместе с тем культурогенное развитие под преобладающим влиянием самодовлеющей инноватики, связанное с растущим отходом культуры от ее изначальных религиозных/сакральных семантических оснований, все более раскрывает свою проблематичность. Отмеченный двумя мировыми войнами XX век оказался связан с небывалыми ранее в истории кризисами и катастрофами: военными, политическими, экономическими, экологическими, что предельно обостряет вопрос об адекватности ориентиров современного культурно-цивилизационного развития. Обратная сторона его глобализации – обостряющиеся глобальные проблемы современности, которые ставят под угрозу существование человеческого рода и всего ареала жизни на земле. Катастрофичность стала неотъемлемой составляющей современной эпохи.

В целом самодовлеющая (техногенная) инноватика вне ее культурно адекватной семантической детерминации, определяющей, например, ее цели и приоритеты, приобретает деструктивный, даже аннигилирующий характер. Например, высокотехнологичным инновационным продуктом НТП является оружие массового поражения: химическое, бактериологическое, ядерное. История знает примеры применения оружия массового поражения, которое также можно рассматривать в корреляции с современной массовой эпохой.

Глобальные проблемы современности являются следствием принципов мироотношения, реализуемых культурой и цивилизацией, и




обусловленных ценностными диспозициями человека-субъекта. Судьбы мира, в конечном итоге, связаны с аксиологической проблематикой – с задающими принципы и диспозиции субъектного мироотношения приоритетными ценностями.

Глобальные проблемы современности не являются закономерностью культурно-цивилизационного развития. Это лишь следствие определенной его направленности – семантически редуцируемой к сциентистски – и технологически – верифицируемой культурной инноватике, удостоверяемой в «мировоззренческой оптике» эксплуатационного господства над миром.

На протяжении всей своей истории человек утверждает в мире создавая культуру как семантически исполненный хронотоп творческой объективации и аффирмации ценностей – смысловых детерминант (априори значимого) человеческого бытия. Человеческое бытие аксиологично, и потому удостоверяющие его праксеологическую модальность культурные ценности имеют тенденцию к охвату всей доступной действительности. И потому глобализация культурно-цивилизационного развития человечества, во всем многообразии его культурных миров/ареалов и присущих им диахронических и синхронических связей, закономерна. «Сегодня ценности выступают фактором глобального культурогенного влияния, имеющего демиургический характер и определяющего ход мирового развития» [10, с. 6].

Проблема культурных ценностей, их семантического качества сегодня особенно актуальна. В системе культурного смыслообразования в принципе должны преобладать безусловно значимые, семантические не редуцируемые ценности, ориентированные на смысловую всеохватность мира/бытия, и выступающие универсальными его семантемами, т.е. ценности абсолютные, подлинные ценности-цели. Они предполагают бытие и человеческое бытие в их интегрированной целостности, и оказывают оптимизирующее влияние на сферу их действия, в том числе и с позиции «устойчивого развития», которое может рассматриваться как проблема и перспектива формирования культуры и цивилизации нового (постинновационного) – коэволюционного типа.

В то время как семантически одномерные, редуцированные к утилитарной полезности, не предполагающие смысловой охватности бытия в его целостности, ценности оказывают редуцирующее влияние на сферу их интенсифицированного (культурной инноватикой) воздействия. Они задают внешние/внеположные человеку цели, и предполагают субъектно-объектный дихотомизм мироотношения, провоцирующий онтологическое отчуждение от всего того на что, инспирированная ими деятельность распространяется. Такие ценности должны использоваться именно как



ценности-средства и не могут выступать в качестве приоритетов культурного смыслополагания и т.д.

В конечном счете самодовлеющее доминирование этих ценностей деформирует иерархию ценностных модальностей культуры, переводя ее в утилитарно-прагматическую (семантическую) плоскость, порождая нигилизм по отношению к абсолютным или высшим ценностям-целям; нигилизм становится симптоматичным явлением для «массовой эпохи», с присущим ей тиражированием консьюмеристских ценностей массовой культуры, осуществляющих семантическую профанацию сферы своего воздействия, с соответствующей семантической маргинализацией человеческого бытия.

Словом, проблема должной реактивации архетипики священного, актуализирующей культурно-ценностные основания и начала человеческого бытия в его персонифицированной идентичности и смысложизненной состоятельности, сегодня на повестке дня. К примеру, это может послужить необходимым ценностно-антропологическим подспорьем перехода к новой – постинновационной модальности культуры, к коэволюционной оптимизации современного культурно-цивилизационного развития, согласно со стратегией или стратегемой устойчивого развития; понимая под стратегемой ценностно фундированную магистральную направленность культурного развития, сублимирующую его приоритеты, в данном случае – приоритет устойчивого развития над самодостаточной инноватикой, ограничивающий ее влияние.

Это предполагает «снятие» онтологического отчуждения человека от преобразовываемого им мира. Культура должна нести/вносить актуальный, экзистенциально значимый смысл в жизнедеятельность человека, способный элиминировать его возможное отчуждение от природной и социокультурной действительности, от своей собственной персонифицированной самости. Достаточным семантическим основанием преодоления дегуманизирующего человеческого бытие в мире онтологического отчуждения является связанная с актуализацией архетипа священного мировоззренческая сакрализация действительности, производимая религией как формой (духовной) культуры. Она может рассматриваться семантическим/ценностно-мировоззренческим обоснованием коэволюционной стратегемы устойчивого развития культуры, как и обновленной модальности культурно-цивилизационного развития в условиях глобализации; с полаганием того, что вся сущая действительность проникнута сакральным началом, является его потенциальным носителем, и любая предметность может быть





представлена через сопричастность к нему.

Всеобщая сакрализация действительности, предполагающая раскрытие архетипики священного в его универсальной проявленности, как и в его качественном семантическом своеобразии является залогом коэволюционной оптимизации всей системы культурогенного мироотношения человека-субъекта и глоболизирующей сферы его преобразующего влияния. Это тот семантический горизонт культурного смыслообразования, который сегодня, в перспективе «ответа» на «вызов» глобализации, актуально востребован.

М. Хайдеггер, которого трудно отнести к религиозно ориентированным философам, в своем «Письме о гуманизме» заявил следующее: «возможно, отличительная черта нашей эпохи мира состоит в закрытости измерения Священного. Возможно, тут ее единственная беда» [12, с. 213].

Перед современным человечеством XXI века обозначилась довольно четкая альтернатива – глобализация станет либо качественно новым этапом культурно-цивилизационного развития, либо катастрофическим завершением истории человечества в условиях нарастания глобальных кризисов, имеющих свои истоки в человеке и ценностных диспозициях его мироотношения.

Поскольку, будучи системой ценностей, культура исходит из архетипа священного как универсальной мировоззренческой формы идентификации мира/бытия в его смысловой исполненности и целостности, постольку вопрос о религиозном фундировании культурных ценностей имеет первостепенное для философского осмысления культуры значение, так же как и для должной актуализации рефлексивной составляющей духовно зрелого культурного смыслополагания, адекватного перспективе подлинного культуротворчества.

Выступающее ценностно-смысловой доминантой культуры, священное есть предельная смысловая обозначенность бытия, его так сказать верховная смысловая монада. Поэтому, по утверждению П. Тиллиха, «опыт священного есть то, что внушает предельный смысл» [11, 241]; добавим – культурный опыт священного, связанный с полаганием культурных ценностей. Соответственно, «религия, по утверждению английского философа и теолога Д. Сакса, не единственный, но главный источник смысла» [8, с. 23]. Согласно со своей нацеленностью на смысловые абсолюты, религия в зрелых ее культурных формах привносит в человеческое бытие высшие ценностно-целевые ориентиры, наполняет его безусловно-значимым мировоззренческим и смысложизненным содержанием, делает его по-настоящему осмысленным. Определяющие (культурогенные) человеческое бытие в мире культурные



ценности, так или иначе, фундированы религией, архетипикой священного.


В свете инспирируемого видения мира каждая состоятельная культура вырабатывает свой идеал священного как его семантической квинтэссенции, выступающего кодом миропонимания и сублимирующего смысловой порядок бытия, соотнося его со смыслом человеческой жизни. С этим связан присущий культуре потенциал конструктивного смыслообразования. Даже в случае замещения различными секуляризованными аналогами, священное способно сохранять универсальное архетипическое значение, обращение к которому явилось основой многих духовных исканий и движений в истории. «Мы, утверждал М. Элиаде, вправе сомневаться в том, что полная десакрализация вообще возможна» [14, с. 18]. Перефразируя же австрийского психолога и философа В. Франкла (работа «Человек в поисках смысла»), можно сказать, что человек как культурное существо, *Homo cultures*, есть «человек в поисках священного», – в его архетипической аутентичности.

Это в свою очередь предполагает презумпцию онтологического статуса смысла, онтологичности смыслового порядка мира/бытия, удостоверяемого ценностями. Согласно со своей онтологической теорией ценности Н. Лосский отмечал: «бытие не есть только носитель ценностей, оно само, будучи взято в его значительности, есть ценность...» [4, с. 287]. При этом «...предельная самоценность, в которой совмещаются все положительные ценности, и где *нет разделения на ценность и бытие*, есть абсолютная полнота бытия; симитом ее есть чувство совершенного удовлетворения, блаженство. Подлинною конечною целью всякой деятельности всякого существа служит эта абсолютная полнота бытия. Но она дана в Боге и есть Бог...» [4, с. 287].

Философское постижение культуры связано с экспликацией ценностно-антропологических ее оснований, которые в предельном семантическом выражении выявляют религиозную фундаацию, акцентирующую безусловную значимость того, во имя чего живет и действует человек. Этими смыслообразующими элементами человеческого бытия являются ценности, причем абсолютные ценности выступают его семантическими константами.

### Литература

1. Золотухина-Аболина Е.В. В.В. Налимов / Е.В. Золотухина-Аболина. – М.: ИКЦ «МарТ», 2005. – 128 с.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин // Основы христианской культуры / Ильин И.А. – СПб.: Шпиль, 2004. – С. 64-351.
3. Крымский С.Б. Экспликация философских смыслов / С.Б. Крымский. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.
4. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа



ценностей / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло: Сборник / Лосский Н.О. – М.: Республика, 1994. – С. 249-314.

5. Пелипенко А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1988. – 376 с.

6. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи ; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.

7. Риккерт Г. Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Риккерт Г. ; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 205-362.

8. Сакс Дж. Границы секуляризма / Дж. Сакс // Вопросы философии. – 2013. – № 4. – С. 20-27.

9. Сорокин П. Социокультурная динамика / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / Сорокин П. ; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 425-504.

10. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: ГО ВПО ДонНУЭТ, 2016. – 444 с.

11. Тиллих П. Теология культуры / П. Тиллих // Избранное: Теология культуры / П. Тиллих ; пер. с англ. – М.: Юрист, 1995. – с. 236-395.

12. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления / Хайдеггер М. ; пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 192-220.

13. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / М. Шелер // Избранные произведения / Шелер М.; пер. с нем. – М.: Гнозис, 1994. – С. 259-338.

14. Элиаде М. Ностальгия по истокам / М. Элиаде ; пер. с фр. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 216 с.

15. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде ; пер. с фр. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 144 с.


## References

1. Zolotuhina-Abolina E.V. V.V. Nalimov / E.V. Zolotuhina-Abolina. – М.: IKTs «MarT», 2005. – 128 s.

2. Ilin I.A. Put duhovnogo obnoveniya / I.A. Ilin // Osnovyi hristianskoy kulturyi / Ilin I.A. – SPb.: Shpil, 2004. – S. 64-351.

3. Kryimskiy S.B. Eksplikatsiya filosofskih smyislov / S.B. Kryimskiy. – М.: Ideya-Press, 2006. – 240 s.

4. Losskiy N.O. Tsennost i byitie. Bog i Tsarstvo Bozhie kak osnova tsennostey / N.O. Losskiy // Bog i mirovoe zlo: Sbornik / Losskiy N.O. – М.:



Respublika, 1994. – S. 249-314.

5. Pelipenko A.A. Kultura kak sistema / A.A. Pelipenko, I.G. Yakovenko. – M.: Yazyiki russkoy kulturyi, 1988. – 376 s.

6. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva / A. Pechchei ; per. s angl. – M.: Progress, 1980. – 302 s.

7. Rikkert G. Filosofiya zhizni. Izlozhenie i kritika modnyih techeniy filosofii nashego vremeni / G. Rikkert // Nauki o prirode i nauki o kulture / Rikkert G. ; per. s nem. – M.: Respublika, 1998. – S. 205-362.

8. Saks Dzh. Granitsyi sekulyarizma / Dzh. Saks // Voprosyi filosofii. – 2013. – # 4. – S. 20-27.

9. Sorokin P. Sotsiokulturnaya dinamika / P. Sorokin // Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo / Sorokin P. ; per. s angl. – M.: Politizdat, 1992. – S. 425-504.

10. Suhina I.G. Tsennosti i chelovecheskoe bytie v hronotope kulturyi: monografiya / I.G. Suhina. – Donetsk: GO VPO DonNUET, 2016. – 444 s.

11. Tillih P. Teologiya kulturyi / P. Tillih // Izbrannoe: Teologiya kulturyi / P. Tillih ; per. s angl. – M.: Yurist, 1995. – s. 236-395.

12. Haydegger M. Pismo o gumanizme / M. Haydegger // Vremya i bytie: Stati i vyistupleniya / Haydegger M. ; per. s nem. – M.: Respublika, 1993. – S. 192-220.


13. Sheler M. Formalizm v etike i materialnaya etika tsennostey / M. Sheler // Izbrannyye proizvedeniya / Sheler M.; per. s nem. – M.: Gnozis, 1994. – S. 259-338.

14. Eliade M. Nostalgia po istokam / M. Eliade ; per. s fr. – M.: Institut obschegumanitarnykh issledovaniy, 2006. – 216 s.

15. Eliade M. Svyaschennoe i mirskoe / M. Eliade ; per. s fr. – M.: Izdatelstvo MGU, 1994. – 144 s.

### **Suhina I.G. ABOUT RELIGIOUS FOUNDATION OF CULTURAL VALUES: EXPERIENCE OF AXIOLOGICAL REFLECTION AND ITS SEMANTIC CONNOTATION**

*The axiological understanding of culture on its fundamental – valuable and anthropological level is presented. Semantic interpretation of values as the semantic meaningfulness assuming a subject relation to the world acting as determinants of human being is offered. Cultural creativity is considered from a position of relevant formation of senses by means of values, and culture – as the world of subject values certifying human being. Connection of a morphological structure of culture with hierarchy of its valuable modalities which is defined by priority values and sublimates in a cultural picture of the world is shown. The religious origin of culture and cultural values is shown, and in this context the*



*archetype of sacred – as the axiological dominant of culture which is integrating the world of its values and acting as a universal world outlook form of a cultural initiation of senses is analyzed. In connection with globalization and global problems of contemporaneity, their cultural and valuable determination, the current problem of desacralization of culture and a necessary axiological condition of its overcoming is considered. In general in article the religious version of an axiology of culture is presented and proved.*

**Key words:** value, sense, meaning, axiology, semantics, man, human being, culture, religion, sacred, world.

**Сухина Игорь Григорьевич** – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», Донецк.

**Suhina Igor Grigoryevich** – Candidate of Philosophical sciences, Docent, Professor of the Department of Social and Humanitarian disciplines State organization of Higher education «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky», Donetsk

**E-mail:** suhina\_igor@mail.ru


**Рецензент: Исаев Владимир Данилович** – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник образования ЛНР, заведующий кафедрой мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля.

УДК 111.85.7.01

**Мазаненко О.М.**

## **ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ЭСТЕТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА**

*В данной статье рассматриваются функциональные механизмы сознания. В качестве механизмов предлагается рассматривать ряд исходных единиц с точки зрения различных научных школ и направлений, а именно: ощущений, рефлексов, реакций, ассоциаций, функций, гештальтов, установок, схем, архетипов, переживаний, паттернов, смыслов. Ключевым положением является тезис о том, что с появлением некоторых специфических особенностей и характеристик этих механизмов, они начинают определять ту специфическую*



деятельность личности, которая носит характер активного созидания, создания нового, эстетически окрашенного, а именно творческого сознания художника.

**Ключевые слова:** творческое сознание, эстетический феномен, механизмы, ощущения, рефлекс, реакция, ассоциации, функция, гештальт, установка, схема, архетип, переживание, паттерн, смысл.

Отправным положением данной статьи является то, что механизмы работы сознания человека существенно отличаются от психической жизни животных. Самое явное отличие наряду с другими – это творческая природа сознания. Поэтому дифференциация творческого сознания как отдельной, специфической формы, как эстетического феномена позволит выделить как раз ту сторону психики человека, которая выводит его на качественно другой уровень бытия.


Механизмы творческого сознания можно условно разделить на следующие группы: *векторально-ментальные механизмы* (понимание творческого сознания через категории телесности, темпоральности и пространства); *функциональные механизмы* (введение в понимание творческого сознания измерительных единиц: ощущения, рефлекс, реакция, ассоциации, функция, гештальт, установка, схема, архетип, переживание, паттерн, смысл; *дискурсивные механизмы* (самосознание, «Я – Другой», «Сознание – язык») как рефлексия и удвоение сознания; *нейрофизиологические механизмы* (кодирование-декодирование, фильтрация, модуляция, голограмма как специфика деятельности мозга).

В данной статье речь пойдет о функциональных механизмах, не сводимых к анализу сознания конкретных индивидов. Для понимания механизма как функции, необходим выбор исходной единицы сознания. Далее приводим обзорный анализ работы каждой единицы как механизма творческого сознания с точки зрения различных научных школ и направлений.

*Ощущения* – чувственное отображение объективной реальности, которая существует независимо от сознания, и которая появляется в ощущениях в момент воздействия на органы чувств.

Проблема ощущений относится к традиционным философским проблемам. Так, Демокрит ощущения понимал как единственный источник истины. Идея «непосредственного принятия» предмета с помощью органов чувств отстаивалась такими мыслителями, как Аврелий, Гельвеций, Гоббс, Гольбах, Дидро, Ламетри, Сенека в традициях рационализма и эмпиризма центральной проблемой философии видят решение вопроса об интерпретации ощущений [11, с. 172-185].

Следующим шагом понимания ощущений как механизма сознания становится оформление теории отражения, к основным формам которого в




живой природе принято относить раздражимость, чувствительность, психику и сознание. В содержание этого тезиса обычно включают абстрактно-логическое мышление, целеполагание, самосознание и язык, которые педалируют качественное отличие сознания человека от психики животных в связи с наличием особенностей, появление которых стало возможным в ходе социо-культуро- генеза. В доказательство ведущей роли ощущений в сознании выступает экспериментально доказанный факт влияния сенсорной депривации на изменения в сознании [10, с. 289-292].

Под влиянием исследования органов чувств в экспериментальной психологии, прежде всего ученых В. Бехтерева, И. Павлова, обосновывается рефлекторный характер ощущений. Даются аргументированные характеристика физиологической основы ощущений, описаны виды и классификации ощущений, их закономерности и характеристики. *Рефлекс* можно рассматривать как неотъемлемую часть ощущений, а можно как отдельную переменную, самостоятельный механизм сознания [10, с. 289-292].

Тем не менее, не смотря на уверенную позицию ощущений и рефлексов как исходных единиц психики, выполняющих роль механизмов сознания, можно утверждать, что некоторые закономерности ощущений нельзя вписать в рамки ни отражательной, ни рефлекторной парадигмы. Например, синестезия, которую ряд авторов рассматривают как идею межчувственных связей, целостности и гармоничности человеческой чувственности (А. Баумгартен, Л. Выготский, Б. Галеев, Г. Гегель, М. Горький, Э. Ильенков, И. Кант, Л. Толстой, Л. Фейербах) [3, с. 214-242].

Каждый исследователь проблемы синестезии имеет, как правило, собственное видение этого вопроса, но наиболее убедительными в выстраивании стройного конструкта, определения границ и дефиниций синестезии являются ученые-эстеты. Синестезию связывают с межчувственными переносами, а в качестве примеров приводятся литературно-поэтические образные выражения, музыкально-цветовые образы, зрительно-слуховые комбинации.

Нам близка позиция Б.М. Галеева, в которой философ рассматривает синестезию как сущностное свойство творческого сознания художника, выполняющее компенсаторную функцию по опосредованному возмещению неполноты присвоения родовой сущности человека, прежде всего, в сфере чувственности. Автор предлагает отойти от привычного трактования синестезии как «соощущения» (накладка ощущений различной модальности) и использовать понятия «сопредставления», «сочувствования». Тогда синестезия выступает очень важным механизмом встраивания индивидуального в общечеловеческое, переводя творчество из




категории личностных ценностей, связанных со стремлением к гармонии, согласованности и красоте в раздел эстетико-аксиологической природы чувственной целостности и единения [5].

Синестезия помогает соединить позиции деятеля, художника и созерцателя, делая менее четкими границы между рациональным и иррациональным, волевым и чувственным. Синестезия связана в этом смысле с той особой способностью, благодаря которой творец, художник получает возможность занять ту самую позицию «внезаходимости». То есть синестезия как механизм эстетического видения выносит художника за пределы воспринимаемой действительности, помогая достраивать целостную эстетическую картину художественного произведения недостающими красками, звуками, запахами и др. Такой воссозданный эстетический образ далее включается в индивидуальную ценностную картину мира, формируя ценностное отношение к творческому процессу, создаваемому или созданному художественному произведению, а также к себе как к личности творческой, созидающей.

Таким образом, художник получает целостную, непротиворечивую картину, включающую образ Мира, человека в Мире, образ-Я. Это достигается за счет того, что синестезия как механизм сознания лежит в основе творческой компоненты деятельности художника.

Например, если в творчестве художник обращается к образу ребенка. Этот образ проявляется на различных срезах – понятийных, смысловых, семантических, символических и является архетипичным. Поэтому образ ребенка может быть передан через любой вид художественного творчества, но именно синестезия позволяет достроить недостающие элементы образа, описания, лика, звучания. Причем, в данном контексте становится совершенно очевидным, что синестезия открывает для художника еще несколько проекций. Кроме описанной проекции, направленной на воссоздание образа, или картины Мира, еще одна проекция – это сопредставление, сочувствование, и, собственно, сотворчество со зрителем, слушателем. Для правильной передачи эстетико-аксиологического содержания любого образа важно общее начало в кодировании и декодировании информации. Поэтому сознание художника векторально не только стремится охватить и воссоздать целостную картину Мира, но и простроить свои отношения с теми, с кем предполагается наладить коммуникацию посредством авторских художественных произведений. Причем речь идет как о современниках, так и будущих поколениях. Здесь уместным будет перейти к образу-Я с одной стороны как транслятора духовных, художественно-эстетических ценностей, а с другой человека, индивидуальности как того ценностного ядра, который и






определяет стержень картины Мира, со всеми образами, мыслями, деяниями, переживаниями. Таким образом, синестезия, это, прежде всего механизм восполнения недостающих элементов эстетико-аксиологического образа Мира, а также человека в Мире и образа-Я на уровне чувственности в широком смысле.

Такой развернутый анализ синестезии как одного из свойств ощущений был необходим для того, чтобы продемонстрировать как такой функциональный механизм сознания как ощущение, понимаемый как отражение или рефлекс приобретает новый смысл, поместившись в измерение творческого сознания как эстетического феномена. Считаем, что такие свойства ощущений, как синестезия, сензитивность, сенсбилизация (как развитие и тренировка ощущений в ходе упражнений и тренировок) обеспечивают эффективность творчества, являясь проводниками первичных ощущений к уровню эстетического восприятия, воплощенном в творчестве.

Перейдем к следующей исходной переменной, которая дает основания для понимания механизмов функционирования сознания. *Ассоциация* понимается как соединение между двумя содержаниями сознания, возникающее в опыте индивида. Описание явления, когда появление в сознании ощущения, мысли, чувства влечет за собой появление другого, встречаем в трудах Платона, Аристотеля. Но сам термин предложен Дж. Локком. Причем Локк противопоставлял ассоциации, называя их «неразумными», другим связям, установленным в результате действий разума. Дж. Беркли через ассоциативность объяснял глубину восприятия, а Д. Юм – все познавательные процессы.

Наиболее широко идея ассоциации как механизма сознания проникла в психологию. В середине XVIII столетия ассоциация была принята как всеобщий закон функционирования психики, который можно описать в строгих научных обоснованиях, и который может быть подвергнут объективной проверке. В рамках ассоцианизма разворачивают свои концепции Т. Браун, Д. Гартли, Т. Гоббс, Дж. Милль и др.

Достаточно подробно в трудах философов и психологов описаны типы ассоциаций по сходству, контрасту, по смежности в пространстве и времени, ассоциации причинно следственного характера. Изначально ассоциация как механизм работы сознания рассматривается как механическая работа вне активности субъекта. Но постепенно этот взгляд начинает вытесняться в связи с идеями о том, что невозможно «законы духа» свести к механическим законам. Появляются принципиально новые теории об ассоциациях – у И. Гербарта как активной деятельности субъекта в процессе построения образа мира, у А. Бэна как о спонтанной активности



ума, у В. Вундта, Г. Лейбница, как об апперцептивных связях, у З. Фрейда как о смысловых связях [10, с. 174-178].

Эстетические ценности, взгляды, вкусы обеспечиваются ассоциативным фондом, который формируется благодаря воздействию всего конгломерата культурных представлений человечества, а также собственным жизненным опытом конкретного человека. Общечеловеческие, групповые и индивидуальные традиции и опыт обеспечивают ассоциативную связь переживаний, эмоций с представлениями о прекрасном, безобразном, комическом, трагическом, выступая самым мощным механизмом творческого сознания как эстетического феномена.


Еще одной переменной, которая послужила основой для объяснения механизмов работы сознания, является *функция*.

К идеям функционализма были обращены размышления Ф. Brentano, В. Джемса, Дж. Дьюи, Дж. Р. Энджелла. Главным предназначением сознания они называют приспособление субъекта к среде благодаря психическим процессам как операциям, функциям адаптации. Функции творческого сознания как эстетического феномена определяются той ролью, которую играет эстетика в жизни человека и общества. Известная фраза Ф. Достоевского «красота спасет мир» – это отражение главной и явной функции эстетического взаимоотношения человека с действительностью [11, с. 74-78].

Идея целостности сознания как процесса в функционализме в гештальтпсихологии преломляется через целостность воспринимаемых из окружающего мира конфигураций. *Гештальт* выступает структурным механизмом творческого сознания как целостности образов и действий. Например, в картинах импрессионистов, кубистов несмотря на измененность всех частей материала, образ целого сохраняется. Или же мелодия, исполненная в разных тональностях, остается узнаваемой.

Кроме того, гештальт рассматривается не только как образ, но и как действие, имеющее начало и конец. В этом смысле гештальт завершается в момент достижения того, что в нашем вымысле представлено в виде цели, итога, конечного образа. Сознание человека стремится к завершению открытого гештальта, так как гештальт незавершенный дает переживания дискомфорта, изнуряет. Гештальт как механизм сознания помогает понять те состояния, переживания и стремления творческих людей, которые, к примеру, создавая художественные произведения, погружаются в созидательный процесс, нередко теряя при этом ощущение времени, связь с близкими, а иногда и со своим Я. Современная гештальттерапия имеет богатый арсенал техник и приемов решения таких проблем [6, с. 62-68].

Если функция и гештальт как механизм сознания повторяются неоднократно, они закрепляются и трансформируются в другой механизм




сознания – *схему или систему*. Следование человеческой мысли идее системности имеет давнюю историю, начиная от первых представлений о космосе как о целом. Система всегда противопоставляется хаосу. В механизмах схематизации и систематизации сознание стремится к гармоничному и упорядоченному познанию, поведению.

Такой механизм сознания как *паттерн*, по содержанию своей работы имеет схожие характеристики со схемой, системой, но все же отличается от них. С одной стороны паттерн обеспечивает адаптацию, а с другой ограничивает сознание. Это связано с тем, что паттерн инкапсулятивен, так как замыкает информацию в себе, даже если она имеет отношение к другим паттернам. Кроме того, паттерны хронологичны. Они строятся по мере поступления информации и не дают возможность гибкого реагирования на поступление нового материала. Тем не менее, в сознании человека творческого есть компенсаторные возможности для коррекции паттернов в более совершенные модели. Эдвард де Боно такую возможность компенсации связывает с латеральным мышлением [2, с. 27-34].

Обращение к таким механизмам сознания, как схема, система, паттерн относится к попыткам представить работу сознания, прежде всего, как выработку алгоритмов. В качестве еще одного алгоритмичного механизма также была использована исходная единица *конструкт*. Согласно Дж. Келли, конструкты – это формально-логические дихотомические связи бинарных оппозиций. Эти конструкты стандартны, человек их согласовывает с реалиями своей жизни, правда не всегда эффективно. Без таких конструктов мир предстал бы перед сознанием как однородная неразличимость, из которого невозможно извлечь никакие смыслы. Сложность согласования конструктов с реальной жизнью в том, что это согласование не поддается никакой логике. Оно зависит от того, как человек интерпретирует события и явления своей жизни исходя из количества повторений конструктов, их порядковых соотношений, их преломления через собственные интересы, вариативность проявлений в индивидуальном жизненном опыте, диалога с интерпретациями других людей [8, с. 115-116].

Продолжая развитие идеи алгоритмичности конструктов, В. Аллахвердов утверждает, что сознание разговаривает на языке логики, оно и есть решение задач, однако ему предшествуют протосознательные процессы, которые включаются в момент выбора между множеством альтернатив, когда нет критериев определения верности или неверности выбора. Протосознание работает наподобие компьютера, который всегда знает, что выбрать и как действовать. А вот сознание работает как пользователь компьютера. Оно включается в том случае, когда нет заранее созданной комбинации, возникают познавательные затруднения, возникает



необходимость создания новых закономерностей. Сознание более свободно, чем протосознание хотя бы в том, что оно может использовать стратегию случайного выбора. Такого рода обоснования механизмов сознания легли в основу теорий искусственного интеллекта, которые в современных научных подходах активно разрабатываются [1, с. 26-47].

Для понимания работы творческого сознания с точки зрения описанных нами механизмов функции, структуры, гештальта, схемы, паттерна, конструкта, творческие личности прибегают к анализу этапов, шагов, стадий собственного творческого опыта. Такой анализ отражает стремление творца к гармонии, уравниванию с помощью художественного творчества взаимоотношений с миром, что еще раз подчеркивает даже в логико-рациональных аспектах главенствующую эстетическую позицию во взаимодействии с миром.


Одним из значимых механизмов творческого сознания также выступают *архетипы*. Наиболее разработана тема архетипов как механизмов сознания, а точнее коллективного бессознательного в аналитической психологии К. Юнга. Архетипы как механизмы являются своего рода первичными представлениями о мире и жизни, которые не зависят от уровня полученных знаний. Они в разное время появляются в сознании людей, как бы всплывают независимо от воли человека.

Так, при ближайшем рассмотрении, к примеру, любого отрицательного аффекта видим, что в эмоциях агрессии, обиды, зависти и др. человек проявляет склонность к фетишизации динамических свойств и отдельных качеств, которые разворачиваются в манихейском способе мышления и хранятся в нашем бессознательном.

Архетипичные праформы автономны, они не определяются сознанием, но способны воздействовать на него. В повседневной жизни они появляются в языке, мышлении, действии, разворачиваясь в сознании в виде цепочки «индивидуальные смыслы – метафорические структуры – архетипы». В эстетике находим описание архетипов красоты, героизма, трагического и т.д., которые конвергентно выступают как эстетические корреляты механизмов творческого сознания.

В качестве исходной единицы, которая также может быть определена как механизм сознания, также выступает *переживание*. Анализ переживаний в феноменологическом подходе традиционно основывается на идее Э. Гуссерля о смещении акцента с категорий истины, знания на категорию опыта. Причем важность приобретает не опыт как философская категория, а опыт конкретного человека как переживание. По Гуссерлю сознание – это есть наш опыт в переживаниях, феномен [7, с. 82-88].

Л. Выготский характеризует переживания как особую чувственно



окрашенную интегральную единицу сознания. Стремление что-либо познать, обнаружить, достичь определенной гармонии возможно через переживания. Переживания предполагают определенные усилия по замедлению [4, с. 84].

М. Кундер называет это неспешностью, подлинностью. Это такая впечатленность от того, что я наблюдаю внутри себя и вокруг, которая переносит в более полную, объемную реальность, интерес к окружающему миру, который Гуссерль называет интенцией – естественной установкой сознания (всегда о чем-то) [9, с. 3-9].

Все вышеназванные тезисы в полной мере можно применить и к характеристике творческого сознания. Тогда интенциональность творческого сознания – это стремление получить некоторый созидательный опыт, окрашенный индивидуальными смыслами, которые творец находит здесь и сейчас.

Творческое сознание трансформирует впечатления и переживания, в которых то, что интересовало творца в окружающем мире, перерождается в интерес к себе. Этот интерес открывает поиски смысла себя творческого в этом мире. Здесь уже речь идет о феноменологической установке, которая переключает сознание на исследование собственного творчества как опыта созидательной деятельности по продуцированию новых, уникальных материальных и духовных ценностей.

Пол Гудман называет такую установку «внутренней структурой переживания». Творец становится своего рода зеркалом, транслятором своих переживаний тем, кто будет соприкасаться с продуктами его творчества. И тогда переживания, возникающие у творца, появятся и в сознании реципиентов, став уже их феноменом. Вот почему зритель, слушатель безошибочно понимает иронию в трагическом сюжете, или красоту в том, что лишено, на первый взгляд, гармонии [6, с. 62-68].

Внутренняя структура переживаний тесно связана со смыслами. *Смыслы* в современных исследованиях отечественных ученых, прежде всего философов, психологов зачастую рассматриваются как универсальные механизмы работы сознания. Так, Л. Выготский смысл характеризует как предельное аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике. Согласно концепции А. Леонтьева субстратом сознания выступает система его значений, данных в единстве с личностными смыслами и чувственной тканью. В. Зинченко предлагает рассматривать сознание как взаимодействие биодинамической ткани движения, действия и чувственную ткань образов с одной стороны, и как значение и смысл с другой [10, с. 112-118].

В феноменологии придание смысла как когнитивно-психологический процесс обозначается как тематизация. Сам феномен порождения смысла как опыта должен найти опору в предметной реальности. Такую опору дает тема,



которая удерживает опыт в переживании.

Т. Буюкис предлагает рассматривать смыслы как становление самопонимания личности как новый опыт коммуникации с самой собой. Смыслы появляются в сознании как синкретические представления, которые не поддаются аналитическому расчленению на звуковые, цветовые, пространственные, тактильные, эстетические и т.д. Дж. Гибсон для определения такой целостности смысла использует термин «ощущаемый смысл». Затем происходит надстройка сенсорного уровня, который предполагает ощущения разной модальности. Затем подключается психосемантический уровень, на котором смыслы представлены в вербальных и знаковых формах, в форме символов, образов, символических действий и т.д. [11, с. 68-71].


В нашей работе под смыслом как механизмом творческого сознания художника мы будем понимать внутреннее идеальное содержание чего-либо, связанное с более широким планом реальности, в котором особое значение приобретает эстетическое как идеи гармонии, предназначения, конечной цели, красоты и т.п. Считаем верным концептуально рассматривать творчество не как процесс, а как смысловую позицию, регулирующую сознание творческого субъекта. С одной стороны, запечатление, к примеру, чувств любви и ненависти, добрых и злых деяний, картин красоты природы и безобразности действительности может составить эстетический смысл как творчества, так и всей жизни художника. С другой стороны, в творчестве художник через творчество получает возможность находить смыслы во всех проявлениях мира. Творчество как эстетический феномен дает ощущение полноты, гармоничности чувственно-интеллектуального взаимодействия с миром, что наполняет жизнь творца смыслами.

**Выводы.** Таким образом, нами были проанализированы функциональные механизмы творческого сознания как эстетического феномена. В качестве измерительных единиц, которые движут творческим сознанием могут выступать ощущения, рефлекс, реакция, ассоциации, функция, гештальт, установка, схема, архетип, переживание, паттерн, смысл.

Безусловно, к этим механизмам прибегают ученые для объяснения сущностной природы сознания как такового. Однако с появлением некоторых специфических особенностей и характеристик этих механизмов, они начинают определять ту специфическую деятельность личности, которая носит характер активного созидания, создания нового, эстетически окрашенного, а именно творческого сознания художника.

### Л и т е р а т у р а

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. / В.М. Аллахвердов. – СПб: «Издательство ДНК», 2000. – С. 26-47.



2. Боно Э. Латеральное мышление. Учебник творческого мышления / Э. Боно. – Спб.: Питер, 1997. – 240 с.

3. Бычков В. В. Эстетика. / В.В. Бычков. – М.: КНОРУС, 2012. – 528 с.

4. Выготский Л. С. Психология искусства. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 345 с.

5. Галеев Б.М. Что такое синестезия: мифы и реальность [Электронный ресурс] / Б.М. Галеев. – М.: Leonardo Electronic Almanac/ - v.7, 1999. – № 6. URL: [http://synesthesia.prometheus.kai.ru/mif\\_r.htm](http://synesthesia.prometheus.kai.ru/mif_r.htm) (дата обращения 15.12.2018).

6. Гудман П., Перлз Ф. Теория гештальт-терапии / П. Гудман, Ф. Перлз. – М.: Институт общегуманитарных исследований. – 2000. – С. 62-68.

7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Электронный ресурс] / Э. Гуссерль. – М.: ДИК, 1999. – Т.1. – 227 с. URL: [http://www.rumagic.com/ru\\_zar/sci\\_philosophy/gusserl/2/](http://www.rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/gusserl/2/) (дата обращения 14.12.2018).

8. Келли Дж. «Психология личности (теория личных конструктов)» / Дж. Келли – СПб: Речь, 2000. – 249 с.

9. Кундер М. Неспешность. Подлинность / М. Кундер. – М.: Азбука-классика, 2000. – 40 с.

10. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М., 1957. – С. 289-292.

11. Сорокин Б. Ф. Философия и психология творчества: научно-методическое пособие для аспирантов и молодых преподавателей [Электронный ресурс] / Б.Ф. Сорокин. – М.: Наука, 2012. – 218 с. – URL: <http://www.philosophy.allru.net/perv265.html>. (дата обращения 17.12.2018)

## References

1. Allahverdiv V.M. Soznanie kak paradoks. / V.M. Allahverdiv. – SPb: «Izdatelstvo DNK», 2000. – S. 26-47.


2. Bono E. Lateralnoe myishlenie. Uchebnik tvorcheskogo myishleniya / E. Bono. – Spb.: Piter, 1997. – 240 s.

3. Byichkov V. V. Estetika. / V.V. Byichkov. – M.: KNORUS, 2012. – 528 s.

4. Vyigotskiy L. S. Psihologiya iskusstva. / L.S. Vyigotskiy. – M.: Pedagogika, 1987. – 345 s.

5. Galeev B.M. Chto takoe sinesteziya: mifyi i realnost [Elektronnyiy resurs] / B.M. Galeev. – M.: Leonardo Electronic Almanac/ - v.7, 1999. – # 6. URL: [http://synesthesia.prometheus.kai.ru/mif\\_r.htm](http://synesthesia.prometheus.kai.ru/mif_r.htm) (data obrascheniya 15.12.2018).

6. Gudman P., Perlz F. Teoriya geshtalt-terapii / P. Gudman, F. Perlz. –



М.: Институт общегуманитарных исследований. – 2000. – С. 62-68.

7. Gusserl E. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii [Elektronnyy resurs] / E. Gusserl. – М.: DIK, 1999. – Т.1. – 227 с. URL: [http://www.rumagic.com/ru\\_zar/sci\\_philosophy/gusserl/2/](http://www.rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/gusserl/2/) (data obrascheniya 14.12.2018).

8. Kelli Dzh. «Psihologiya lichnosti (teoriya lichnykh konstruktov)» / Dzh. Kelli – SPb: Rech, 2000. – 249 s.

9. Kunder M. Nespeshnost. Podlinnost / M. Kunder. – М.: Azbukaklassika, 2000. – 40 s.

10. Rubinshteyn S. L. Byitie i soznanie / S. L. Rubinshteyn. – М., 1957. – С. 289-292.

11. Sorokin B. F. Filosofiya i psihologiya tvorchestva: nauchno-metodicheskoe posobie dlya aspirantov i molodykh prepodavateley [Elektronnyy resurs] / B.F. Sorokin. – М.: Nauka, 2012. – 218 s. – URL: <http://www.philosophy.allru.net/perv265.html>. (data obrascheniya 17.12.2018)

#### **Mazanenko O.M. FUNCTIONAL MECHANISMS OF CREATIVE CONSCIOUSNESS AS AESTHETIC PHENOMENON**

*This article discusses the functional mechanisms of consciousness. As mechanisms, it is proposed to consider a number of initial units from the point of view of various scientific schools and directions, namely: sensations, reflexes, reactions, associations, functions, gestalts, attitudes, schemes, archetypes, experiences, patterns, meanings. The key point of the article is the thesis that with the appearance of some specific features and characteristics of these mechanisms, they begin to determine the specific activity of the individual, which is in the nature of active creation, the creation of a new, aesthetically colored, namely the creative consciousness of the artist.*

**Key words:** *creative consciousness, mechanisms, sensations, reflex, reaction, associations, function, Gestalt, setting, scheme, archetype, experience, pattern, sense.*


**Мазаненко Оксана Михайловна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры рекламы и PR-технологий ГОУК «Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского».

**Mazanenko Oksana Mikhailovna** - Candidate of Psychological sciences, associate professor of chair of advertising and PR-technologies of Lugansk state academy of culture and arts named after M. Matusovsky.

**E-mail:** oksanamazanenko@gmail.com

**Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович** – доктор философских





наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

УДК 111.852 : 17.036

*Рудько В.А.*

## **НАПРАВЛЕННОСТЬ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЕЁ СТРЕМЛЕНИИ К БЕЗУПРЕЧНОСТИ**

*В статье рассматривается эстетическое сознание и сознательная деятельность, направленная на безупречность. Приводится художественно-практическая деятельность Р. Штейнера, который положил начало духовной науке «антропософия» и новому виду искусства «эвритмия», являющимся попыткой решения проблем, поставленных эпохой, и представляющим собой ступень европейской идеалистической традиции, которая опирается на философию стоицизма и поддерживает его эстетические ценности, в частности атараксию как состояние гармонии, меры и эвритмии с миром.*


**Ключевые слова:** антропософия, атараксия, гармония, мера, эвритмия, экзистенция.

**Постановка проблемы.** Выбранная тема затрагивает много актуальных, но мало разработанных вопросов, которые касаются проблемы эстетического сознания и сознательной деятельности. Направленность активности личности является важным предметом философской рефлексии. Поэтому исследование этого стремления можно определить актуальным научным действием.

Актуальность исследования личности, достигшей гармонии с миром и самой собой, состоит в совершенствовании понимания осуществления индивидуально-субъективной формы переживаний человеком окружающей объективной действительности в эстетической сфере общественного бытия.

**Цель исследования.** Выявление направленности активности личности в её стремлении к безупречности.


**Основная часть.** Ритм – важнейшая формообразующая характеристика пространственно-временного единства и, следовательно, часть основы мироздания, миропонимания и творчества. Фундаментальность этой категории заключается в том, что ритм составляет эстетическую категорию онтологического единства мира и человека,



макрокосма и микрокосма. Механизм взаимодействия ритма и Вселенной раскрывается в том, как деревья колышут ветвями в ритме с ветром, в шуме моря, свисте ветра в скалах, среди холмов и гор, вспышках молнии и ударах грома, гармонии солнца и луны, движениях звёзд и планет, цветении растений, опадании листьев, в регулярных изменениях утра и вечера, дня и ночи – всё это открывается для того, кто созерцает музыку природы [11, с. 131]. На идее единства Вселенной и закона ритма, который влияет на духовную сущность человека, основывается музыкотерапия.

Одним из важнейших понятий в этике Пифагора была «эвритмия» – способность человека находить верный ритм во всех проявлениях жизнедеятельности – пении, игре, танце, речи, жестах, мыслях, поступках, в рождении и смерти. Для Аристоксена, древнегреческого философа и теоретика музыки, эвритмия имеет значение как средство общественного нравственного воспитания, которое он понимает как воспитание мужественного, благородного и простого нрава. И человеческий нравственный идеал он толкует как отражение в человеческом обществе космической красоты и космического порядка. Музыка способна морально влиять благодаря тому, что проникнута этой красотой и этим порядком. М. Райс [6] отмечает, что Аристоксен отрицал опору на абстрактно-математические закономерности, которые лишь умозрительно осознаваемы. Основой его взглядов является, прежде всего, чувственное восприятие. Гармония для него – не состояние мира, а прежде всего состояние человека.

Такой фундаментальный термин античной эстетики – «гармония» мало анализируют в древних текстах. Но о том, что такое гармония, судится в основных онтологических учениях. Вся философская система стоиков есть не что иное, как учение о гармонии. Во-первых, речь идёт об общей гармонии космоса, а во-вторых – о моральной гармонии максимально уравновешенной души. Гармонию здесь понимают не чисто эстетически, а космологически и морально. У эпикурейцев и скептиков также нет учения о гармонии, но чувством внутренней человеческой гармонии пропитаны все их описания. Мироззрение у всех разное. У стоиков превалируют проблемы умственной жизни, у эпикурейцев и скептиков – практические проблемы. У стоиков на первом плане атараксия и апатия, у эпикурейцев – удовольствие. Но удовольствие, которое проповедают эпикурейцы, является сосредоточенностью в себе, самодостаточностью человеческого субъекта и нерушимой гармонией с самим собой. Главное, в чём эпикурейцы были едины со стоиками, – это интерес к внутренней жизни человека и к пониманию внешнего по аналогии с внутренней жизнью человека. Их тождество – в постоянном




интересе к субъективной жизни человека. И те, и другие хотели сохранить внутреннее спокойствие человеческого «Я» перед нарастающей громадой военно-монархических организаций эллинизма.

В начале XX века, после первой мировой войны, когда люди пришли в отчаяние от нелепостей и ужасов внешнего мира, казалось бы прочные порядки распались и все ценности, которые обычно считали незыблемыми, оказались сомнительными, и целостность миропорядка была разрушена, и люди не имели больше вокруг себя ничего твёрдого, на что они могли бы опереться, и гармонии с миром не стало, осталось только возвращение к собственному внутреннему, чтобы здесь найти ту безусловную опору, которая не принадлежала бы объективному миропорядку и поэтому была бы неподвластна стихии всеобщего распада.

О гармонии в теоретико-философском дискурсе говорится в работах философов, где обращение к гармонии как самостоятельной проблеме философии имеет принципиальный характер, к ним относятся труды Аристотеля, Демокрита, Н. Кузанского, Г.В. Лейбница, Пифагора, Платона, Плотина, К. Птолемея, Эпикура. Из современных авторов необходимо назвать В.А. Белоусова, А.А. Горелова, А.В. Демичева, В.Т. Мещерякова, Д.В. Пивоварова, А.С. Разумовского, В.М. Сагатовского, Е.М. Сороко.

По свидетельству О.Ф. Больнова [1], немецкого философа и преподавателя, ученика М. Хайдеггера, сделавшего систематическое изложение философии экзистенциализма, возникшего около 1930 года в Германии, развивавшегося в разных формах и затем распространившегося за пределы Германии, экзистенциализм сразу привлёк к себе внимание необычным неакадемическим стилем философствования. Свои позиции в философии экзистенциалисты преподавали художественным языком, демонстрируя стирания различий между философией и литературой. Единство этого внутренне ещё очень разнообразного движения заключалось в обращении к датскому философу С. Кьеркегору. Предложенное им понятие экзистенциального существования является общим исходным пунктом того, что получило название экзистенциальной философии.

Термин «экзистенция» означает «существование». «Экзистенция» в западноевропейской философии противопоставлена «эссенции» – сути. О.Ф. Больнов пишет, что «понятие существования фундаментально для западноевропейской мысли и сведено к разнице между *essentia* и *existentia* сущего. Если *essentia* свидетельствует, что есть что-то, означает «так-бытие», сущность вещи, то *existentia* направлена на то, что что-то есть, обозначает бытие в смысле «вот-бытие» [1, с. 203]. Отсюда экзистенцию




можно определить как существование без сути, без основы. По мнению экзистенциалистов, человек сначала существует, а затем приобретает собственную суть. Иначе говоря, в жизни существование предшествует сути, и человек не всегда может или хочет реализовать собственную суть. Исходя из этого, в экзистенциально-философском понимании у человека различаются два противоположных и остро обособленных друг от друга состояния. Этот дуализм М. Хайдеггер, один из основоположников философии экзистенциализма, понятийно закрепил как два бытийные модуса: достоверности и недостоверности личного бытия человека. Оба этих модуса означают два реальных способа, с помощью которых существует человек.

Если «настоящая жизнь – это жизнь действительная, индивидуально неповторимая, не являющаяся копией других и являющаяся вотчиной сущности», то экзистенцию можно определить как «существование человека без подлинности, то есть лишённое настоящей, индивидуальной, неповторимой жизни» [2, с. 166]. Невозможно постепенное приближение к достоверности – до этого состояния своего бытия человек приближается лишь в категорическом отказе от состояния недостоверности.

Ненастоящее бытие, навязанное человеку извне, – это бытие не своё и чуждое человеческой индивидуальности. Человек живет в сообществе с людьми, которые окружают его, но это сообщество не является ценностью, оно не поддерживает отдельного человека и не способствует ему. Как раз наоборот: оно удерживает человека от достоверности его существования. У С. Кьеркегора человек существует лишь как «единица», то есть в собственном экзистенциальном существовании он настолько сосредоточен на самом себе, что все отношения с обществом при этом для него несущественны.

К. Ясперс тоже считал, что другие люди предстают как безответственная масса, которая грозит нивелировать реальное самосознание отдельного человека. Масса неизбежно разрушает экзистенциальное существование и поэтому представляет опасность. В своей «Философии» К. Ясперс означает массовое человеческое бытие как «мы все». «Каждый в принципе подобный другому, представляет собой лишь ещё один экземпляр, который должен в равной мере владеть своей долей в общих возможностях, обеспечении, работе и потреблении. Как таковое социальное «я», «я» становлюсь подобен всем» [1, с. 68].

Категорически эти отношения исследует М. Хайдеггер. Ежедневное состояние жизни в сообществе у него обозначено как основной закон «das Man», в значении безличного местоимения. В русском языке это




немецкое сочетание «das Man» не имеет дословного перевода, можно только провести аналогию – «все» или «кто-то». Отдельный человек в повседневном бытии действует не согласно его собственной свободе и ответственной решимости, а оказывается подвижным и управляемым непостижимым и незаметным влиянием «man». Человек не сам, в нем живет «man».

С.Ф. Денисов, анализируя «ненастоящее» бытие, выводит, что для него характерны «анонимность, элиминирование индивидуальности, перекладывание ответственности с себя на безликого субъекта и абсурдность» [2, с. 170]. Следовательно, с точки зрения экзистенциальной философии ненастоящая жизнь не является гармоничной.

В теории экзистенциализма есть несколько способов, которые может использовать человек для преодоления недостоверности бытия, то есть для нахождения гармонии в собственной жизни. Но не создан единый метод выхода человека за пределы его экзистенции, не выработан универсальный способ обретения индивидом субъективной гармонии и нахождения гармонии с миром. Экзистенциальность как философская установка не указывает пути и способы достижения счастья и гармонии. Поэтому направленность экзистенции приобретает у К. Ясперса характер трансцендирования, а это есть вера, надежда, любовь, которые играют важную роль в становлении субъективной гармонии и гармонии человека с миром.

По свидетельству О.Ф. Больнова [1], философское движение экзистенциализма лучше всего понимать как радикализацию первичного выступления философии жизни, как оно было воплощено под конец XIX и в начале XX веков, прежде всего Ф. Ницше и В. Дильтеем. В противовес релятивистским направлениям философии жизни и вообще общему распаду своего времени, философии экзистенциализма открылось, что безусловную опору нельзя приобрести путём возвращения к какому-либо объективному порядку. Эта философия основывается на соотношении всех объективных порядков с их происхождением в человеке. Поставленная философией жизни задача – понять человеческую жизнь, исключая все внешние установки, непосредственно из неё самой, в свою очередь, является выражением некоторого конфликта и принципиально нового начинания в философии. Философия жизни обращается против любой общей систематики и против любой метафизической спекуляции, верящей в возможность освобождения от связи с особым местоположением того, кто философствует, к «чисто теоретической» позиции, и выявляет человеческую жизнь как ту предельную соединяющую точку, где укоренено всё философское познание, а также все человеческие




достижения, точку, с которой они всегда должны быть обратно соотносены. Иначе говоря, эта философия отрицает царство духа, которое покоится в себе; собственную суть и самоцель великих сфер культуры (искусства, науки и др.) пытается понять исходя из жизни, откуда они произошли и где должны воплотить результат. В общем, философия жизни означает поворот от объективного к субъективному, или, лучше сказать, от мышления, которое не связано с субъективным началом, к мышлению, которое связано с ним.

Надо ещё отметить, что в экзистенциальной философии гармонию толкуют как меру бытия. Через полярность духа и материи происходит их противопоставление. Это обусловлено тем, что нет третьего составляющего треугольника, который даёт устойчивость. В этом случае третьим составляющим является мера, именно она даёт стойкость в сочетании «дух, материя и мера». Поэтому если человек гармоничен, то он имеет внутреннюю упорядоченность. Также нужно учитывать и своевременность. Следовательно, атараксия как состояние гармонии, меры и эвритмии субъект-объектных отношений приобретает наивысшую ценность.

В XIX веке потеря единой мировоззренческой концепции вместе с социальным, экологическим, морально-этическим кризисом обусловили стремление к поиску новых духовных ориентиров, переосмыслению центральных философских проблем. С этой точки зрения эстетическая и художественно-практическая деятельность философа и мыслителя Рудольфа Штейнера, который основал духовную науку «антропософию», была ответом на вызов времени, попыткой решить проблемы, поставленные эпохой. Наибольшее внимание исследователей привлекает характерная для мировоззрения Штейнера целостность, связанная, прежде всего, с пониманием органического включения человека в общий мировой процесс, роли каждой индивидуальности в формировании будущего общечеловеческой культуры.


Самым значительным вкладом Штейнера в сферу художественной деятельности стало создание нового вида искусства – эвритмии, которая появилась в 1912 году в Европе (Швейцарии, Германия). Эвритмия – искусство особого гармоничного движения. В переводе с греческого *eurythmia* – благозвучие, равномерность ритма в музыке, танцах и языке. Ритм здесь понимается как качество живого организма, необходимое составляющее жизни человека. Искусство современной эвритмии возникло как возрождение древнего греческого храмового танца, однако возрождённого в новых формах, соответствующих времени. Эвритмия является «зримым языком и зримым пением». Важным в эвритмичном движении является то, что танец рождается здесь не спонтанно, не



произвольно из фантазии или переживаний исполнителя, но возникает как воплощение закономерностей, которые правят в мире движения. В эвритмии воплощена попытка найти связь с общечеловеческим, всеобъемлющим, универсальным человеческим содержанием. Таким смыслом в человеке является жизнь слова, человеческая речь. В процессе своего развития речь утратила первоначальную душевную содержательность. Она имеет абстрактный, прозаичный характер, который придала ей современная цивилизация. Спиритуализация речи, возвращение ей её жизненной субстанции – задача, как считает Штейнер, особого значения. То, что можно назвать «мыслеритмом», «мыслемузыкальностью», «мыслеобразами», должно быть вновь возвращено звуку. Воздух, проходя через органы дыхания и речи, образует, по сути, воздушные жесты. То, что внутри человеческого организма незримо возникает и затем бессознательно становится речью, становится образно оформленным, созерцательным. Возникает зримо оформленная праоснова языка, творящая её сила звука.

О.Ю. Другова в диссертации «Эстетические воззрения Р. Штейнера и их воплощение в искусстве» [3] пишет, что эвритмия была известна в России до революции. Такие выдающиеся деятели культуры, как поэты А. Белый и М. Волошин, его жена художница М. Сабашникова и др. находились у истоков возникновения этого искусства и вспоминают об истории его создания и силу влияния в своих художественных произведениях. М. Сабашникова развивала эвритмическое движение в 1920-х годах в Москве. В эти же годы участники МХАТовской студии под руководством М. Чехова изучали эвритмию как часть актёрского тренинга с целью сделать жест более выразительным и создать особую атмосферу взаимодействия между пространством зрительного зала и сценой. Однако политические изменения привели к общественному забвению эвритмии в России. Возрождение её как терапевтического и художественного движения началось в 1990-х годах в Москве и Санкт-Петербурге.

Важнейшим аспектом художественных произведений Штейнера является их мистериальный характер. Согласно его учению, произведение искусства находит своё полное завершение только во внутреннем мире того, кто созерцает его; а превращение этого внутреннего мира человека является целью и задачей искусства. Духовная наука помогает познавать законы духовного развития человека и человечества в целом, а также находить пути к его совершенствованию. Человек, который созерцает произведение искусства мистериального характера, становится соучастником событий, которые обогащают и возвышают, действуют изнутри на всё естество человека. Такое творчество, согласно Штейнеру,



должно быть не изолированным явлением в жизни человека, а повседневностью.


Отмечая предельное положение эвритмичного движения между пантомимой и танцем, Штейнер указывал на дидактический, эстетический и гигиенический аспекты. Говоря о дидактическом аспекте, он подчёркивает, что душа человека раскрывается в движениях, учитывая связанность с телом. Эстетический элемент выражает художественность движения. Терапевтическое воздействие эвритмии заключается в оздоровлении психосоматической организации человека: поскольку физическое тело приведено в соответствие с миром движения и здоровая подвижность обращена на дидактику, становится возможным оздоравливающее воздействие на физический организм и на душевную организацию человека. Так, в современной эвритмии сформировалось три направления: художественное (сценическое), педагогическое (для детей и взрослых) и терапевтическое (гигиеническое и лечебное).

За сто лет своего становления эвритмия смогла развиваться в самостоятельный вид сценического искусства, получив международное признание. Как педагогическая и лечебная эвритмия стала неотъемлемым компонентом воспитания, преподавания и терапии в вальдорфских школах, антропософски ориентированных лечебно-педагогических учреждениях и больницах.

Главным выводом теории познания, разработанной Штейнером, является утверждение, что мышление – это сущность мира, а индивидуальное человеческое мышление – отдельная форма явления этой сущности. Штейнер подчёркивает, что исходной точкой его теории познания является «по ту сторону субъекта и объекта» мышление, а не понятия и идеи, и человеческое сознание.

Реально существуют в объективном мире как его содержание и соответствуют природе нашего мышления законы природы, закономерная гармония, которая управляет вселенной и сама существует в непосредственно данной действительности не как фактическое явление, а как идеальная, скрытая до акта познания часть содержания мира, его сущность. Субъективный ум, человеческое «Я», нуждающееся в единстве, является идеальным органом восприятия. Будучи центром сознания, которое является совокупностью восприятий явлений внешнего мира, внутренних восприятий (в форме идей и понятий), а также самовосприятия, «Я» соединяет мир мышления и наблюдения. Интуиция как способность созерцательного суждения занимает место способности доказательного, рефлексивного суждения. С интуитивным мышлением мы непосредственно прикасаемся к ядру мирового свершения. Не рассуждения о сущности






мира, но мысленное движение вместе и в согласии с сущностью действительности обуславливает истину как творческое порождение человеческого духа [3].

Важным в теории Штейнера является то, что способность чувствовать и желать при этом по-особенному проникает в область идеального. Это становится возможным благодаря двойственной природе «Я». В первом случае это «Я», которое мышление определяет как собственную сущность. Оно не знает деления на внутреннее и внешнее, обнимает и внешний мир, и себя. Во втором случае это ограниченное, индивидуальное «Я-сознание», которое возникает благодаря телесной организации и связано с ней, оно является источником чувств и актов воли. Именно оно, сочетаясь с понятиями и идеями с помощью интуиции, осуществляет связь чувствования и воления с мышлением. Интуиция на этом уровне становится переживанием мышления. Благодаря этой связи жизнь чувств и волевые акты приобретают ценность для мирового целого, а понятия и идеи – конкретную, индивидуализированную жизнь.

Согласно мировоззрению Штейнера, именно благодаря развитию рациональной способности человека, путем её спиритуализации и направленности не на материальный мир, а на мир сверхчувствительный, высшую духовную реальность, человеческому «сознанию, которое созерцает», открывается сущностное ядро мира, законы живого, творческого духа, которые и ложатся в основу художественной деятельности человека. Постигая таким образом связь искусств с собственной организацией, человек, как считает Штейнер, обращается к живому источнику истинного художественного творчества, получая непосредственное переживание того, как всё физически, пространственно организованное связано с ритмичным, подвижным, временным [3].

Антропософия Штейнера – это не догматическое религиозное учение, но и не абстрактная теория. Она ориентирована на живое познание, дающее человеческой душе непосредственное переживание истины. Главным выводом теории познания Штейнера является утверждение, что мышление – это сущность мира, а индивидуальное человеческое мышление – отдельная форма явления этой сущности. Поэтому ведущей идеей педагогики Штейнера является идея свободной самоуправляющейся школы, которая служит не государству и даже не обществу в целом, а ориентирована исключительно на индивида, его потребности и запросы. В свете так поставленной задачи не может не встать вопрос о свободе и нравственности человека. Опираясь на мировоззрение Штейнера, которому присуща целостность, связанная с пониманием органического включения человека в общий мировой процесс, роли каждой индивидуальности в



формировании будущего нашей общечеловеческой культуры, приходим к выводу, что человек как частичка макромира должен поддерживать гармонию с окружающим миром, со средой обитания, вообще – гармонию истины, добродетели и красоты. Высшей же целью человеческой деятельности Штейнер считает преобразование действительности в произведение искусства [5].


Итак, антропософия Штейнера, как свидетельствует анализ литературных источников, – не изолированное явление в истории философии, а звено европейской идеалистической традиции, опирающееся на философию стоицизма и поддерживающее его эстетические ценности, в частности атараксию как состояние гармонии, меры и эвритмии с миром.

**Выводы.** Опираясь на вышенаписанное, можно сказать, что с точки зрения эллинистических и более современных философов направленность активности личности в её стремлении к совершенствованию бытия, поиска наиболее эффективного варианта присутствия в природе и обществе приводит к атараксии – органичному включению в мир для единого с ним смысла, значения и вечности.

А атараксия 1) как мера понимается в виде структурной оформленности и иерархической упорядоченности, оказывается характеристикой и этико-политической жизни, и всего космоса, поэтому атараксия в понимании меры, царящей в душе, даёт возможность поступать справедливо, а это поддерживает порядок и соразмерность, выявляет красоту и прекрасное; 2) как эвритмия даёт индивиду способность находить верный ритм во всех проявлениях жизнедеятельности, гармонично войти в ритм общественной гармонии, подключиться к космическому ритму мирового целого; 3) как гармония ориентируется на осмысление мироздания и человека с позиции их глубинной внутренней упорядоченности.

### Л и т е р а т у р а

1. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма / Сост. Ю.А. Сандулов ; научные редакторы: А.С. Колесников, В.П. Сальников; пер. с нем. С.Э. Никулина]. – СПб.: Лань, 1999. – 222 с.
2. Денисов С.Ф. Библиейские и философские стратегемы спасения: антропологические этюды: учеб. пособие. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – 216 с.
3. Другова О.Ю. Эстетические воззрения Рудольфа Штейнера и их воплощение в искусстве: дис ... канд. филос. наук: 09.00.04. – М., 2003. – 183 с.



4. Кьеркегор С. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // Несчастнейший. – М.: Библийско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2002. – С. 103-235.

5. Пантелин Д.Ю. Реализация эстетических идей Рудольфа Штейнера в образовательном пространстве на рубеже XIX-XX веков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2006. – 22 с.

6. Райс М. Аристоксен и Гарбузов: переключка через века: Электронный ресурс. – URL: [http://www.21israel-music.com/Aristoxenus\\_Garbuзов.htm](http://www.21israel-music.com/Aristoxenus_Garbuзов.htm).

7. Хайдеггер М. Статьи и работы разных лет / Пер., сост. и вступ. ст. А.В. Михайлова. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.

8. Штейнер Р. Вопрос воспитания как социальный вопрос. – Калуга: Духовное познание, 1992. – 187 с.

9. Штейнер Р. Основные черты социального вопроса в жизненных потребностях настоящего и будущего / Пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. – Ереван: Ной, 1992. – 140 с.

10. Штейнер Р. Порог духовного мира. – М.: Кокон, 1991. – 245 с.

11. Шушарджан С.В. Музыкаотерапия и резервы человеческого организма. – М.: АОЗТ АНТИдор, 1998. – 636 с.

12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

### References

1. Bolnov O.F. Filosofiya ekzistentsializma / Sost. Yu.A. Sandulov ; nauchnyie redaktoryi: A.S. Kolesnikov, V.P. Salnikov; per. s nem. S.E. Nikulina]. – SPb.: Lan, 1999. – 222 s.


2. Denisov S.F. Bibleyskie i filosofskie strategiyi spaseniya: antropologicheskie etyudyi: ucheb. posobie. – Omsk: Izd-vo OmGPU, 2004. – 216 s.

3. Drugova O.Yu. Esteticheskie vozzreniya Rudolfa Shteynera i ih voproschenie v iskusstve: dis ... kand. filos. nauk: 09.00.04. – М., 2003. – 183 с.

4. Kerkegor S. Garmonicheskoe razvitiye v chelovecheskoy lichnosti esteticheskikh i eticheskikh nachal // Neschastneyshiy. – М.: Bibleysko-Bogoslovskiy institut sv. apostola Andreye, 2002. – S. 103-235.

5. Pantelin D.Yu. Realizatsiya esteticheskikh idey Rudolfa Shteynera v obrazovatelnom prostranstve na rubezhe XIX-XX vekov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Orenburg, 2006. – 22 s.

6. Rays M. Aristoksen i Garbuзов: pereklichka cherez veka: Elektronnyiy resurs. – URL: [http://www.21israel-music.com/Aristoxenus\\_Garbuзов.htm](http://www.21israel-music.com/Aristoxenus_Garbuзов.htm).

- 
7. Haydegger M. Stati i raboty raznykh let / Per., sost. i vstup. st. A.V. Mihaylova. – M.: Gnozis, 1993. – 464 s.
  8. Shteyner R. Vopros vospitaniya kak sotsialnyiy vopros. – Kaluga: Duhovnoe poznanie, 1992. – 187 s.
  9. Shteyner R. Osnovnyie chertyi sotsialnogo voprosa v zhiznennykh neobhodimostyakh nastoyashego i budushego / Per. s nem. M.N. Zhemchuzhnikovoy. – Erevan: Noy, 1992. – 140 s.
  10. Shteyner R. Porog duhovnogo mira. – M.: Kokon, 1991. – 245 s.
  11. Shushardzhan S.V. Muzykoterapiya i rezervyi chelovecheskogo organizma. – M.: AOZT ANTIdor, 1998. – 636 s.
  12. Yaspers K. Smyisl i naznachenie istorii. – M.: Politizdat, 1991. – 527 s.

### **Rudko V.A. DIRECTION OF PERSONALITY ACTIVITY IN ITS STRESSING TO PERFECTNESS**

*The article discusses aesthetic consciousness and conscious activity aimed at perfection. The artistic and practical activity of R. Steiner is given, which laid the foundation for spiritual science «anthroposophy» and a new kind of art «eurythmy», which is an attempt to solve the problems posed by the era, and represents the level of the European idealist tradition, which is based on the philosophy of stoicism and supports its aesthetic values, in particular, ataraxia as a state of harmony, measures and eurythmy with the world.*

**Key words:** *anthroposophy, ataraxia, harmony, measure, eurythmy, existence.*

**Рудько Виктория Александровна** – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

**Rudko Victoria Alexandrovna** – PhD in Philosophy, associate professor of the Department of World Philosophy and Theology of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk.

**E-mail:** for-vr@ya.ua

**Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

*Писанный Д.М.*

**РЕЛИГИЯ – ЭТО «ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА»  
ИЛИ ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ ДУШИ?  
(взгляды современных школьников)**


*Данная статья посвящена отношению современных школьников к религии. Исследование построено на анализе ученических сочинений соответствующей тематики. Выделены основные аргументы детей за и против религии. Большинство учеников – авторов сочинений равнодушны к феномену религии. Часть из них является глубоко верующими людьми. Однако в выборке преобладает негативное (в лучшем случае – нейтральное) отношение к религии. Объяснение такого положения дел может, на наш взгляд, способствовать выработке эффективных мер по укреплению духовной безопасности нашего социума.*

**Ключевые слова:** религия, вера, церковь, школа, ученики, духовная безопасность.

*Нам отпущено свыше  
Заполнять верой души:  
И полями страданий,  
И дорогой в мечту...  
Мы Отчизну услышим  
Сквозь кровавые стужи,  
Мы пойдем, мы подставим  
Наши спины Кресту.*

*Н. Джигурда*


**Постановка проблемы.** Мы являемся свидетелями и участниками нового витка противостояния глобального масштаба, контуры которого лишь только проступают, словно сквозь туманную мглу. Осмысливается эта конфронтация, как правило, в разных обособленных плоскостях: социально-экономической, военной, геополитической, культурно-цивилизационной и др. На исторической арене, словно гладиаторы, вновь сходятся «Древний Восток» и «лукавый Запад» (по выражению А. С. Пушкина) [1]. На «переднем крае», как было уже не раз, сражается Православие. 6 апреля текущего года новостные агентства сообщили, что Киевский окружной суд запретил переименовывать Украинскую Православную Церковь Московского Патриархата в т. наз. «Русскую



Православную Церковь в Украине» [2]. Справедливое решение суда, мотивированное принципом невмешательства государства в дела церковных организаций, безусловно, позитивно воспринято мирянами УПЦ МП, но не дает повода расслабляться. Кто знает, какой аспект нашего культурного наследия станет новым объектом спекуляции в руках беспринципных узурпаторов? Ведется информационная война, в которой все средства хороши, а «под прицелом» оказывается неокрепшее в духовно-нравственном плане молодое поколение. Указанные события и процессы привлекают внимание ученых и широкой общественности к проблеме «точек опоры», на которых может зиждиться наша духовная безопасность. Сказанное выше свидетельствует об **актуальности** выбранной темы.

Проблеме восприятия религии молодежью посвящен ряд научных публикаций. Концептуальную основу нашего исследования составляет трансдисциплинарный подход к общественным явлениям. Среди множества идей, которые легли в его основу, выделяется учение Арнольда ван Геннепа и Виктора Тернера о «переходной» фазе общественного развития и её признаках (нестабильности, различных потрясениях, отсутствии уверенности в завтрашнем дне) [3]. Не зря же у китайцев пожелание «жить в эпоху перемен» считается проклятием.

Важные теоретические построения, а также фактические материалы содержатся в трудах проф. В. Д. Исаева, ст. преп. И. Ю. Бельдюгиной, аспирантов Ю. В. Пилипенко и Д. Н. Кравцова [4 – 7]. Так, И. Ю. Бельдюгина и Ю. В. Пилипенко раскрывают роль церкви в жизни нашего общества в конце существования Российской империи и в период, переломный для развития Советского Союза. В. Д. Исаев и Д. Н. Кравцов исследуют аксиологические аспекты религиозности. В. Д. Исаев отмечает, что пересмотр системы духовных ценностей, имеющий место в современной Европе, таит в себе серьезную опасность, способную привести «к распаду общества как целостной системы в связи с разрушением его духовно-нравственных оснований» [4, с. 19]. Д. Н. Кравцов с соавторами изучает деятельность «нетрадиционных религиозных движений на постсоветском пространстве» и приходит к выводу о деструктивной направленности значительной их части [7, с. 72]. Но еще недостаточно изучены факторы, влияющие на отношение к религии школьников нашего края, а также аргументы, которыми ученическая молодежь обосновывает свою позицию. В изучении этой проблемы могут серьезно помочь практикующие учителя. Тем более что вот уже 4 года как в школах Новороссии появилась подходящая для этого диалоговая площадка – уроки обществознания.



**Цель** настоящего **исследования** – проанализировать отношение школьников к феномену религии, а также особенности их аргументации на примере учеников среднего и старшего звена школы, где автор по совместительству работает учителем обществознания и права.

**Основная часть.** В 2015 – 2016 уч. г. автору впервые пришла идея важности комплексного и планомерного изучения отношения современных школьников к вере и религии. Тогда в 8 кл. впервые проводилась тематическая аттестация по 2-й теме курса обществознания «Сфера духовной культуры» [8]. В условия письменной работы (именно в такой форме проходил «зачет») был включен вопрос: Ваше отношение к религии. В итоге были получены диаметрально противоположные точки зрения.

Одна из них лучше всего иллюстрируется выдержкой из работы **Евгения П.** *«Я считаю, что религия – это спасение души... Т.к. в любое время любой человек... может придти в церковь и получить отпущение грехов, поставить свечу за усопшего (вера в то, что покойнику станет лучше и что Бог его простил). Эта вера во многих случаях спасает человека от депрессии. Когда у человека что-то не так, он просит, чтобы Бог его простил и... справляется с трудностями».*


Другая позиция хорошо просматривается в работе **Софии Р.** *«Странно, что в наш век науки существует религия. Нам говорят верить в Бога и быть хорошими, чтобы попасть в рай. Но кто сказал, что рай или ад есть? Глупо ограничивать себя постом и множеством других заморочек, если нет никаких доказательств, что наши надежды оправданы».*

**(Прим.** Здесь и далее выделено мною – Д. П. Стилистическая правка текста минимальная. Фамилии школьников не указаны по этическим соображениям. Цитаты на творческие работы даны без ссылок, т. к. сочинения учеников не публиковались).

Прошло еще 2 учебных года, изменились многие аспекты социально-политической обстановки в нашем Отечестве и сопредельных странах. Актуальность вопросов, связанных с религией, все возрастала. И после предварительной подготовки в феврале текущего года среди уч-ся 7 – 11 кл. был проведен конкурс эссе «Религия – это "опиум для народа" или путь к спасению души?». Ученикам предъявлялись 2 принципиальных требования: искренность плюс хорошая аргументация своей позиции.

Ниже мы приведем ранжированные выдержки из детских сочинений, разделенные на 2 группы. Первая включает **аргументы за религию**.

1. «Вера часто помогает людям справляться с определенными трудностями в жизни, не впадать в отчаяние. В большинстве религий есть определенные законы, соблюдая которые, люди становятся



дисциплинированными. Для многих вера – это правда путь к спасению. Принимая определенную религию, человек может исправить свою жизнь к лучшему» (Мария Б., 7 – А).

2. «Религия сплачивает людей» (Богдан З., 7 – А).

3. «Люди верят, что нельзя грешить, и не становятся на скользкий путь преступности» (Катерина К., 7 – А).

4. «В безвыходных ситуациях у нас остается только вера» (Иван Б., 7 – Б).

5. Михаил Л. (8 кл.) усматривает в религии сразу тройную пользу для общества. Это «моральная поддержка (со стороны высших сил); утешение (после потери близкого или др. серьезного происшествия люди могут помолиться; у атеистов альтернативы нет, поэтому они переносят беду тяжелее); поведение (религиозные люди более спокойны, их поведение регулируется моральным кодексом, а поведение атеистов – уголовным)».

6. «Верующий человек никогда не утратит надежды» (Александра Б., 8 кл.).

7. «Большинство вероисповеданий гласит, что нужно быть добрым к другим людям, поэтому вера объединяет большое количество людей из разных слоев общества. А посты помогают укреплять здоровье» (Владислав К., 9 – А).

8. «Религия способна дать человеку смысл жизни» (Мария С., 9 – Б).

9. «Религия способна держать общество в рамках дозволенного, не позволяя ему скатываться вниз» (Николай Д., 11 кл.).

10. «Весь мир, каждый человек имеет надежду на светлое будущее, веру в завтра и любовь к жизни. Религия может поддержать надежду, настроить человека или группу людей на позитивные мысли, объединяет тех, кому нужны наставления, направляет тех, кто чувствует к этому силу» (Ярослава В., 11 кл.).

Другую группу составляют **аргументы против религии.**

1. «В настоящее время религия не в моде» (Никита Д., 7 – А).


2. «Бывает, что люди просят Бога помочь, Он им не помогает, и они перестают верить» (Андрей Л., 7 – А).

3. «В прежние времена церковь обманывала людей, утверждая, что бумажка (имеется в виду индульгенция – Д. П.) может снять все грехи. Но это не так» (Кирилл К., 7 – Б).

4. «Часто человек то, что не может объяснить, приписывает Богу. Но все чудеса поддаются объяснению. Наука может это сделать» (Матвей С., 7 – А).

5. «Всегда надеяться только на Божью помощь плохо. Нужно быть





реалистом и делать свое счастье самому, не рассчитывая на помощь сверху» (Евгений Г., 7 – Б).

В таком же ключе высказывается Александра Г. из 10 кл.: «Бог выступает волшебником, который исполняет желания, а человек должен верить в себя и делать все сам».

6. «Раньше церковь сжигала женщин и ученых, т. к. считала их нечестивыми» (Дмитрий П., 7 – Б).

7. «Пока сама не смогу убедиться в том, что Бог существует, не поверю» (Вероника Т., 7 – Б).

8. «То, что Земля создана Богом, не доказано. А теория большого взрыва доказана. Большинство из того, что приписывают деяниям Бога, легко объясняется простыми законами физики» (Александр К., 9 – А).

9. «В настоящее время религия стала бизнесом. Многие люди наживаются на ней, обманывая доверчивых собратьев, тогда как сами являются лжесвященниками» (Илья И., 10 кл.).

10. Многие дети критикуют религиозный фанатизм. Те, кто по религиозным соображениям «отказываются от необходимой медицинской помощи – это ненормальные люди» (Евгений Г., 7 – Б).

Несколько сочинений можно оценить как **глубоко нейтральные** или равнодушно нейтральные.


Евгения В., 7 – Б: «Я ничего не имею против религии и верующих людей, но мне самой от религии ни холодно, ни жарко» (Прим. Родители девочки атеисты, а бабушка и дедушка – верующие, она «на распутье» – Д. П.).

Алиса М. (10 кл.) находит плюсы как в религии, так и в атеизме. «Каждая из позиций хороша по-своему. Будучи атеистом, можно трезво смотреть на жизнь, не имея предрассудков. А будучи религиозным человеком, нужно соблюдать очень четкие моральные принципы, быть милосердным, иметь более мудрый взгляд на мир».

В старших классах на смену категоричности приходит взвешенность. Ребята в этом возрасте понимают, что часто **подменяются понятия** «религия» и «церковь».

В таком ключе написана значительная часть сочинения Виктора Г. из 10 кл.: «Я считаю, что религия, вера и Бог – это совершенно разные понятия. К религии нельзя относиться однозначно. Ведь церковь хоть и получила благословение от Святых Апостолов, но служат там обычные люди. Их мнения и наставления не всегда могут быть истинными. Есть множество примеров того, как люди от имени Бога творили зло, прикрываясь ширмой религии и прямо нарушая заповеди».

Эти слова школьника **подтверждаются историческими фактами.**



Классический пример – Крестовые походы, в которых ближе к концу высокая идея отошла на второй план, уступив место алчности и ненависти. Так, Четвертый крестовый поход «стал выражением глубокого кризиса крестоносного движения, жертвой которого стала крупнейшая православная держава – Византия» [9, с. 284].

Еще более «рельефно» это противоречие проступает, если проанализировать отношение церкви к рабству и работорговле. В середине XV в., когда захваты чернокожих невольников только начинались и, образно говоря, не вошли «в систему», многие политические деятели усмотрели в этом «промысле» большие экономические перспективы. Был среди них и великий понтифик Николай V (1447 – 1455). В 1450-х гг. этот римский папа издал 2 буллы, в которых предоставил португальскому королю право на завоевание земель и на обращение в рабство язычников – как в открытых к тому времени областях Африки, так и тех, которые будут открыты в будущем [10–11]. Когда трансатлантическая работорговля и плантационное рабство в Новом Свете стали массовыми, в среде церкви (как католической, так и протестантской) появились и др. документы, оправдывающие рабство.


Вместе с тем не стоит забывать, что церковь много сделала для духовного просвещения африканцев, бывших в большинстве своем язычниками. И христианская вера стала для них духовным фундаментом, позволившим легче переносить жизненные трудности, в т. ч. тяготы рабства. Здесь уместно вспомнить один из первых «прецедентов» такого просвещения невольника, которому посвящено Послание к Филимону [12].

Последний был богатым и благочестивым гражданином города Колосс. Св. Ап. Павел во время своего первого заточения в Риме, когда он мог проповедовать невозбранно, встретил раба Филимона, который сбежал от хозяина. Павел крестил этого человека и отправил обратно к Филимону, прося в письме "принять его... не как... раба, но выше раба, брата возлюбленного... Если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня" [12, с. 1190].

Имя Онисим означает "полезный", "пригодный". Павел использует это в игре слов: "Он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его". Внимания заслуживает ещё один важный момент. Павел добавляет: "Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне. Я заплачу" [12, с. 1190].

Анализ этого источника позволяет сделать два важных вывода.

Во-первых, Церковь Христова, освобождая человека от греха, вместе с тем не покушается на гражданский и государственный порядок. И здесь обращение Онисима в христианство, сделав его свободным от греха и



сыном Царствия Божия, не освободило его, однако, как раба, от власти господина.

Во-вторых, с крещением Онисима его взаимоотношения с хозяином вышли на новый уровень: они стали братьями во Христе. А это дало мощные стимулы для добросовестного выполнения своих обязанностей по отношению друг к другу [13].

Религия и церковь – не одно и то же. Это понимали еще 200 лет назад представители творческой интеллигенции. Так, автор романа «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу мастерски изобразила диалог в семье плантаторов после воскресной службы:


– Проповедь была прекрасная! – сказала Мари. – Вам не мешало бы ее послушать. Падре будто повторял все мои мысли! В основу проповеди был положен текст: «Все сделал он прекрасным в свое время». Падре доказывал, что все разграничения в обществе созданы по воле Божьей и что различие между высшими и низшими расами справедливо, ибо одним суждено от рождения повелевать, другим – повиноваться. Если бы вы слышали сегодняшнюю проповедь, вам бы стало ясно, насколько нелепы все возражения против рабства и насколько убедительны все доводы в его защиту, которые приводятся в Библии.

– Ваш покорный слуга субъект настолько толстокожий, что религиозной подоплекой всех этих вопросов его не примешь. Если бы меня попросили изложить мое мнение о системе рабства, я бы сказал честно: «Мы владеем рабами и не собираемся отказываться от своих прав, ибо это отвечает нашим интересам и нашему комфорту, вот и все».

– Вы святотатствуете, Огюстен! – сказала Мари. – Религия не дорога вам.

– Религия! – воскликнул Сен-Клер с такой горечью, что Мари удивленно посмотрела на него. – Религия! Разве в церкви нас учат религии? Разве то, что можно вертеть так и сяк, поднимать ввысь, швырять наземь, совать во все закоулки нашего черствого, погруженного в мирскую суету общества – это религия? ... Люди отнюдь не стремятся к непогрешимой истине, им куда проще подгонять свои мысли и поступки под общий ранжир. Если кто-нибудь скажет, и скажет с подобающим мужеством, что система рабовладения необходима, что мы не можем обойтись без нее, что мы обнищаем, покончив с ней, а следовательно, будем придерживать этой системы и впредь, я сочту такое заявление предельно ясным, твердым и ставящим все точки над «и»... Но когда «глашатаи истины» вдруг корчат кислую физиономию, начинают шмыгать носом и ссылаться на Священное писание, я склоняюсь к тому, что цена им невелика [14, с. 250–251].

Проанализированный выше библейский, исторический и



литературный материал был приведен нами для иллюстрации реально существующих расхождений между установлениями религии (веры) и практикой, к которой в прошлом имела отношение часть представителей духовенства. У детей же в подростковом возрасте сильно развивается чувство справедливости. Они почти «невооруженным глазом» подмечают такие вещи, особенно если учесть большую, чем в прошлые времена, доступность самой разной информации.

Возвращаясь к творческим работам школьников, поразмышляем, что еще служит причиной такого их отношения к религии. На наш взгляд, можно выделить такие факторы:

- научное воспитание (школа, где учатся ребята, имеет физико-математический профиль);
- скептицизм, присущий значительной части подрастающего поколения;
- стремление действовать наперекор старшим.

Вместе с тем потребность в «искании Бога», о которой говорили многие отечественные мыслители (в т. ч. Николай Бердяев), никуда не девается. К сожалению, эту пустоту часто заполняют секты.


**Выводы.** Таким образом, анализ детского творчества показал, что при грамотном взвешенном подходе феномен религии не оставляет ученическую молодежь равнодушной. Однако содержание примерно 60% эссе свидетельствует, что в начале XXI в. в образовательной среде сохраняется «мода» на атеизм. Данные тенденции нуждаются в дальнейших исследованиях, причем в трансдисциплинарном ключе. Это поможет выработать действенные меры по укреплению нашей духовной безопасности.

### Л и т е р а т у р а

1. Пушкин А. С. Стамбул гяуры нынче славят [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа : [https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423\\_36/1830/0549.htm](https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1830/0549.htm). – Загл. с экрана. – Дата обращения : 03.04.2019.

2. Суд в Киеве признал незаконным переименование УПЦ МП [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.novayagazeta.ru/news/2019/04/06/150660-sud-v-kieve-priznal-nezakonnym-pereimenovanie-upts-mp>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 06.04.2019.

3. Инновационные трансдисциплинарные технологии в системе образования: Концепция. Методическое пособие / Шелюто В. М., Козаченко Е. В., Левченко А. Е., Рудь М. В., Бережная Н. А. – Луганск : Луганский национальный университет имени Владимира Даля, 2018. – 52 с.



4. Исаев В. Д. Духовная опасность «новой духовности» / В. Д. Исаев // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. – 2017. – № 4(6). – С. 17–20.

5. Бельдюгина И. Ю. Духовенство РПЦ в культурно-образовательных процессах в юго-западных губерниях Российской империи во второй половине XIX в. / И. Ю. Бельдюгина // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. – 2018. – № 6–7(12–13). – С. 34–41.

6. Пилипенко Ю. В. Религиозно-церковная жизнь Донбасса в 1943 – 1964 гг. / Ю. В. Пилипенко // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. – 2018. – № 6–7(12–13). – С. 100–110.

7. Кравцов Д. Н. Деятельность нетрадиционных религиозных движений на постсоветском пространстве как угроза национальной и международной безопасности / Д. Н. Кравцов, В. В. Чилигин, А. В. Татаркин // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. – 2017. – № 4(6). – С. 70–74.

8. Примерная программа основного общего образования по обществознанию (включая экономику и право) [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/185/37185/14198>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 15.04.2019.

9. История средних веков : в 2 т. : учебник / под ред. С. П. Карпова. – М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М, 2001– . –

Т. 1. : Раннее и развитое средневековье. – 2001. – 640 с.

10. Dum Diversas [Electronic resource]. – Access mode : [http://en.wikipedia.org/wiki/Dum\\_Diversas](http://en.wikipedia.org/wiki/Dum_Diversas). – The title screen. – Date of treatment : 06.04.2019.

11. Full text of his Papal Bull Pontifex Romanus in English translation [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.nativeweb.org/pages/legal/indig-romanus-pontifex.html>. – The title screen. – Date of treatment : 08.04.2019.


12. Библия : книги Священного писания Ветхого и Нового Завета : канонические : в рус. пер. – М. : Известия : Протестант, 1991. – 1225 с.

13. Лортц Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей [Электронный ресурс] / Йозеф Лортц. – Режим доступа : [http://agnuz.info/tl\\_files/library/books/church\\_history/index.htm](http://agnuz.info/tl_files/library/books/church_history/index.htm). – Загл. с экрана. – Дата обращения : 11.04.2019.

14. Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома : роман / Гарриет Бичер-Стоу ; [пер. с англ. Н. А. Волжиной]. – Киев : Веселка, 1981. – 471 с.

## References

1. Pushkin A. S. Stambul gyaury nynche slavyat [Elektronnyj resurs]



/ A. S. Pushkin. – Rezhim dostupa : [https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423\\_36/1830/0549.htm](https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1830/0549.htm). – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 03.04.2019.

2. Sud v Kieve priznal nezakonnym pereimenovanie UPC MP [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <https://www.novayagazeta.ru/news/2019/04/06/150660-sud-v-kieve-priznal-nezakonnym-pereimenovanie-upts-mp>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 06.04.2019.

3. Innovacionnye transdisciplinarnye tehnologii v sisteme obrazovaniya: Konceptsiya. Metodicheskoe posobie / Shelyuto V. M., Kozachenko E. V., Levchenko A. E., Rud M. V., Berezhnaya N. A. – Lugansk : Luganskij nacionalnyj universitet imeni Vladimira Dalya, 2018. – 52 s.

4. Isaev V. D. Duhovnaya opasnost «novoj duhovnosti» / V. D. Isaev // Vestnik Luganskogo nacionalnogo universiteta imeni Vladimira Dalya. – 2017. – № 4(6). – S. 17–20.

5. Beldyugina I. Yu. Duhovenstvo RPC v kulturno-obrazovatelnyh processah v yugo-zapadnyh guberniyah Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX v. / I. Yu. Beldyugina // Vestnik Luganskogo nacionalnogo universiteta imeni Vladimira Dalya. – 2018. – № 6–7(12–13). – S. 34–41.

6. Pilipenko Yu. V. Religiozno-cerkovnaya zhizn Donbassa v 1943 – 1964 gg. / Yu. V. Pilipenko // Vestnik Luganskogo nacionalnogo universiteta imeni Vladimira Dalya. – 2018. – № 6–7(12–13). – S. 100–110.

7. Kravcov D. N. Deyatelnost netradicionnyh religioznyh dvizhenij na postsovetском prostranstve kak ugroza nacionalnoj i mezhdunarodnoj bezopasnosti / D. N. Kravcov, V. V. Chiligin, A. V. Tatarkin // Vestnik Luganskogo nacionalnogo universiteta imeni Vladimira Dalya. – 2017. – № 4(6). – S. 70–74.


8. Primernaya programma osnovnogo obshego obrazovaniya po obshestvoznaniyu (vklyuchaya ekonomiku i pravo) [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa : <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/185/37185/14198>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 15.04.2019.

9. Istoriya srednih vekov : v 2 t. : uchebnik / pod red. S. P. Karpova. – M. : Izd-vo MGU : INFRA-M, 2001–. –

T. 1. : Ranee i razvitoe srednevekovye. – 2001. – 640 s.

10. Dum Diversas [Electronic resource]. – Access mode : [http://en.wikipedia.org/wiki/Dum\\_Diversas](http://en.wikipedia.org/wiki/Dum_Diversas). – The title screen. – Date of treatment : 06.04.2019.

11. Full text of his Papal Bull Pontifex Romanus in English translation [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.nativeweb.org/pages/legal/indig-romanus-pontifex.html>. – The title screen. – Date of treatment : 08.04.2019.



12. Bibliya : knigi Svyashennogo pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta : kanonicheskie : v rus. per. – M. : Izvestiya : Protestant, 1991. – 1225 s.

13. Lortc J. Istoriya Cerkvi, rassmotrennaya v svyazi s istoriej idej [Elektronnyj resurs] / Jozef Lortc. – Rezhim dostupa : [http://agnuz.info/tl\\_files/library/books/church\\_history/index.htm](http://agnuz.info/tl_files/library/books/church_history/index.htm). – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 11.04.2019.

14. Bicher-Stou G. Hizhina dyadi Toma : roman / Garriet Bicher-Stou ; [per. s angl. N. A. Volzhinoy]. – Kiev : Veselka, 1981. – 471 s.

**Pisanyi D.M. IS RELIGION «OPIUM FOR PEOPLE» OR A WAY TO SAVING THE SOUL? (views of modern schoolchildren)**

*This article is devoted to the attitude of modern pupils to the religion. Researching is built on analysis of the pupil's compositions on appropriate topic. The main arguments in favour of religion and against religion have been selected. Majority of the pupils are not indifferent to the phenomenon of religion. Part of them is deeply faithful. But negative or neutral relation to the religion dominates among them. As we think, explanation of the reasons of such situation helps to produce the effective measures for improvement of the spiritual security of our society.*

**Key words:** religion, faith, church, school, pupils, spiritual security.

**Писанный Денис Михайлович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск.

**Pisanyi Denis Mikhailovich** – candidate of historical sciences, associate professor of department of the world history and international relations, Lugansk national university named after Taras Shevchenko, Lugansk.

**E-mail:** mypostdmp@mail.ru

**Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович** – доктор философских наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Дала».

## **РЕЛИГИОЗНОСТЬ «ДЕ-ФАКТО» И «ДЕ-ЮРЕ» В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЛНР**

*В статье поднимается проблема воспитания молодежи Луганской Народной Республики в духе традиционной для русского народа православной духовности и нравственности. Исследуются достижения современной системы образования в области реализации духовно-нравственного воспитания, а также указываются нормативно-правовые противоречия и недоработки, препятствующие достижению более высоких результатов в этой сфере.*

**Ключевые слова:** закон об образовании, религиозный компонент, светское образование, духовно-нравственное воспитание народа, православное воспитание.

**Постановка проблемы.** Современная система образования никогда не ставила своей задачей созидание народа. При советской власти народ был средством решения партийно-государственных проблем, а задача его воспитания была прерогативой партийно-идеологической деятельности. Однако народ это не просто общность людей, проживающих на одной территории, это не электоральная масса. Народ в русской культуре – это та уникальная *соборность*, «духовное единство», которое, по словам Владимира Путина, «является настолько прочным, что не подвержено никаким действиям властей... Потому что, какая бы власть над людьми ни была, но крепче, чем власть Господа, ничего быть не может» [1].

Соборность как уникальное, характерное только для православной цивилизации понятие, означающее свободный союз людей, объединенных общими духовными ценностями, утверждается в строках государственного гимна ЛНР: «И освятится сила народа в наш единый и крепкий союз. Будет братство в нем, честь и свобода, и *Соборная, славная Русь!*» [2].

**Цель исследования.** 22 сентября 2018 года при большом стечении народа Л.И. Пасечник заявил: «Мы будем вместе строить нашу Республику, мы сами определим свой путь!» [3]. Таким образом, поставлен важнейший вопрос, который относится не только к социальной, политической, но и сугубо к педагогической сфере: как, воспитать не только отдельные личности, но и весь народ, *кто будет реализовывать этот грандиозный проект, и при помощи каких организационных структур он будет осуществляться?*

Сегодня о необходимости возвращения образованию его



онтологического смысла и содержания, который заключается в восстановлении в человеке утраченного Образа, по которому он был создан, заявляют луганские ученые И.П. Булах, В.Ю. Даренский, К.В. Деревянко, Ю.В. Драгнев, Д.С. Кобылкин, В.И. Ильченко, В.Д. Исаев, Г.А. Кирмач, Т.Т. Ротерс, В.М. Шелюто и др.

Для успешного воплощения в жизнь этой грандиозного замысла необходимо создание теоретического инструментария, построенного на основании диалектического единства богословия и науки, светской и православной педагогики, психологии и христианской антропологии. Требуется и соответствующая нормативно-правовая база, позволяющая эффективно внедрять этот замысел.

**Основная часть.** В Постановлении Совмина ЛНР «Об утверждении программы духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов ЛНР на 2016-2020 годы» № 532 от 04.10.2016 г. [4] справедливо заявлено о необходимости создания единой системы духовно-нравственного воспитания молодежи ЛНР. Для государства, признающего «особую роль православия в своей истории, становлении и развитии духовности и культуры» [5], духовно-нравственное воспитание не представляется иначе, кроме как в русле православной культуры. О первостепенной роли православия в самоидентификации нашего народа свидетельствуют и результаты исследования РАН, проведенного в 2013 году на территории Российской Федерации: православными назвали себя 79 %; не принадлежащими к какому-либо вероисповеданию – 9 %; атеистами – 7 %; мусульманами – 4 %; адептами других вероисповеданий – 1 % (Рисунок 1) [6].

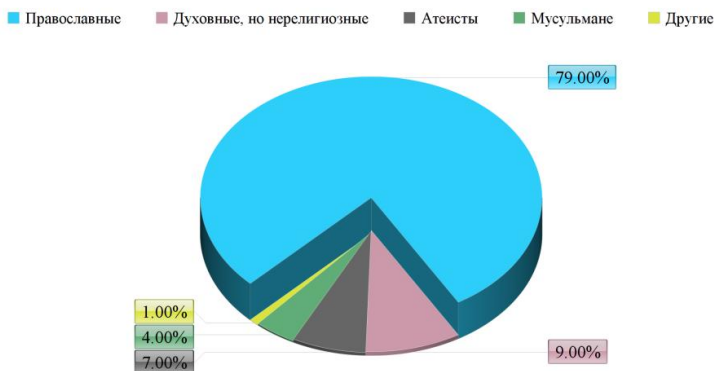



Рис. 1. Религия в России



Учитывая общую культурно-историческую память жителей Луганщины со всем остальным «русским миром» и отсутствие мест плотного проживания представителей иных вероисповеданий на территории ЛНР, можно предположить, что православные здесь составляют минимум 83%, т.е. подавляющее большинство населения.


Государственные символы ЛНР – флаг, гимн и герб – содержат глубокие сакральные смыслы: голубой цвет верхней полосы флага является «цветом Богородицы»; в гимне финальными строками являются «С нами сила земли, с нами воля людей, с нами Бог!»; герб венчает восьмиконечная «Звезда Руси или Русская звезда, символ Богородицы», которая трактуется на официальном сайте главы Народной Республики следующим образом: «Число “восемь” в православии имеет значение будущего века, так как после шестидневного творения мира Богом и до Страшного суда длится Седьмой день Господень. После Страшного суда будет день восьмой – Жизнь Вечная. Восьмиконечная, Вифлеемская, звезда загорелась на небе во время Рождества Христова и, двигаясь по небосклону, привела волхвов к колыбели Божественного младенца» [2]. Все это совершенно очевидно декларирует принадлежность нашего народа к православному цивилизационному типу, следовательно, определяет вектор его духовно-нравственного развития и воспитания.

В то же время в Луганской Народной Республике имеют место некоторые документально-юридические ограничения и концептуальные противоречия, затрудняющие возможность достижения истинных результатов в плане реализации духовно-нравственного воспитания и возможности усиления этой работы:

- В Конституции ЛНР [7] в статье 3 заявлена мысль о том, что человек, его права и свободы являются *высшей* ценностью, чем, по сути, игнорируется высший статус Бога и акцентируется доминанта антропоцентризма, приводящего к культу личности и эгоцентризму.

- Статья 9 утверждает, что в ЛНР признается идеологическое многообразие. Необходимо, однако, признать, что не все церкви внесли одинаково-равноценный вклад в духовное формирование и становление человека и народа нашей страны. Исторически, начиная со времен крещения Киевской Руси, ведущая, главная и неоспоримая роль в этом вопросе принадлежит православию.


- В «Закоме об образовании» ЛНР от 30.09.2016 г. [8] в 87 статье прописана технология особенностей изучения основ духовно-нравственной культуры ЛНР, однако в 34 пунктах «Основных понятий, используемых в настоящем Законе» нет отдельного полноценно-концептуального пункта о духовно-нравственном воспитании.



- В Постановлении Совмина ЛНР «Об утверждении программы духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов ЛНР на 2016-2020 годы» № 532 от 04.10.2016 г. [4], где духовно-нравственное воспитание справедливо трактуется как передача детям тех знаний, которые формируют их нравственность на основе *традиционной для Отечества духовности*, среди перечисленных «абсолютных ценностей» (Человек, Семья, Отечество, Труд, Знания, Здоровье, Культура, Мир, Земля) не упоминается о Боге как тождественном с Абсолютом понятии и о Православии как сердцевине «русского мира».

- В ст. 4 Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» указывается на «светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных организациях (учреждениях)» [5], однако не уточняется, что *светскость вовсе не тождественна атеизму* [9], как ее зачастую ошибочно трактуют, но обозначает свободу от «выработки мировоззренческой установки в отношении религии» [10], в том числе и атеизма, который, по словам заместителя министра образования Российской Федерации (2002–2004) Л.С. Гребнева, «тоже одно из верований, ничуть не более “научное”, чем любое другое» [9]. В государстве, подавляющее большинство граждан которого заявляют себя православными, нет веских оснований для доминирования атеизма в образовании. Потому православно-религиозный компонент справедливо было бы включить в обязательные предметы *по праву справедливой альтернативы*. Тем более, что атеизм, отрицающий онтологический статус добра и зла, не в состоянии последовательно и логично обосновать необходимость и важность духовно-нравственного воспитания, а, соответственно, обеспечить его реализацию. Так, Л.С. Гребнев подчеркивает, что образование может быть качественным только в случае опоры на «базовые ценности той национальной культуры, в рамках которой и ведется образование», т.е. на *Православие*, когда речь идет о крещенном русском народе, *налогоплательщике и заказчике образования своих детей*.

Кроме законодательных противоречий необходимо указать и на содержательно-профессиональные издержки, препятствующие практическому осуществлению процесса духовно-нравственного воспитания. Прежде всего, это отсутствие единой философско-научно-богословской теоретической концептуальной модели, нацеленной на формирование целостного мировоззрения подрастающих поколений, без которого невозможно получить адекватное представления о современной картине мира и месте человека в ней. В результате доминирования вопросно-ответной системы обучения в рамках дисциплинарной фрагментарно-знаниевой парадигмы вне духовного переосмысления




содержания учебных предметов, к возрасту совершеннолетия молодые люди не представляют, в чем заключается их смысл жизни.

По мнению современных православных педагогов, введение в общеобразовательную государственную систему дисциплин религиозного характера, а также раскрытие духовного потенциала естественно-научных знаний может приостановить тенденцию нравственного самоуничтожения нации [11, с. 5]. Как справедливо подчеркивает Г.А. Кирмач, отделенное от Церкви образование в ЛНР не означает, что учебные программы средних и высших образовательных учреждений не могут содержать темы на религиозную тематику, без которой понимание русской культуры становится невозможным.

Усилиями православно мыслящих педагогов сегодня в ЛНР сложились некоторые предпосылки, способствующие разработке педагогической теории воспитывающего обучения в методологии Христоцентризма. При вузах Республики построены храмы и часовни. Зачастую, правда, они являются просто декоративным украшением университетского пространства. Потому преподаватели вуза и настоятели этих храмов должны объединить усилия в выполнении своего пастырского долга стать «ловцами» человеческих душ. Таким духовным эпицентром для Луганского национального университета им. Тараса Шевченко должен стать Храм Св. мученицы Татианы и собирать под своим куполом многочисленную паству, состоящую из студентов, преподавателей и сотрудников университета не только в дни Рождества, Пасхи и Троицы, определенные в перечень государственных праздников ЛНР Статьей 115 Трудового кодекса Республики от 30.04.2015 г. [12], но и другие религиозные значимые события. Пример такого духовного единения подают наши соотечественники, жившие в городе Луганске до октябрьского переворота.

Начиная с 2015 года учебные заведения ЛНР становятся экспериментальными площадками для разработки и реализации учебно-воспитательного процесса на основе православных ценностей и знакомства с национальной культурой: Луганская общеобразовательная школа №27 имени княгини Ольги, Луганская школа-гимназия №30 имени Н.Т. Фесенко, Лутугинская школа-лицей №1, Свердловская гимназия №1, Стахановская гимназия №11 имени Кирилла и Мефодия, детский сад в поселке Веселая Тарасовка и др. С 2017 года в двух школах стартовал эксперимент по раздельно-параллельному обучению мальчиков и девочек по методике российского православного педагога-новатора Владимира Базарного.

С сентября 2019 года на базе луганской школы №27 планируется



открытие православных «Ольгиных классов», названных так в честь великой княжны Ольги, старшей дочери последнего российского императора, работающих по специально разработанной программе [13].


О том, что наиболее важным звеном процесса реализации духовного воспитания является педагог, много размышлял К.Д. Ушинский. Он писал, что педагогов численно нужно не менее, а даже еще более, чем медиков [14, с. 24]. И если медикам мы вверяем наше здоровье, то воспитателям вверяем ум и души наших детей, а вместе с тем и будущее Отечества.

Особое место в формировании ценностных установок личности занимают преподаватели педагогических вузов, так как именно они осуществляют подготовку и переподготовку учительского корпуса страны в пространстве «русского мира». В результате почти столетней упорной и систематической подготовки учителей как материалистов научный потенциал вузов оказался не подготовлен для такой работы. Посему, в связи с поставленной задачей, необходимо системно реформативировать сознание педагогических работников. Преподаватель любой кафедры педагогического вуза, готовящий будущего педагога, должен сам наработать опыт своего собственного духовно-нравственного воспитания, чтобы помочь другим овладеть этим богатством, тем более что необходимые условия для этого имеются.

В Луганском национальном университете имени Владимира Даля работает кафедра мировой философии и теологии, готовящая специалистов по религиоведению и теологии: преподавателей, консультантов, экспертов-аналитиков, научных сотрудников. Усилиями кафедры науке возвращаются забытые имена великих русских педагогов С.С. Гогоцкого [15], П.Д. Юркевича [16], исследуются ранее умалчиваемые религиозные аспекты педагогики К.Д. Ушинского [17], публикуются монографии, посвященные теме сакральности в образовании [18], выпускаются учебные пособия, в которых предпринимаются попытки раскрытия духовно-гуманитарного потенциала естественно-научных знаний [19].


В Луганске функционирует филиал общественно-просветительской организации «Объединения православных ученых» [20], основным направлением деятельности которого является привлечение православных ценностей в российскую науку и образование посредством содействия развития научной деятельности на основе христианской нравственности, выработки единомыслия на сложные и противоречивые вопросы современной науки, консолидации преподавателей вузов, студенчества и научных работников на основе православных традиций.

В 2014 года в Луганске возникла еще одна структура, нацеленная на реализацию поставленной задачи духовно-нравственного воспитания. Это



Духовно-просветительский Центр имени святого преподобного Нестора Летописца, основным направлением деятельности которого является проведение научных исследований в сфере православной религии, культуры и внедрение их результатов в педагогическую практику. Для эффективной реализации задачи православного образования и воспитания студентов разработана концепция деятельности Центра, главными принципами которой названы принципы христоцентричности, экклезиологичности, педоцентричности, нравственно-педагогического аскетизма, целенаправленного иерархического развития личности, соборного педагогического влияния Церкви, семьи, школы и вуза, послушания [21, с. 11]. Для решения поставленных задач работа в Центре ведется в двух направлениях: духовно-просветительском и научно-образовательном, и организована по нескольким секциям: семейный клуб «Любовь мудра», киноклуб «Киномир», «Патрология», «Литературная гостиная», «Православный краеведческий клуб». Одним из новых направлений работы Центра является «Олимпиадная школа», работающая по подготовке студенческих команд к международным олимпиадам по духовно-нравственной культуре. В январе 2019 года команда Луганского национального университета приняла участие и заняла I место в международной олимпиаде «Служение ближнему как норма жизни», посвященной памяти жизненного подвига и 100-летию со времени мученической кончины императора Николая II, членов императорской семьи и Великой княгини Елисаветы Феодоровны Романовой, которая проходила в рамках Международных Рождественских чтений в г. Москва [22]. А это значит, что в Луганском национальном университете им. Тараса Шевченко создан системный духовно-педагогический инструмент (Университет – Храм – Духовно-просветительский Центр) для эффективной реализации задач духовно-нравственного воспитания не только в самом университете, но и в системе дошкольного и школьного образования.

**Выводы.** Таким образом, в Луганской Народной Республики сложились предпосылки для достижения положительных результатов в реализации духовно-нравственного воспитания и развития этой деятельности при условии снятия определенных юридических ограничений и внесения в законы концептуальных уточнений. Луганскими педагогами, философами, психологами ведется работа над созданием теоретического инструментария, основанного на единстве богословия и науки, и внедрения его в педагогическую практику. Эти тенденции требуют дальнейшего развития в виде теоретического осмысления, научного формирования целостного образа учителя и исследования процессуальных аспектов подготовки педагога на православной ценностной основе.



## Л и т е р а т у р а

1. Встреча с членами Священного Синода Украинской Православной церкви Московского патриархата. 27 июля 2013 года, 14:40 Киев. Стенограмма выступления В. Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/18960>

2. Государственная символика Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glava-lnr.info/struktura/luganskaya-narodnaya-respublika/gosudarstvennaya-simvolika>

3. В столице Луганской Народной Республики прошел многотысячный митинг в поддержку кандидата на должность Главы ЛНР Леонида Пасечника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glava-lnr.info/sobytiya/glava-lnr/v-stolice-luganskoj-narodnoj-respubliki-proshel-mnogotyachnyy-miting-v-podderzhku-kandidata-na-dolzhnost-glavy-lnr-leonida-pasechnika>

4. Об утверждении Программы духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов Луганской Народной Республики на 2016-2020 годы: постановление Совета Министров ЛНР. – 2016. – 12 октября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sovminlnr.ru/akty-sovetaministrov/postanovleniya/5367-ob-utverzhenii-programmy-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-uchaschihsya-i-studentov-luganskoj-narodnoj-respubliki-na-2016-2020-gody.html>

5. Закон о свободе совести и о религиозных объединениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/5741>


6. Добрынина Е. Вера и надежды [Электронный ресурс] // Российская газета – федеральный выпуск. – 2013. – № 5981 (5). – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/01/15/sociologia.html>

7. Конституция ЛНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>

8. Закон об образовании Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3606/>

9. Гребнев Л.С. Светское образование и религиозные ценности: доклад заместителя министра образования Российской Федерации на XII Рождественских образовательных чтениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mospat.ru/archive/2004/01/6389/>

10. Нестерова А.Г. Взаимодействие институтов светского и религиозного образования в современной России: опыт социологического анализа: дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / А.Г. Нестерова. – Волгоград, 2007. – 159 с.



11. Кирмач Г.А. Православная педагогика: учебно-метод. пособие для магистрантов по направлению подготовки «Педагогическое образование» / Г.А. Кирмач. – Луганск: Книта, 2017. – 204 с.

12. Трудовой кодекс Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/980/>

13. Концепция духовно-нравственного воспитания российских школьников [Электронный ресурс] / Сост. А.Я. Данилюк. – Режим доступа: <http://www.r-komitet.ru/school/program/action2009/razdel/cdn>

14. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии, кн. 1–2 / К.Д. Ушинский. – М.: АПН РСФСР, 1950. – 774 с.

15. Гогоцкий С.С. Издание в 3-х т. / предисл. и послесл. Ильченко В.И., Исаев В.Д. – Луганск: Элтон-2, 2010. – т. 2. Педагогика. – 644 с.

16. Ильченко В.И. Сакральная педагогика духовной вертикали Памфила Юркевича: хрестоматия научно-христианской педагогики / В.И. Ильченко. – Луганск: Элтон-2, 2011. – 458 с.

17. Непознанный Ушинский: хрестоматия научно-христианской педагогики / Сост. и предисл. В.И. Ильченко, К.В. Деревянко. – Луганск: «Пресса», 1998. – 304 с.

18. Ильченко В.И., Шелюто В.М. Феномен сакрального в историко-культурном пространстве / В.И. Ильченко, В.М. Шелюто. – Киев: АО «ИТН», 2002. – 325 с.

19. Проказа А.Т., Ильченко В.И. Физика очеловеченная и одухотворенная. В 2 книгах / А.Т. Проказа, В.И. Ильченко. – Луганск: Ремир, 2009. – 240 с.


20. Объединение православных ученых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ortsci.ru/ru/o-nas>

21. Протоиерей Виктор Никулин, Ротерс Т.Т., Кирмач Г.А. Концепция деятельности Духовно-просветительского центра имени святого преподобного Нестора Летописца. – Луганск: изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2010. – 15 с.

22. 31 января. Брифинг об участии делегации ЛНУ им. Шевченко в международном турнире в РФ [Электронный ресурс] // Луганский Информационный Центр. – Режим доступа: <http://lug-info.com/pressroom/one/31-yanvary-a-brifing-ob-uchastii-delegatsii-lnu-im-shevchenko-v-mezhdunarodnom-turnire-v-rf-4183>

## References





1. Meeting with members of the Holy Synod of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate. July 27, 2013, 14:40 Kiev. Transcript of V.Putin's speech [Electronic resource]. – Access Mode: <http://www.kremlin.ru/transcripts/18960>

2. State symbols of the Lugansk People's Republic [Electronic resource]. – Access mode: <https://glava-lnr.info/struktura/luganskaya-narodnaya-respublika/gosudarstvennaya-simvolika>

3. In the capital of the Lugansk People's Republic, a multi-thousand rally was held in support of the candidate for the post of the Head of the LPR Leonid Pasechnik [Electronic resource]. – Access mode: <https://glava-lnr.info/sobytiya/glava-lnr/v-stolice-luganskoy-narodnoy-respubliki-proshel-mnogotysyachnyy-miting-v-podderzhku-kandidata-na-dolzhnost-glavy-lnr-leonida-pasechnika>

4. On approval of the Program of spiritual and moral education of students and students of the Lugansk People's Republic for 2016–2020: the decree of the Council of Ministers of the LPR. – 2016. – October 12 [Electronic resource]. - Access mode: <https://sovminlnr.ru/akty-soveta-ministrov/postanovleniya/5367-ob-utverzhenii-programmy-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-uchaschihsya-i-studentov-luganskoy-narodnoy-respubliki-na-2020-gody.html>

5. The Law on Freedom of Conscience and Religious Associations [Electronic resource]. – Access mode: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/5741>

6. Dobrynina E. Faith and Hope [Electronic resource] // Russian newspaper - federal issue. – 2013. № 5981 (5). – Access mode: <https://rg.ru/2013/01/15/sociologia.html>


7. Constitution of the LPR [Electronic resource]. – Access mode: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>

8. Law on Education of the Lugansk People's Republic [Electronic resource]. – Access mode: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3606/>

9. Grebnev L.S. Secular education and religious values: report of the Deputy Minister of Education of the Russian Federation at the XII Christmas Educational Readings [Electronic resource]. - Access mode: <https://mospat.ru/archive/2004/01/6389/>

10. Nesterova A.G. The interaction of institutions of secular and religious education in modern Russia: the experience of sociological analysis: diss. ... PhD ass.: 22.00.04 / A.G. Nesterova. – Volgograd, 2007. – 159 p.

11. Kirmach G.A. Orthodox pedagogy: teaching method: manual for undergraduates in the direction of training «Pedagogical Education» / G.A. Kirmach – Lugansk: Knita, 2017. – 204 p.



12. Labor Code of the Lugansk People's Republic [Electronic resource]. - Access mode: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/980/>

13. The concept of spiritual and moral education of Russian schoolchildren [Electronic resource] / Comp. A.Ya. Danilyuk. – Access Mode: <http://www.r-komitet.ru/school/program/action2009/razdel/cdn>

14. Ushinsky K.D. Man as a subject of education. The experience of pedagogical anthropology. Vol. 1–2 / K.D. Ushinsky. – M.: APS RSFSR, 1950. – 774 p.

15. Gogotsky S.S. Edition in 3 v. V. 2: Pedagogy / Foreword and afterword V.I Ilchenko., V.D. Isaev. – Lugansk: Elton-2, 2010. – 644 p.

16. Ilchenko V.I. Sacral pedagogy of the spiritual vertical of Pamfil Yurkevich: a reader of the scientific Christian pedagogy / V.I. Ilchenko. – Lugansk: Elton-2, 2011. – 458 p.

17. The Unknown Ushinsky: anthology of Christian pedagogy / Comp. and foreword V.I. Ilchenko, K.V. Derevianko. – Lugansk: Press, 1998. – 304 p.

18. Ilchenko V.I., Shelyuto V.M. The phenomenon of the sacred in the historical and cultural space / V.I. Ilchenko, V.M. Shelyuto. – Kiev: JSC «ITN», 2002. – 325 p.

19. Prokaza A.T., Ilchenko V.I. Physics humanized and spiritualized. In 2 b. / A.T. Prokaza, V.I. Ilchenko. – Lugansk: Remir, 2009. – 240 p.


20. Association of Orthodox Scientists [Electronic resource]. – Access Mode: <http://www.ortsci.ru/ru/o-nas>

21. Archpriest Victor Nikulin, Roters T.T., Kirmach G.A. The concept of the activity of the spiritual and educational center of the name of holy Nestor the Chronicler. – Lugansk: publishing house of LNU named after V. Dahl, 2017. – 15 p.

22. January 31st. Briefing on the participation of the delegation of LNU named after T. Shevchenko in an international tournament in the Russian Federation [Electronic resource] // Lugansk Information Center. – Access mode: <http://lug-info.com/pressroom/one/31-yanvary-brifing-ob-uchastii-delegatsii-lnu-im-shevchenko-v-mezhdunarodnom-turnire-v-rf-4183>

**Tokmacheva M.A. «DE FACTO» AND «DE JURE» RELIGIOUSNESS IN THE SYSTEM OF EDUCATION OF THE LPR**

*The article raises the problem of educating the youth of the Lugansk People's Republic in the spirit of the traditional Orthodox spirituality and morality of Russian people. The achievements of the modern education system in the implementation of spiritual and moral education are examined, and legal and regulatory contradictions and shortcomings that impede the achievement of higher results in this area are indicated.*



**Key words:** *law on education, religious component, secular education, spiritual and moral education of the people, Orthodox education.*

**Токмачева Марина Алексеевна** – аспирант кафедры педагогики ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко», г. Луганск.

**Tokmacheva Marina Alekseevna** – postgraduate student of the Department of Pedagogy of the State Educational Establishment of Higher Professional Education of LPR «Lugansk National University named after Taras Shevchenko», Lugansk.

**E-mail:** tok\_marina@mail.ru

**Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.



# ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 261.7

*Шелюто В.М.*


## ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

*Статья посвящена актуальным проблемам отношений государства и церкви в различные исторические периоды. В ней рассматривается участие церкви в формировании Русского государства, подчёркивается её значение в духовном развитии «Святой Руси». В статье дан сравнительный анализ отношений государства и церкви в православии и католицизме. В ней также рассматриваются истоки и причины сложных отношений между государством и церковью в период существования Киевской Руси, Московского царства и Российской империи.*

**Ключевые слова:** *государство, церковь, симфония, уния, православие, католицизм, синодальный период.*

В процессе формирования государственности европейских стран существенное значение имел церковно-религиозный фактор. Степень влияния церковных институтов на этот процесс существенно отличается у различных народов.

В одних случаях европейская государственность возникала преимущественно на основе общих экономических и политических интересов, а церковь лишь способствовала их идеологическому оформлению. Именно так формировалась государственность большинства стран Западной Европы в эпоху средних веков. Эта государственность базировалась на языческой традиции, восходящей к эпохе античности. Она формировалась на основе принципов римского публичного права и политико-правовой идеи «Римского мира» (Pax romana). Поэтому принятие христианства для значительной части стран «Римского мира» существенно не меняло саму природу их государственности. Оно являлось лишь способом идеологического




обоснования верховенства центральной власти в новых исторических условиях.

Что касается церкви, то, согласно Н.А. Бердяеву, в христианской традиции понятие «церковь» имеет два смысла: «Церковь есть мистическое тело Христово, духовная реальность, продолжающаяся в истории жизнь Христа, и источником её является откровение, действие Бога на человека и мир; Церковь есть также социальный феномен, социальный институт, она связана с социальной средой и испытывает на себе её влияние, находясь во взаимодействии с государством, имеет свои права и хозяйство, и источник её социальный» [1, с. 140].

Применительно к католической церкви в Западной Европе эпохи средних веков следует говорить в первую очередь именно как об особом политическом институте, основанном на идее *Rex romanus* и римском праве, почти на тех же условиях, что и институт государства. Римско-католическая церковь формировалась по образцу Римской империи, а римский папа являлся не только духовным, но и верховным светским властителем римско-католического мира. Именно такая церковь представляла, по своей сути, новую «сверхдержаву», которая пришла на смену распавшейся Римской империи. Эта папская «сверхдержаву», стоящая во главе конгломерата варварских королевств, обладала всеми необходимыми атрибутами государственности. В период своего наивысшего расцвета она имела в своём подчинении могущественную армию, представленную многочисленными духовно-рыцарскими орденами, инквизиционные суды и другие средства властного принуждения.

Борьба пап и императоров за инвеституру, сотрясающая «Римский мир» в течение нескольких столетий, объясняется как раз тем, что на одном геополитическом пространстве в одно и то же время параллельно друг другу существовали две могущественные сверхдержавы, обладающие примерно равными по силе и авторитету атрибутами власти и мощными средствами принуждения. Этими силами и были римско-католическая церковь и «Священная Римская империя германской нации», образовавшаяся в 962 году на развалинах империи Карла Великого. Эти две сверхдержавы, существовавшие вместе фактически на едином пространстве, воплощали в себе две фундаментальные политико-правовые идеи – римскую и германскую.

Данный симбиоз в той или иной форме просуществовал вплоть до XVI века, когда М. Лютер начал Реформацию, расколовшую католический мир на два противоборствующих лагеря – правоверных католиков и протестантов. Крах средневековых отношений между государством и церковью в Европе произошёл после Аугсбургского религиозного мира




1555 года, который официально провозгласил новый принцип этих отношений. Данный принцип гласил: «Чья страна, того и вера». Окончательно он был утверждён после кровопролитной Тридцатилетней войны (1618 – 1648 гг.) Вестфальским миром 1648 года, на основе которого была создана новая система отношений между европейскими государствами, просуществовавшая вплоть до Великой французской революции и наполеоновских войн. Этот принцип фактически положил конец существованию римской теократической сверхдержавы. В то же время он оказался губительным и для формирования германского имперского государства, поскольку фактически обосновал и закрепил на долгие годы феодальную раздробленность Центральной Европы. Эту раздробленность удалось преодолеть уже на национальной германской идее О. фон Бисмарку только к 1871 году, объединив многочисленные государства в единую Германскую империю «железом и кровью».

Другой вариант формирования государственности на религиозной основе предложила арабо-мусульманская цивилизация. Здесь процесс образования арабской и тюркской государственности был тесно связан с формированием религиозно-политического сознания ислама. Формирование мусульманского государства – Халифата и распространение ислама проходили синхронно, в результате завоеваний. Основой арабского Халифата стала мусульманская община (умма), которая одновременно являлась и религиозной, и военно-политической организацией.

Для государства Российского была свойственна принципиально иная модель взаимоотношений между государственными и церковными институтами. Проблеме взаимоотношений между ними уделено значительное внимание в трудах русских мыслителей второй половины XIX – начала XX вв. Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, С.Н. Булгакова, П.И. Новгородцева, Г.П. Федотова, а также историков церкви Е.Е. Голубинского, А.В. Карташева, М.Э. Поснова, Н.М. Никольского и др.

Процесс формирования древнерусской государственности начался задолго до крещения Руси. Первоначально процессы государственного строительства и обретения восточнославянскими народами ценностей христианства не были синхронными. Тем не менее между этими процессами изначально существовала глубокая связь. Созданное в конце IX столетия Древнерусское государство являлось непрочным объединением отдельных восточнославянских племен, имеющих собственные языческие культы. На отдельных территориях, где проживали эти племена, княжили местные правители, а функции центрального аппарата управления, находившегося в Киевском княжестве, сводились к сбору дани и




организации военного отпора кочевникам, постоянно угрожавшим Руси. Первоначальное объединение племенных княжеств было аморфным, о чем свидетельствовали такие события, как восстание Вадима Храброго в Новгороде и убийство древлянами киевского князя Игоря. Однако уже первые киевские князья понимали, что единство государства не может быть обеспечено исключительно посредством меча, оно требует создания прочной политической и идеологической связи между отдельными территориями государства. Для прочного объединения восточнославянских племён был необходим мощный институт, который формировал и контролировал сознание населения в пределах всей большой страны. Этот институт должен был действовать совместно с княжеской властью, однако он должен быть иным по характеру своей деятельности и целям. Таким институтом могла стать только единая церковь, которая в то же время должна стать соединительным звеном между формирующимся Древнерусским государством и остальным миром. Центром притяжения для Киевской Руси являлась, в первую очередь, Восточная Римская или Византийская империя. Изменение сознания населения, господствующей системы ценностей и духовных ориентиров могло быть осуществлено только церковью, а не языческим государством.

Процесс христианизации Руси был довольно длительным. Уже в древнейший период её существования сквозь толщу старых языческих верований пробиваются ростки нового мировоззрения, вызванного к жизни христианством. Так, задолго до официальной даты крещения Руси произошло крещение русичей, которые проживали на территории Хазарского каганата. Это крещение в 858 году произошло во многом благодаря деятельности выдающихся просветителей, создателей первой славянской азбуки, «учителей словенских» Кирилла и Мефодия.

Первоначально христианство было принято лишь отдельными князьями. Одним из первых среди славянских князей христианство принял киевский князь Аскольд еще в 60-х годах IX века. Христианство восточного обряда приняла и вдова князя Игоря, впоследствии канонизированная православной церковью княгиня Ольга, сыгравшая исключительно важную роль в процессе обретения Русью государственности. Начиная с периода правления княгини Ольги (945 – 957) начинается распространение христианства среди правящей знати на всей территории Древнерусского государства,

Начиная с X века, вопрос о принятии христианской религии стал прочно увязываться с формированием и укреплением единого восточнославянского государства. Противником христианства являлся только киевский князь Святослав. Однако его враждебность была




обусловлена скорее не духовными причинами, а сугубо политическими. Ведь князь Святослав вступил в решительное противоборство с христианской Византией. Это противоборство имело целью утверждение гегемонии Руси на Балканах. Однако несмотря на личную приверженность языческим богам, он не стал радикально препятствовать распространению христианской религии у себя в стране. Это был последний киевский князь, который оставался верен языческим богам до конца жизни.

При его сыне Владимире Святославовиче (978 – 1015), вошедшем в историю как Владимир Святой, произошло судьбоносное событие в истории восточного славянства. В 988 году по восточному православному обряду была крещена Русь. Князь Владимир, являющийся «святителем» земли Русской, был впоследствии признан святым и равноапостольным. Его канонизация являлась свидетельством высокой оценки его деятельности со стороны православной церкви.

Исходя из позиций православия, исходным в отношениях между государством и церковью должен был стать принцип симфонии, который символически был выражен в византийском гербе, изображающем двуглавого орла. Орёл символизировал духовную и светскую власть, власть церкви и власть государства. Однако в православии, в отличие от католицизма, доминирующим пониманием церкви являлось её понимание как мистического «тела Христова», духовной реальности, источником которой является Откровение, связанное с непосредственным действием Бога на человека и мир, а не социального феномена и религиозного института. А значит, власть церкви должна быть в первую очередь духовной, а не политической. При князе Ярославе Мудром (1019–1054) и произошла институционализация этой духовной власти. В Киеве была утверждена митрополия, созданы епископии в других крупных городах Древней Руси.

В период феодальной раздробленности православная церковь продолжала оставаться единой. Она не могла попасть в зависимость от удельных князей и бояр и была самостоятельной силой, роль которой в жизни восточнославянского общества становилась все более значительной. Иерархи церкви часто выступали в качестве посредников в княжеских усобицах. Их деятельность была направлена на сохранение единства государства и предотвращение кровопролития. Эта миротворческая роль православной церкви явилась важнейшим её вкладом в социально-политическую жизнь Руси периода раздробленности. В отличие от центральных совещательных органов, периодически собираемых княжеских съездов, церковь осуществляла свои интеграционные функции на постоянной основе.






С этого времени само слово «русский» стало означать не только принадлежность к конкретному народу, но и получило глубокий сакральный смысл во всей последующей истории. Слово «русский» стало в известном смысле означать – «православный». Символизм древнерусской иконописи оказал колоссальное воздействие на формирование религиозного мировоззрения русского народа. Формирование русского менталитета проходило под сильным религиозным воздействием православия. Первые шесть веков русской литературы непосредственно связаны со сферой сакрального, святого, божественного. Религия оказала воздействие на формирование образного строя русского языка, нашла своё отражение в словах и фразеологических оборотах, сказках и мифах, а также в устойчивом образе «Святой Руси», который имеет исключительное значение для понимания всей русской культуры.

«Русский дух» выстоял в годы суровых испытаний, он сокрушил мощные силы всевозможных захватчиков, пришедших с мечём на русскую землю. В древнерусской истории чести именоваться святыми удостоились защитники Отечества, выдающиеся полководцы – новгородский и великий владимирский князь Александр Невский, великий князь Московский Дмитрий Донской. Эти правители вошли в историю Руси как победители, отстоявшие в битвах свободу родной земли. В отличие от католицизма, православная церковь никогда не призывала к насилию по отношению к другим народам, наподобие знаменитого лозунга «Drang nach Osten» («Нагиск на Восток»). В то же время освободительная миссия обосновывалась данной церковью, что видно на примере освящения Сергием Радонежским справедливости ратного подвига великого князя Московского Дмитрия Донского, увенчавшегося в победе над монголо-татарами в Куликовской битве 1380 года.


Святыми на Руси были признаны также монахи, отличающиеся благочестием, в частности, основатель Киево-Печерского монастыря Феодосий Печерский. Святыми «страстотерпцами» признавались те, кто пострадал невинно от вероломства и предательства. Так, сыновья великого князя Владимира Борис и Глеб, вероломно убитые своим сводным братом Святополком Окаянным, были канонизированы русской церковью в числе первых святых Древней Руси.

В Московскую эпоху проблема отношений между институтами православной церкви и государства решалась сложно и неоднозначно. Первоначально осложнение отношений между государством и церковью было связано с тем, что церковь на Руси управлялась митрополитами, назначенными из Византии. И в период феодальной раздробленности это имело положительный смысл для самого существования русской



государственности, так как церковные структуры не находились в подчинении бояр и удельных князей. Однако в период объединения Руси, совпавшего хронологически с глубоким упадком Византии, такая ситуация выглядела анахронизмом. Как отмечает А.В. Карташев: «Борьба московских князей за права великого княжения вовлекает митрополитов в политику. Через это возрастает ещё более прежнего государственное значение иерархии, а вместе с этим возрастает на Руси и потребность иметь митрополитов из своих русских людей» [2, с. 289]. Отношения между Москвой и Византией резко осложнила Флорентийская уния 1439 года, провозглашённая при императоре Иоанне VIII Палеологе. Данная уния фактически передавала Константинопольский патриархат в подчинение римскому папе, в надежде на то, что Рим окажет Византии помощь в борьбе с надвигающейся турецкой опасностью. Решение об унии было неканоническим и исходило от византийского императора и патриарха, находящихся под сильным давлением внешнеполитических обстоятельств, связанных с явной угрозой, исходящей от Османской империи. Оно не могло быть позитивно воспринято в Москве, которая после Куликовской битвы 1380 года быстро освобождалась от монголо-татарского ига. Непризнание Флорентийской унии 1439 года русским духовенством и государственной властью дало возможность московской митрополии получить самостоятельность. Сторонники унии во главе с митрополитом Исидором вынуждены были покинуть Русь. В 1448 г. собором русских епископов, а не Константинопольским патриархом, был поставлен новый митрополит Московский и всея Руси архиепископ Рязанский Иона. Именно с этого времени начинается история автокефальной церкви в Московской Руси.


Падение Византийской империи в 1453 году и завоевание турками-османами государств, в которых господствовало православное вероисповедание, в конечном счёте развеяло иллюзии греческого духовенства относительно унии с католиками. Единственной страной, которая изначально категорически не признала церковную унию, являлась Московская Русь, освободившаяся окончательно от монголо-татарского ига после стояния на реке Угре 1480 года. С этого времени началась новая эпоха истории Русского государства, в которой существенно изменились взаимоотношения государства и церкви. Эта эпоха в области политической идеологии отмечена утверждением идеи вселенского самодержавия – «Москва – третий Рим», которая существенно отличается от идеи симфонии, доминировавшей в византийский период. Идеология Московского государства рассматривала Москву в качестве «третьего Рима», вслед за Римом и Константинополем. «Божиею милостью царь и



великий князь» Иван III женился на племяннице последнего византийского императора и первым на Руси принял титул автократора – самодержца. С этого времени был утверждён в качестве герба Московской Руси византийский двуглавый орёл. Таким образом, Московское государство официально заявило о принятии как светского, так и духовного наследия Византийской империи, а великий князь Московский стал «повелителем ромеев». В пророчестве старца псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея, произнесённого при Василии III, было сказано: « ... два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не бывать».

Обретение всеми православными народами нового царя было связано с венчанием на царство по византийскому обряду великого князя Московского Ивана IV Васильевича. Оно произошло в 1547 году, когда московский митрополит Макарий возложил на него царский венец. При сыне Ивана Грозного царе Фёдоре Иоанновиче в 1589 году Константинопольский патриарх Иеремия поставил митрополита Иова первым патриархом Московским. В рамках канонического православия возникла новая церковная структура – Московская патриархия. Таким образом, в контексте реализации политической идеи «Москва – третий Рим» был формально восстановлен византийский теократический идеал симфонии, который символизировал изначально двуглавый орёл.


Двуглавый орёл является гербом трёх российских государств: Московского царства, Российской империи и современной Российской Федерации. В каждом из этих государств отношения между церковью и государством существенно отличаются друг от друга. Как показывает история, принцип симфонии далеко не всегда соблюдался в контексте основного принципа отношений государства и церкви в истории России, что зачастую приводило к негативным последствиям не только для церкви, но и для государства. Усиление государства приводило к серьёзным нарушениям баланса отношений между государством и церковью в пользу государственных институтов. Государство стремилось присвоить себе функции духовного порядка, полностью подчинив себе церковь. Зачастую это способствовало тому, что между высшими иерархами государства и церкви возникали острые конфликты. По словам А.В. Карташева: «Над русскими митрополитами быстро вырастает подавляющий авторитет московского князя, который усваивает себе титул царя и соединённую с ним византийскую идею патроната над всеми православными христианами» [2, с. 289]. В силу этих обстоятельств «церковная иерархия, словом и делом воспитавшая московское самодержавие, сама должна была смиренно подклониться под властную руку взлелеянного ею детища»[2, с. 289].



Когда церковные иерархи пытались обличать самодержцев, часто возникал конфликт между духовной и светской властью. Яркими примерами подобных конфликтов являются конфликт первого русского царя Ивана Грозного и митрополита Филиппа, а также конфликт Алексея Михайловича и патриарха Никона. На соборе 1666 года произошёл серьёзный церковный раскол, определивший во многом непростую ситуацию в Русской православной церкви в последующие годы. Патриарх Никон, проводя церковную реформу, добивался не только исправления церковных книг. Он хотел «исправить церковь, но не восстановлением в ней соборного начала, а посредством проведения в ней строгого единовластия патриарха, не зависящего от царя, и посредством возвышения священства над царством» [3, с. 128.]. Никон хотел освободить русскую церковь от подчинения государству, которое стремилось «опоясаться сразу двумя мечами, и духовным и материальным» [3, с. 128.]. Несмотря на то что Никон фактически являлся «временщиком» царя, он стал активно вмешиваться в государственные дела. Однако все его попытки занять руководящее положение в государственной системе не увенчались успехом.

В то же время в исторический период, сопряжённый с «Великим расколом», каноническая власть Московской патриархии была расширена на новые территории, прежде всего на территорию Украины, вошедшую в состав Русского государства на условиях Переяславского договора 1654 года.

В 1686 году при правительнице Софии Алексеевне Киевская митрополия была передана Константинополем Московскому патриархату. На поместном соборе 1685 года заявили о своих позициях как сторонники, так и противники перехода Киевской митрополии в каноническую юрисдикцию Московского патриархата. В ходе горячего обсуждения дальнейшей судьбы Киевской митрополии победу одержали сторонники её перехода под церковную юрисдикцию Москвы, а Митрополитом Киевским был избран приверженец этой идеи Гедеон (Святополк-Четвертинский). В присутствии Московского патриарха Иоакима Гедеон присягнул на верность Москве. Царская грамота утверждала автономию Киевской митрополии, а митрополит Киевский должен почитать как первый по чину среди иерархов Русской православной церкви. Представитель Константинопольского патриархата вынужден был подтвердить переход Киевской митрополии в каноническую юрисдикцию Московской патриархии. Фигура константинопольского патриарха в этот период была исключительно зависимой от турецкого визиря, который выдавал фирман на патриаршество. Между патриархами Константинополя шла постоянная




борьба за власть. В результате этой междоусобной борьбы патриархи менялись довольно часто. Некоторые из них занимали патриарший престол по несколько раз. В частности, в 1685 на патриаршем престоле Константинополя сменились три патриарха. Если патриарх Парфений опасался гнева турецкого султана в случае перехода Киевской митрополии в каноническую юрисдикцию Москвы, то следующий Константинопольский патриарх Дионисий принял грамоты русских царей-соправителей Ивана и Петра и патриарха московского Иоакима. Для окончательного решения дела о принадлежности Киевской митрополии в Стамбуле был созван Синод. После решения данного Синода Константинопольский патриархат направил соответствующие грамоты царям-соправителям, гетману Ивану Самойловичу, а также новоизбранному митрополиту Гедеону. В этих грамотах утверждался порядок перехода Киевской митрополии в каноническое ведение Москвы на вечные времена. Переходу Киевской митрополии к Русской православной церкви всячески содействовал и Патриарх Иерусалимский.

При основателе Российской империи Петре I православная церковь фактически превратилась в одну из государственных структур имперского государства. Патриарший престол был упразднён. Для этого времени характерен «западнический, секулярный, антиеократический дух деспотического преобладания государства над церковью» [4, с. 312]. Россия в 1721 году была официально провозглашена империей, в составе которой находились представители различных религий, народов, рас. Она фактически перестала быть «православным царством». Начался Синодальный период в истории русской церкви.

На протяжении столетий важнейшим критерием значимости церкви в тот или иной исторический период являлся критерий святости. В период империи число канонизаций резко сократилось. Согласно словам историка русской церкви А.В. Карташева: «Украшая родную землю высоким титулом «Святой Руси», русская церковь оправдывала эту претензию усердными канонизациями, которых ко времени Петра возросло до 230, а вместе с местночтимыми именами даже и до 500... Церковная власть прославила до конца синодального периода всего десять новых имён» [4, с.319–320].


Отношения между самодержавной властью и церковью в период империи характеризуются зависимостью церковных структур от власти. Государственной власти удалось сломать практически все ростки сопротивления и даже критики со стороны православной церкви. Церковь вынуждена была подчиниться. Однако она смогла противопоставить своеволию господствующей самодержавной власти удивительные образцы



высокого уровня духовности. Как отмечает А.В. Карташёв, царская власть бросила «вызов» монашеству, а оно «ответило» Тихоном Задонским, Паисием Величковским, Серафимом Саровским, оптинскими старцами. Поэтому, по мнению исследователя, не следует «пессимистически» оценивать синодальный период. В нём необходимо видеть «исторически-восходящее выявление духовных сил и достижений русской церкви» [4, с. 320].

После крушения Российской империи, связанного с революционными событиями 1917 года, произошло восстановление патриаршего престола. Однако отношения между государством и церковью значительно ухудшились, а «духовная ситуация эпохи» кардинально изменилась в результате двух революционных переворотов. Патриарх Тихон сравнил эти перевороты с «печальным опытом вавилонского строительства» [5, с. 48]. В стране началась гражданская война, в которой церковь поддержала «Белое движение». В период гражданской войны были существенно разрушены те духовные скрепы, которые давали возможность Ф.М. Достоевскому говорить о «народе-богоносце». Идеология коммунизма, стремясь занять место религии, создала свои институты, имеющие целью полностью вытеснить церковь из духовного пространства восточнославянского мира. Были закрыты храмы, преследовались и даже уничтожались священнослужители, была предпринята попытка нового церковного раскола. Только в период Великой Отечественной войны, когда требовалось объединение всего народа перед лицом сильного врага, политика Советского государства по отношению к церкви стала несколько меняться. Налаживание отношений атеистического государства и церкви происходило через точки соприкосновения государственных и церковных институтов в плане понимания истории и культуры русского народа. Оно началось именно с обращения к духовному началу народа, коренящемуся в великой русской культуре. Этим самым Советская власть вынуждена была заявить о том, что она принимает некоторые ценности прежних исторических эпох, достижения которых были тесно связаны с ориентирами православия. Ведь победитель немецких псов-рыцарей на Чудском озере был Святой Александр Невский. А победителем монголо-татар в Куликовской битве – Святой Дмитрий Донской. Благодаря признанию этих неоспоримых фактов истории стало возможным постепенное налаживание диалога Советского государства с Русской православной церковью в исключительно сложный дл страны период.

История показывает, что на протяжении тысячелетия, прошедшего после крещения Руси, отношения между государством и церковью существенно менялись. Эти отношения никогда не были простыми и




безоблачными. На раннем этапе своего развития государство достигало больших успехов в те периоды, когда придерживалось принципа «симфонии». Нарушение этого принципа тяжело отзывалось и на государстве, и на церкви. В настоящее время в отношениях государства и церкви возникли новые проблемы. Это, в первую очередь, связано с недавними событиями, происшедшими на Украине, где некоторые высшие чиновники активно вмешиваются в церковную жизнь, исходя из своих сиюминутных политических интересов. Такие действия, поддержанные патриархом Константинопольским, могут только поспособствовать дальнейшему расколу общества в этой стране. В настоящее время отношения государства и церкви должны строиться на основе конструктивного сотрудничества в области формирования нравственных отношений в обществе. Они не должны вмешиваться в дела друг друга, так как имеют принципиально разные задачи. В то же время история показывает, что резонанс обоих «царств» – «Царства Духа» и «Царства Кесаря» всегда способствует прорыву общества из «царства необходимости» в «царство свободы».

### **Л и т е р а т у р а**

1. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1995. – 383 с. – (Мыслители XX века).
2. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2-х т. /А.В. Карташев. Том 1. Репринтное воспроизведение. YMCA-PRESS. Париж.1959. –М.: Наука, 1991. –704 с.
3. Никольский Н.М. История русской церкви /Н.М. Никольский. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с. – (Б-ка атеистической литературы).
4. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2-х т. /А.В. Карташев. Том 2. Репринтное воспроизведение. YMCA-PRESS. Париж.1959. –М.: Наука, 1991. – 576 с.
5. Протоиерей Владислав Цыпин. История русской церкви. 1917-1997. – М. Изд.Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Книга девятая. – 832 с.

### **R e f e r e n c e s**

1. Berdyayev N. A. Tsarstvo Duha i tsarstvo Kesarya / N. A. Berdyayev. – М.: Respublika, 1995. – 383 s. – (Myisliteli HH veka).
2. Kartashev A.V. Ocherki po istorii russkoy tserkvi. V 2-h t. /A.V. Kartashev. Tom 1. Reprintnoe vosproizvedenie. YMCA-PRESS. Parizh.1959. – М.: Nauka, 1991. –704 s.



3. Nikolskiy N.M. Istoriya russkoy tserkvi /N.M. Nikolskiy. – M.: Politizdat, 1985. – 448 s. – (B-ka ateisticheskoy literaturyi).

4. Kartashev A.V. Ocherki po istorii russkoy tserkvi. V 2-h t. /A.V. Kartashev. Tom 2. Reprintnoe vosproizvedenie. YMCA-PRESS. Parizh.1959. – M.: Nauka, 1991. – 576 s.

5. Protoierey Vladislav Tsyipin. Istoriya russkoy tserkvi. 1917–1997.– M. Izd.Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyirya, 1997. – Kniga devyataya. – 832 s.

**Shelyuto V.M. THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CHURCH AND THE STATE IN THE CONTEXT OF NATIONAL HISTORY**

*The article is devoted to the actual problems of relations between the state and the Church in different historical periods. The article considers the participation of the Church in the formation of the Russian state, emphasizes its importance in the spiritual development of the «Holy Russ». The article provides a comparative analysis of relations between the state and the Church in Orthodoxy and Catholicism. The origins and causes of complex relations between the state and the Church during the existence of the Kyiv Russ, Moscow state and the Russian Empire are also considered.*

**Key words:** state, Church, symphony, union, Orthodoxy, Catholicism, Synodal period.

**Шелюто Владимир Михайлович** – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля» (г. Луганск).

**Shelyuto Vladimir Mikhaylovich** – doctor of philosophical sciences, candidate of historical sciences, professor, professor of the Department of the philosophy and theology of the Lugansk National University named after of Vladimir Dahl, Lugansk.

**E-mail:** kaf.filosofia.teologia@yandex.ru

**Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич** – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой социологии, проректор по воспитательной работе ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».



## РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛ КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН

*В статье рассматриваются особенности сакрального (религиозного) символа как духовного феномена. Религиозное мировоззрение является одной из форм духовного освоения мира, а религиозный опыт является источником существующих в мире религий. Особую роль в передаче опыта играет религиозный символ, как «код» сакрального. Автор анализирует особенности религиозной символизации, дает определение сакрального (религиозного) символа, а также его функций, предлагает типологию христианских символов, а также понятие синергизм, отражающее смысл религиозной символизации.*


*Ключевые слова: сакральный (религиозный) символ, синергизм, символизация, духовность, функции символа.*

**Постановка проблемы.** Одной из духовных форм освоения мира является религиозное мировоззрение. Важнейшим средством сохранения и передачи религиозного опыта является символ. В отечественной науке интерес к проблеме религиозного символа с философской точки зрения проявили В. Бычков, А. Лосев, Д. Угринович, И. Яблоков, Е. Яковлев и другие. К сожалению, современная наука не дает ответ: в чем смысл сакрального (религиозного) символа, каковы его функции, что такое религиозная символизация?

**Целью исследования** является анализ особенностей религиозного символа как формы духовности на примере христианства с точки зрения философской науки.

**Основная часть.** С точки зрения исследователя Д.А. Леонтьева, «духовность – такой высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности, находящиеся между собой в неиерархических взаимоотношениях...» [8, с.217].

Один из подходов к истолкованию духовности принадлежит В. Франклу. Он рассматривает духовность «как один из базовых «экзистенциалов» человеческого бытия, как высшее антропологическое измерение человека – смысловое измерение, – надстраивающееся над телесным и душевным (психическим) измерениями. В. Франкл уделяет



особое внимание духовному бессознательному, концентрированным проявлением которого является совесть – орган, посредством которого человек улавливает истинные смыслы. Совесть открыта не столько сущему, сколько должному и возможному; это духовное предвосхищение того, что еще предстоит, которое Франкл называет интуицией...» [8, с.217].


Христианское мировоззрение связывает духовность человека с высшими силами божественной природы, проявляющимися в поступках человека, отрицает возможность иной духовности, основанной, например, на ценностях культуры.

Общим для подавляющего большинства подходов к духовности является признание ее трансцендентной природы, связи с наиндивидуальными смыслами и ценностями, божественными или трансцендентными силами. Духовность является не структурой, а, наряду со свободой и ответственностью, способом существования человека, достигшего личностной зрелости. «Человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи эффективной адаптации к среде, и подключается к созидательной энергии наиндивидуальных общностей или высших сил, выходя за свои собственные пределы и открываясь взаимодействию с миром на новом уровне» [8, с.217].

Религиозный символ является одной из форм духовности. Символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, он есть «знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа. Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, невысказанные один без другого, но и разведенные между собой и порождающие символ. Переходя в символ, образ становится «прозрачным»: смысл «просвечивает» сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива» [6, с.581].

Символ является разновидностью знака, смешение понятий «знак» и «символ» приводит к недоразумению и неоднозначным трактовкам. В семиотическом дуализме «значение – означаемое» зашифрован весь дуализм предметного человеческого мышления, считают М. Мамардашвили и А. Пятигорский [5, с.94]. В. Головей подчеркивает, что в семиотическом дискурсе понятие знак выступает как универсальное, а символ – как его особая разновидность, спецификой которого является не прямой, условный характер связи между значением и означаемым, знаки нам даны, а символы – заданы, знаки предвидят знание значений, а символы – понимание и переживание их смысла [3, с.153].

Соответственно М. Мамардашвили и А. Пятигорский различают символы сознания и вторичные символы. Выявление символов сознания дает возможность отличать непосредственные принципиальные




определенности сознания от вторичных опосредованных средств их выражения, которые мы видим, например, в искусстве, и которые являются художественными символами. Представления о символе как структуре сознания разрабатывает Мирча Элиаде. Он объясняет символы как выражение человеческого знания в терминах трансцендентной реальности. Элиаде называет их структурами знания, которые выходят за рамки конкретно-исторических культурных форм, и в которых содержится действительный религиозный смысл, имея ввиду по сути, именно символы сознания [9, p.37].

Количество символов сознания невелико. К ним принадлежат такие символы, как Абсолют, смерть, «Я», тотем. Эстетическое оформление связано преимущественно с символами второго порядка, объективированными в образах искусства, религии, культурного мира в целом. В религии и сакральном искусстве символы второго порядка непосредственно представляют первичные. «Символы сознания являются трансцендентальными структурами, они априорно присутствуют в глубинах нашей психики и могут проявляться при определенных обстоятельствах, обуславливая формы и содержание нашего опыта», – отмечает В. Головей [3, с.155]. Каждый первичный символ может иметь более или менее широкий спектр репрезентаций в виде вторичных символов. Например, первичный символ трансцендентного (священного) может быть представлен такими вторичными символами как мана, тотем, Дух, Абсолют, Бог и т.д. Вторичный символ, или символический образ, при условии, если он действующий, на глубинном уровне сознания соотносится с символами высшего порядка – символами сознания. Если эта связь нарушается, символы культуры могут превратиться в обычные пустые знаки, которые утратили связь с трансцендентным.

Символы второго порядка – это символы культуры. Благодаря символическому отношению разнообразные реальности идентифицируются одна с другой как взаимосвязанные элементы нашего окружения. Результатом символического отношения является образ мира как интегративная характеристика нашего опыта, которая обуславливает наши чувства, эмоции, действия. Символическое познание мира и его несоответствие данным эмпирического опыта стимулируют свободу фантазии. Однако символизм – не просто фантазия, он свойствен самой структуре человеческого познания и деятельности [3, с.155–156].

Религиозный опыт является источником существующих в мире религий. Они основаны на непосредственном переживании сакрального, которое воспринимается как откровение. Историю возникновения большинства религий можно рассматривать как постепенное раскрытие



скрытых значений, свойственных религиозному опыту основателей этих религий. В первичной интуиции каждого из них есть зародыш теории, которая позже разовьется в доктрину, а еще позже – в догму [1, с.510]. Как только опыт воплощается в Традицию, его авторитет сразу же переносится на нее. Формируются священные писания, разрабатываются ритуалы, оформляется группа священнослужителей. Исполняя роль посредника между религиозным опытом и социумом, Традиция сохраняет память об этом опыте в первичном виде теми средствами, которые устраивают общество. Особую роль в передаче опыта играет символ, как «код» сакрального.

**Религиозная символизация** – это многоуровневая система, которая воплощает себя в многомерном пространстве: сакральная реальность – творческий подход автора – физическая форма символа – восприятие символа реципиентом, возносящее его дух к сакральной реальности.

Для изображения сакрального мира нужны правила, имеющие в свою очередь, сакральное происхождение. С развитием и систематизацией сознания, а также укреплением индивидуального начала в личности возникает коллективное сознание, проявляющее себя в религиозно-художественном каноне каждой конкретной цивилизации и эпохи. Правила канона выступают основой для средневекового сакрального искусства. «Согласно с христианской религиозной мыслью, правила, согласно которым изображен сакральный мир, должны исходить именно от тех, кто из всех людей ближе всего стоит к сфере сакрального. Поэтому основателями канона выступают «отцы церкви», святые, духовные учителя и церковные иерархи. Поэтому в основании христианского канона лежали положения «отцов церкви», которые имели абсолютную истину не только для каждого художника, но и для каждого, кто молился перед иконой или слушал религиозную музыку в момент богослужения» [7, с.190].


В свете христианского мировоззрения религиозный опыт трактуется как непосредственное переживание человеком Бога и способ удостоверения его бытия. Мы можем прийти к выводу, что **символизация** – это способ постижения и выражения имманентными средствами трансцендентной реальности (лежащей за пределами человеческого опыта).

Исходя из этого, в христианской культуре можно выделить следующую **типологию** символов:

1. Догматические (являются объектом рассмотрения теологии: например, Троица, Христос – Богочеловек, – в православии, Богородица – в православии, Мадонна – в католицизме и т.д.– через них трактуются остальные классы символов);

В зависимости от средств выражения догматического символа выделяем следующие художественные символы:

2. Изобразительные или пластические символы:



– в изобразительном искусстве (например, иконопись в православии – искусство изображения образов Ветхого и Нового заветов, церковной истории с помощью растворенных красок, возникшее в конце I века нашей эры, получившее распространение в Восточной Церкви; в католицизме – религиозные картины; символизм достигается с помощью цвета, света и др. выразительных средств);

– в архитектуре (культовые сооружения – помещения для проведения богослужений и исполнения религиозных обрядов, которые в каждой из конфессий имеет свои особые наименования – собор, храм, церковь – в православии, костел – в католицизме, молитвенный дом – в протестантизме; выразительные средства – например, в православии – количество глав на храме и т.д.);

– в скульптуре (получила распространение в католицизме – объемное воплощение художественной формы в пространстве, изображения людей, животных, пейзажей для иллюстрации Церковной истории);

– в графике (получила распространение в протестантизме – создание религиозных изображений с помощью выразительной художественной формы путем использования разных по окраске линий, штрихов и пятен на листе бумаги, которое достигает высокой степени условности благодаря лаконизму);

### 3. Динамические символы:

– сакральное пространство и сакральное время (определенные типы восприятия пространства и времени отличаются в разные эпохи, Священное Пространство и Священное Время – особый тип восприятия религиозного человека);

– богослужебные действия – богослужения, содержанием которых являются благодарственные или просительные молитвы по поводу событий или потребностей общественной или личной жизни и т.д.;


– музыка (напр., в католицизме и протестантизме – формирование особого состояния верующих с помощью звуков – мелодии, гармонии, композиции, ритма);

### 4. Вербальные и знаковые:

– пение (в православии – реализация выразительных возможностей человеческого голоса, вокальной интонации, мелодизированной речи с целью создания особого настроения у верующих);

– проповедь – речь религиозно-воспитательного содержания, которая произносится священнослужителями в храме во время богослужения;

– священные тексты – религиозные книги, которые наделяются верующими ореолом святости, поскольку они, в их представлении, написаны и завещаны людям по велению самого Бога (например, в христианстве – Библия);



– знаковые – например, треугольник – символ всевидящего ока Бога, нимб – символ святости и т.д.

#### 5. Предметные:


– предметы культа – предметы церковного обихода, обслуживающие церковные нужды: крест, свечи, дискос, одеяния священнослужителей и т.д.

Выделяя символы сознания в отдельную группу **догматических** символов, мы отличаем их от вторичных опосредованных средств их выражения, которые получили название **художественных** символов. С помощью символа архетипы бессознательного прорываются через творчество личности в сознательный мир культуры.

«Символ содержит в себе в свернутом виде и раскрывает сознанию нечто, само по себе недоступное иным формам и способам коммуникации с Универсумом, бытия в нем. Поэтому его никак нельзя свести к понятиям рассудка или к любым иным (отличным от него самого) способам формализации. Смысл в символе неотделим от формы, он существует только в ней, сквозь нее просвечивает, из нее разворачивается, ибо только в ней, в ее структуре содержится нечто, органически присущее (принадлежащее сущности) символизируемому» [2, с.89].

Сакральный опыт в своем стремлении выражения может использовать любые проявления имманентного – любой предмет или слово, знак при определенных обстоятельствах может стать символом. В таких символах отражается экзистенциальный смысл человеческого мира. Сакральный символ предстает как **синергиум** – гармоническое сочетание элементов трансцендентного и имманентного, получивших воплощение в различных символических культурных формах, точка отсчета в системе мировоззренческих координат, ориентированных на сакральное.

Символы возникают не произвольно, а являются продуктом постижения и выражения сакрального в человеческом опыте. В свою очередь мистический опыт не удовлетворяется ролью посредника, а стремится к непосредственному приобщению к Абсолюту. Ни один символ не может претендовать на роль Абсолюта. Мистический опыт является частью религиозного опыта, он отражает постижение внутреннего мира, связанного с энергийным началом (например, внутренний опыт составляет основу исихазма – мистико-аскетического учения православия). Деградация символа в «профанном» сознании происходит вследствие лишения его энергетики из-за чрезмерного аллегорического упрощения, ограничения его нижним планом в структуре Вселенной, «отождествления» посредством аналогии, придания символу двусмысленности, однако глубинное значение символа не может быть двусмысленным, поскольку «в



бесконечном пределе видимое разнообразие значений сливается в Едином» (В. Шелюто). Десакрализация символа происходит, когда творческая сила символа, состоящая в его способности возвращаться к своему происхождению, сдерживается, и принуждает нести чрезмерно конкретные, земные смыслы [4].

В символикации мы имеем сложное диалектическое взаимодействие рационального и иррационального, материального и идеального, через которое осуществляется связь с трансцендентным. Через символы раскрывается духовное в человеке. Религия и искусство – это символическое выражение творческого духа, или формы его объективации.

Сакральный символ (синергиум) в пространстве культуры выполняет ряд **функций**, среди которых:

1. Мировоззренческая – символ выступает как инструмент отражения в «вещественном» видимом образе явлений «невидимого» мира, осмысления реальности в ее глубинных закономерностях, не только отражение, но и определенное преобразование смысловой сущности, формирование мировоззрения личности.

2. Гуманистическая – символ предстает как определенная ступень формирования морального облика личности, а также ее ценностных критериев и ориентиров.

3. Представительская – символ является формой замещения трансцендентного в имманентном.

4. Коммуникативная – выработка определенных императивов поведения, способов и приемов коммуникации в межличностном общении.


5. Информационная – символ предстает как определенная программа хранения и передачи коллективной сакральной памяти в культуре, исторического опыта человечества.

**Выводы.** Сакральный (религиозный) символ – высшая форма опредмечивания духовной культуры в ее сакральном измерении, передающая отношения трансцендентное-имманентное в культуре, требующая интерпретации, отражающей высшие смыслы, репрезентирующая религиозное содержание, а также выступающая одним из механизмов актуализации религиозного сознания.

### Л и т е р а т у р а

1. Академічне релігієзнавство. Підручник / За ред. проф. А. Колодного. – К. : Світ знань, 2000. – 862 с.

2. Бычков В.В. Символизация в искусстве как эстетический принцип / В.В. Бычков // Вопросы философии. – №3. – 2012. – С.81–90.



3. Головей В.Ю. Сакральне в мистецтві: проблеми образотворчої репрезентації. Монографія / В. Головей. – Луцьк: Волинський національний університет ім. Лесі Українки, 2012. – 420 с.

4. Ильченко В.И., Шелюто В.М. Феномен сакрального в историко–культурном пространстве / В.И. Ильченко. – Киев: АО «ИТН», 2002. – 325 с.

5. Мамардашвили М. Символ и сознание / М. Мамардашвили, А. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 320 с.

6. Философия: Энциклопедический словарь / под редакцией А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

7. Шелюто В.М. Символіко–естетичне існування феномена сакрального / В.М. Шелюто // Філософські дослідження. – Вип.14. – Луганськ: СНУ ім.Даля, 2011. – С.185–197.

8. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

9. Eliade M. Images and Symbols / M.Eliade. – London : Sphere Books, 1991. – 282 p.

#### References

1. Akademichne religieznavstvo. Pidruchnik / Za red. prof. A. Kolodnogo. – К. : Svit znan, 2000. – 862 s.

2. Byichkov V.V. Simvolizatsiya v iskusstve kak esteticheskiy printsip / V.V.Byichkov // Voprosy filosofii. – №3. – 2012. – S.81–90.

3. Golovey V.Yu. Sakralne v mistetstvi: problemi obrazotvorchoyi reprezentatsiyi. Monografiya / V. Golovey. – Lutsk: Volinskiy natsionalniy universitet im. Lesi Ukrayinki, 2012. – 420 s.

4. Ilchenko V.I., Shelyuto V.M. Fenomen sakralnogo v istoriko–kulturnom prostranstve / V.I. Ilchenko. – Kiev: АО «ИТН», 2002. – 325 с.

5. Mamardashvili M. Simvol i soznanie / M. Mamardashvili, A. Pyatigorskiy. – М.: Yazyki russkoy kulturyi, 1997. – 320 s.


6. Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar / pod redaktsiyey A.A. Ivina. – М.: Gardariki, 2004. – 1072 с.

7. Shelyuto V.M. Simvoliko–estetichne Isnuvannya fenomena sakralnogo / V.M. Shelyuto // Filososfski doslidzhennya. – Vip.14. – Lugansk: SNU im.Dalya, 2011. – S.185–197.

8. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki / pod red. I.T. Kasavina. – М.: «Канон », РООИ «Reabilitatsiya», 2009. – 1248 с.

9. Eliade M. Images and Symbols / M.Eliade. – London : Sphere Books, 1991. – 282 p.





**Zvonok N.S. RELIGIOUS SYMBOL AS A SPIRITUAL PHENOMENON**

*The article deals with the peculiarities of the sacral (religious) symbol as a spiritual phenomenon. Religious worldview is one of the forms of spiritual mastery of the world, and religious experience is the source of existing religions in the world. A special role in the transfer of experience is played by a religious symbol, as the “code” of the sacred. The author analyzes the features of religious symbolization, gives a definition of the sacral (religious) symbol, as well as its functions, suggests a typology of Christian symbols, as well as the concept of synergy reflecting the meaning of religious symbolization.*

**Key words:** *sacral (religious) symbol, synergy, symbolization, spirituality, symbol functions.*

**Звонок Наталья Степановна** – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского государственного университета имени Владимира Даля.

**Zvonok Natalya Stepanovna** – PhD in Philosophical Sciences, docent of the department of world philosophy and theology, Lugansk Volodymyr Dahl National University, Lugansk.

**E-mail:** zvonok1962@mail.ru

**Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

*Ильченко В.И., Кононенко Р.А.*

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ  
ВОЗРОЖДЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ  
ДОНБАССА КАК ЧАСТИ РУССКОГО МИРА  
(из наследия Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского,  
П.И. Новгородцева)**

*Стяжайте Дух Святый и  
тысячи вокруг вас спасутся.*

**Серафим Саровский**


*Вспомним еще раз, что мы  
христиане, и, следовательно,  
главной основой нашего воспитания  
служит и должно служить  
Откровение.*

**Н.И.Пирогов**

*Кто не имеет религии и не  
чувствует ее потребности, тот не  
должен воспитывать детей,  
религии не учить. Евангелие  
действует на десятилетнее дитя,  
это я сам испытал на себе и на  
детях. Мы поставлены очень  
счастливы, ибо наша религия  
соответствует самым высоким  
требованиям воспитания. А живой  
идеал совершенства – Иисус  
Христос.*

**К.Д.Ушинский**

*Только пробуждение  
религиозного сознания и  
национально-государственного  
чувства может возродить Россию,  
ибо осуществление общественного  
идеала без Бога невозможно. Не*



*превращение государственного строительства в чисто внешнее устройство человеческой жизни, а возвышение его до степени Божьего дела.*

**П.И.Новгородцев**


*В статье рассматривается система идеалов, ценностей и стратегических целей, разработанных в творческом наследии вышепредставленных мыслителей XIX – XX веков как духовно-методологическая основа возрождения и развития современной системы образования Донбасса в религиозной, образовательной и государственной сферах.*

**Ключевые слова:** образование, воспитание, ценности, личностный идеал.

**Введение.** После развала Советского Союза в 1991 году еще на протяжении почти четверти века на территориях постсоветских республик продолжала инерционно функционировать агонизирующая система образования, построенная на прежних идеологических ценностях коммунистической доктрины, сфокусированной в содержании «Морального кодекса строителя коммунизма». А личностным идеалом еще оставался, в коей мере, стоящий в металле и бетоне на просторах огромной страны – Ульянов (Ленин). Но одновременно стал нарастать образовательный потенциал в самих республиках, формирующийся по национальному принципу. На первых этапах личностный идеал устойчиво проявлялся сначала в культурологическом обличье Т. Шевченко, а затем, с начала 2000-х годов, были подняты во весь рост националистические персоны Бандеры и Шухевича, которым Президент Украины В. Ющенко присвоил звание героев Украины, (именно их образы станут личностными идеалами для украинской образовательной системы). С 2014 года, а на самом деле, еще ранее США вложили как минимум 5 млрд. долларов на организацию майдана в Киеве, который олицетворился в так называемый диктат «революції гідності».

Донбасс не принял этого диктата и отделил себя красной чертой от «правосекторной» Украины, приняв на себя кровавое и смертоносное АТО. С одной стороны, начался лавинообразный процесс «ленинопада», а с другой – возрастали народные лавины «Бессмертного полка», когда на груди у каждого демонстранта пламенела Георгиевская ленточка, которая является одним из наиболее узнаваемых символов боевой славы Русского мира. Эта лента стала также одним из главных атрибутов Дня Победы в Великой Отечественной войне – одного из наиболее уважаемых праздников не только в нашей стране, но и во всём мире.

Перед народом, населяющим Юго-Восток Украины, 11 ноября 2018




года уверенно избравшим руководство республик, нацеленное на мирное, благополучное и светлое будущее, продолжает со всей остротой стоять вопрос о развитии системы образования, нуждающейся в духовно-нравственном основании, и развития её как эффективного, оптимального и истинного средства по воспитанию и обучению молодых поколений Донбасса. Тем более что предложенные лозунги: «Наш выбор – сильный Донбасс», «Выбери своих!», «За Донбасс с русским сердцем!», «За международное признание Донбасса», «Интеграция с Россией – главная цель Донбасса», «Учителям и пенсионерам Донбасса – достойную жизнь и зарплату», «Мы строим новую республику» и др. получили всеобщую поддержку. Таким образом, приемлемы ли для нас, все те безумно-инфернальные и раскольничьи конструкции, судорожно нагромождаемые украинскими политиками-временщиками, в сферах политики, образования, языка, веры? Но хватит ли у нас силы воли, мудрости и сердечного интеллекта пойти верным путём, возвышаясь уверенной поступью по святому и вечному пути, указанному нашим Спасителем Иисусом Христом? Ибо Господь сказал нам животворящие слова: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Ибо без Меня не сможете творить ничего». (Иоан.14:6;). Только такая духовно-нравственная методология Ветхоннововетных истин, положенная в концептуальную основу преобразования современного образования, поможет получить эффективный результат. Этими истинами, идеями, ценностями и идеалами пронизано всё творческое наследие избранных нами мыслителей. Хотя их наследие создавалось в XIX и первой четверти XX веков, оно не устарело, оно ещё более утвердилось, ибо Истина Божественна, – потому что вечна, безусловна, императивна и незаблема.

**Целью** нашего исследования является изучение публикаций государственных документов законодательной базы ЛНР, анализ научных публикаций, и высказывания политических деятелей. Можно отметить следующее.

**Основная часть.** Во временном Основном Законе (Конституции) ЛНР в статье № 3 заявлена важнейшая мысль о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Статья № 9 утверждает, что в ЛНР признается идеологическое многообразие, религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом и что никакая религия и идеология не могут устанавливаться в качестве государственных или обязательных.

Если человек удостоверяется как высшая ценность не только в пространстве социума, но, видимо, и во всей Вселенной, то этим утверждением, во-первых, низвергается статус Бога и, во-вторых,




акцентируется доминанта антропоцентризма, что зачастую приводит к гуманистическому эгоцентризму со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями, когда другой человек, особенно в сфере капиталистических отношений может быть поставлен только в виде средства. Это противоречит категорическому императиву Э. Канта.

Далее, все Церкви, религиозные структуры и организации в ЛНР, должны нести равную ответственность перед законом. Но не все они внесли одинакововажный вклад в духовное формирование и становление человека и народа нашей страны. Исторически, начиная со времен крещения Киевской Руси, ведущая, главная и неоспоримая роль в этом вопросе принадлежит Православию. Об этом сказано в преамбуле Закона ЛНР «О свободе совести и религиозных объединениях» № 252-П от 20.08. 2018

В статье №1 Конституции заявлено, что ЛНР является демократическим, правовым и социальным государством. Это неоспоримое утверждение необходимо дополнить мыслью знатока и разработчика идей демократии Ж.-Ж. Руссо, который утверждал, что если брать понятие «демократии» во всей строгости его значения, то истинной демократии никогда не было и не будет... Ибо демократия, собственно говоря, приходится *богам*, а не людям. Потому, если не реализовывать Библейскую истину о воспитании нравственного человека в святости и в подобии Божиим, то демократия будет, по словам П.И. Новгородцева, вырождаться в свои противоположности, в виде олигархии, плутократии, охлократии и др.

В «Законе об образовании» ЛНР от 30.09.2016 г. в 87 статье прописана технология особенностей изучения основ духовно-нравственной культуры ЛНР. Но в 34 пунктах «Основных понятий, используемых в настоящем Законе» нет отдельного полноценно-концептуального пункта о духовно-нравственном воспитании, коль оно заявлено как важнейшее и актуальное. Воспитание, а значит и весь образовательный комплекс, не может целенаправленно и эффективно функционировать без заявленного личностного идеала. А о наличии такого идеала не заявлено. Закон не даёт четких представлений ни о феномене человека, ни конструктивных и обобщенных представлений о современной педагогической антропологии.

В Постановлении Совмина ЛНР «Об утверждении программы духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов ЛНР на 2016-2020 годы» № 532 от 04.10.2016 г. совершенно справедливо заявлено о необходимости создания единой системы духовно-нравственного воспитания молодежи ЛНР. Основой для такого воспитания являются традиционная для нашего Отечества духовность. Но наше Отечество – это



Русский мир, сердцевиной которого в духовном плане является Православие. А это понятие, в сочетании с другими (Бог, Святая Троица, Иисус Христос) не употребляется в Постановлении как Абсолютная ценность среди перечисленных в документе культурологических и социальных понятий.

При многих вузах построены храмы и часовни. Пока они, зачастую, ещё являются просто декоративным украшением университетского ландшафтного пространства. А их нужно сделать духовными центрами по массовому воцерковлению как преподавателей, так и студентов вузов.


В ЛНР определен перечень государственных праздников, среди которых и три праздника православных: Рождество Христово, Пасха Господня и Святая Троица. Они дают возможность укреплять мистическое основание духовно-нравственного воспитания и научно-религиозного образования.

Одним из ярких смыслов, утверждающих выдвигаемый подход, является строчка припева в Гимне ЛНР: «С нами Бог!». Есть, конечно, надежда, что с нами Бог. Но чтобы Бог был с нами, мы должны быть с Богом в молитвенном, исповедальческом, Литургическом и Евхаристическом общении, которым должны быть объаты все сферы нашей жизни, в том числе семейная, образовательная, социальная и духовная. Именно в этом определяется траектория спасительного пути, ведущего из мира дольного в мир Горний и Царство Небесное. Именно на такой путь должна поставить новая образовательная система Донбасса своих воспитанников.

**Цель исследования.** Найти в историческом контексте произведений тех мыслителей, содержание и идеи которых помогут реализовать выдвинутую на современном этапе развития концепцию образования Донбасса как части Русского мира.

**Основная часть.** В плане предложенного исследования заслуживает особого внимания наследие нашего земляка П.И. Новгородцева – правоведа, философа, богослова, политика, культуролога, этика и педагога [2; 3]. Исследуя его творчество, попытаемся использовать добытый мыслителем в самом начале XX века опыт для Донбасса, строящего свою государственность сегодня, в первых десятилетиях третьего тысячелетия по Рождеству Христову. Какую конструктивную роль в решении нашей сегодняшней, критической ситуации могут сыграть креативные мысли мыслителей-педагогов XIX столетия, предшественников П.И. Новгородцева, в лице Н.И. Пирогова и К.Д. Ушинского?

Облегчить осмысление и возможное принятие системы идеалов, предложенных П.И.Новгородцевым, поможет знание всевозможных



неисполнимых и гибельных утопий-обманок, на которые он указывал. Вот только некоторые из них:

утопия построения земного рая, в том числе и через совершенствование социально-демократических форм отношений [2,341-347, 365, 375; 2, 22, 33,515];

утопия доминанты рационализма, объявившего индивидуальный человеческий разум всесильным и самодовлеющим, пытающегося все объяснить и все построить из себя [2,352-354, 369];

утопия о совершенстве народа, его зрелости и готовности правильно свершать демократические преобразования, осуществить идеал всеобщего земного счастья (эвдемонизм, гедонизм) [2, 356, 396, 431];

утопия принципа упрощения социальной жизни, движения к гармонической простоте, сведение культуры к цивилизации, а духовной вертикали – к потребительской горизонтали [2,344, 364];

утопия о созидательной силе разрушения (до основания разрушим, а потом...) [2,356];


утопия устроения полноценной жизни без Бога, без религии, без трансцендентного, иррационального, сверхъестественного и потустороннего, вне идей и практики сотериологии и эсхатологии [2,365-366, 373, 375];

утопия, что Запад является единственным и безусловным образцом всякого развития (общества, культуры, человека и т.д.) [2,372,376].

Зная из жизни, к каким кровавым катаклизмам привело следование таким утопиям, рассмотрим выписанные П.И. Новгородцевым те идеалы, к которым должны были устремиться восточно-славянские народы в начале XX века. Т.е. идеалы, которые не потеряли свою ценность и в XXI веке, ибо они – вечны.

**Личностный идеал.** Выстраивая иерархию идеалов, мыслитель отдал приоритет человеку, поставив его самоценность выше всего иного. Ведь сама личность, ее духовно-душевная жизнь шире и глубже политики и общественности, и потому спасение и удовлетворение человек должен искать не только в обществе, но прежде всего в себе, в духовных глубинах своего «Я». Таким образом, «исходным пунктом и конечной опорой является человек и его нравственное призвание. Не обетованная земля, а непреклонная личность – такова наша последняя опора. Личность, непреклонная в своем нравственном стремлении, неизменно сохраняющая свой идеал при всех поворотах истории, – вот что берется за основу и для общественного созидания» [2,346; 3, 44].

По мнению П.И.Новгородцева, чтобы состоялась личность, непреклонная в своем нравственном устремлении, над человеком



обязательно должна быть некая высшая сила, перед которой он мог бы преклониться. Имя ей – Бог, который для православного христианина выступает как Святая Троица в лике Богочеловека – Иисуса Христа.

**Общественный идеал.** Высший идеал общественных отношений, как отмечает П.И.Новгородцев, есть внутренне свободное единство всех людей, единство, достигаемое не принуждением и внешним авторитетом, а только законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека. Осуществление общественного идеала в личном исполнении (обожение, теозис) без Бога невозможно [2, 373]. Таким образом, исходным началом при построении общественного идеала должна быть признана свобода бесконечного развития, а не гармония законченного совершенства [3, 52, 54]. Значит, общественный прогресс связан с развитием личности и вытекает из ее индивидуальных задач [3, 139].


**Идеал государственности.** П.И.Новгородцев в своей работе «Демократия на распутье» [2,388-406] утверждает мысль, что развитие государственных форм с неповторимой закономерностью приводит к демократии. Это тот естественный и неизбежный факт, который непременно наступит все равно, «боятся ли его или желают его» [2, 388].

Демократия предстает как одна из форм правового государства, в котором верховная власть принадлежит народу. В данном пространстве действует принцип: «Разрешено все, что не запрещено законом». Исходя из этого, демократию можно назвать системой политического релятивизма. В такой связи система не знает никаких абсолютных верований и воззрений. Закон превыше всего. *Dura lex sed lex* – «Закон суров, но это – закон».

Демократия – материя очень тонкая. Любые, даже самые незначительные перегибы способствуют вырождению демократии в свою противоположность: в несвободу, деспотизм, анархизм, беззаконие, доминанту толпы, всеисилие денег и др. В этом случае она незамедлительно превращается в «фурию разрушения». Нейтрализовать потенцию разрушения можно при условии, что эти силы и их человеческие носители добровольно подчинят себя высшему, обязывающему их личностному нравственному началу – Богу. Поэтому П.И.Новгородцев настаивает на тезисе, что демократия невозможна без высокого нравственного уровня народа и неосуществима без развития у него «глубокого религиозного чувства» [2, 397].

В этой парадигме проявляется новая, непосредственная взаимосвязь государства, права, нравственности и подчинение их более высокому религиозному Закону Божьему, закону любви [2, 374]. Таким образом, «судьба права и государства зависит в первую очередь от того, в какое отношение человек ставит себя к Богу» [2,377]. Подтверждая эту мысль,






П.И.Новгородцев цитирует Руссо: «Если брать понятие демократии во всей строгости его значения, то истинной демократии никогда не было и не будет. Демократия, собственно говоря, приходится богам, а не людям» [2, 395]. Отсюда следует неукоснительный вывод: если народ взялся строить демократическое общество, он должен неустанно свершать духовный подвиг обожения в своей всеобщей массе. Такой подвиг нужно творить постоянно, так как демократия «бессильна» в нравственной области [2,402].

**Религиозный идеал демократии.** Лично П.И.Новгородцев принял религиозную веру в живой и конкретной форме православия. Свое богословское знание он успешно использовал для разработки и решения проблем демократического обустройства России.

Высшей основой и святыней жизни, считал Павел Иванович, является *религия*. Не конституции, а религии образуют высший продукт духовного творчества и высшую цель жизни. Не государство, а церковь воплощает с величайшей глубиной и полнотой истинную цель истории и культуры [2,352, 376]. Исходя из этого, мыслитель делает вывод о том, что для воплощения демократии необходимо глубокое религиозное чувство народа. Поэтому будущее демократии, как и всяких других форм государственности, провозглашающих свободы, зависит от будущности религии [2,397, 405]. Когда христианство стало официальной религией, в неё влилось множество народа, и начались разномыслия. Но апостол Павел сказал: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1Кор. 11:19) Так из борьбы с ересями возникло богословие.

П.И.Новгородцев отмечает, что только православие осталось «в некотором удивительном согласии с духом первоначального христианства». Православная Церковь имеет значение вселенской, потому что «она носит в себе свойства всемирной и всепокоряющей истины» [2,408, 412]. Главный же принцип православия – это принцип соборности и «*взаимной любви всех во Христе*». Это не просто любовь, а дар Божией милости. Такая любовь просвещенная и перерожденная соприсутствием Божией благодати. В этом и проявляется специфика Православия, как религиозно-мистическое понимание христианства. Именно соборность и взаимная любовь во Христе являются принципами той религии, которая спасет демократию.

Проанализировав наследие П.И. Новгородцева, можно с определенной уверенностью утверждать, что *без Православия невозможно осуществить истинную демократию, как форму государственности, оптимальную для восточнославянских народов (украинского, русского, белорусского).*




**Личностный идеал народа.** П.И.Новгородцев отмечает, что в народной душе, как и во всякой душе, есть лучшая и худшая части. Поэтому от народа может исходить и высокий подъем мудрости и героизма и «бунт бессмысленный и беспощадный». Народ должен выступать не предметом поклонения, а *средой обнаружения и существования народного духа*. И потому не народу нужно поклоняться, а *духовным идеалам и святыням* его. И когда народ об истинном своем идеале забывает, то «сразу оказывается зверем, сидящим во тьме сени смертной. Но в лучшие Христовы минуты он никогда в правде не ошибается. Потому *идеал народа – Христос* (выд. авт.)» [2, 432].

**Идеал образования.** Образование [от слова образ, по немецки Bildung] – это не только процесс и результат приобретения знаний, умений и навыков, опыта деятельности в той или иной специальности или профессии, но и реализация предзаданности сверхзадачи и сверхсмысла, заданных Богом человеку при его творении, образовав, воспитав себя из Образа в Подобие Божие по благодати. На эту неутомимую и гигантскую сверхзадачу Господь и дарует человеку жизнь. Это всем нам призыв, и повеление от Бога. И что интересно, люди, которые оставляют свою веру, становятся нежизнеспособны. Ещё Достоевский говорил: «Русский человек без веры – дрянь». Степень отдаленности всех реальных демократий от демократического идеала ставит на повестку дня основополагающую педагогическую проблему: «демократия невозможна без воспитания народа, без поднятия его нравственного уровня» [2,397]. В народе должен образоваться крепкий духовный стержень жизни, на котором все будет держаться, как на органической своей основе. Через систему образования должны воспитываться люди «нового сердца и нового сознания», а не только тонкого и всепроникающего ума [2,443].

И здесь уже одного научного образования будет совершенно недостаточно. П.И.Новгородцев обращается к Ф.М. Достоевскому: «Еще не один народ в устроении своей жизни не опирался только на ум и науку». Ум и наука всегда, от начала и до сего дня, играли в жизни народов лишь второстепенную и служебную роль, и не будут играть никакой судьбоносной роли до конца света [2,374-375].

Главное для системы образования – помочь человеку в свободном выборе сформировать личностный идеал, чтобы по нему созидать себя в процессе всей своей жизнедеятельности. Для славянского народа личностный идеал – Богочеловек Иисус Христос. Этот идеал поможет созидать религиозный склад сознания народа через благодатное просвещение душ во взаимной любви всех во Христе. Потому люди благодаря системе образования могут через подвиг веры устремляться к




подобию Божию [2, 377, 395, 409-411, 442]. Идеи П.И.Новгородцева проросли из исходных оснований, которые разрабатывал целых три десятилетия Н.И.Пирогов в статье «Вопросы жизни». Он поставил заглавную задачу системе образования любого уровня: готовить к жизни не специалиста-профессионала, а человека!

Это высокая цель-мечта, которая для всех должна остаться высокой и утешительной: «Жить на земле и готовить себе чрез земное бытие путь к бессмертию, к сохранению сознания о себе и за гробом; – кто, посмотрев с этой точки зрения на жизнь, не поймет, что при таком взгляде наши мысли, намерения, речи и поступки получают другое направление?! Вот наш эдем, вот вечное блаженство Откровения. Утратить духовное сознание и слиться с грубыми стихиями земли – вот вечный ад» [4, 545]. Основой же такого воспитания, по Н.И.Пирогову, должно служить Откровение! Ибо мы, в целостной массе своего народа, – христиане. Так оно было, так оно и есть [5]. И второе: «Дайте выработаться и развиваться внутреннему человеку! Дайте ему время и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное у вас будут люди и граждане». Эти идеи Пирогов позаимствовал из соборных посланий святого апостола Павла: «Если внешний человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 кор. 4:16). И это совершенно верно. Ибо Внешний человек, душевный, совершенно не понимает и не принимает человека внутреннего, духовного, того, кто от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2:14).

Учитель учителей русских, К.Д.Ушинский считает, что сущность воспитания во все времена и во всех странах – *это народность*. Чувство народности настолько сильно, что оно гибнет последним. Основания воспитания и цель его у каждого народа и определяются народным характером. От народности Ушинский далее пришел к *принципу национальных основ в педагогике*. Но в поисках начал, объединяющих и народности, и национальное, он приходит далее к *христианству* как «идеалу воспитания, который стоит над народностью». Это религиозное начало привело Ушинского к *православию* как единственно правильной христианской религии, и, наконец, в статье «О нравственном элементе в русском воспитании» он доходит до принципа *церковности* в воспитании.

Потому великий педагог констатирует, что дело народного воспитания должно быть освящено церковью, а школа должна быть преддверием церкви. Вот только несколько фундаментальных мыслей К.Д.Ушинского конструктивно-методологического значения: «Школа не проповедница религии, но настоящая прогрессивная школа менее всего




противоречит принципам православной религии, имеющей историческое основание и обращающейся, прежде всего к чувству человека. Обзор поле приобретенных знаний и поле потребностей жизни человеческой, мы приходим к заключению, что человеку одними знаниями не прожить, и потому вера нужна ему как дополнение знаний. У детей мы видим ясно способность врожденности веры. Эту способность надо облагородить и развить чувством эстетического и морального, чувством христианства» [6, 361].

«Похвалы и даже лесть приятны, но основание этого – *стремление к совершенству*, из которого вырастают высочайшие добродетели и величайшие пороки. Только христианство может вести человека по этой великой и опасной дороге: оно устремляет нас к совершенству, но тут же смиряет нашу заносчивость, указывая живой идеал совершенства – Христа»[6, 92].

Профессор В.Д. Исаев рассмотрел не просто человека в пространствах цивилизации и культуры, но и результаты его образования в этих структурах. Цивилизация требует от человека полезности, профессиональной подготовки, процессом и результатом же образования в культуре является совесть. Совесть связана со святостью: то, что нам подарено Богом, со-весть, т.е. весть от Бога, которая принимается только чистым сердцем, ибо только блаженные чистые сердцем, они Бога узрят. Святость: это путь Альфа и Омега, путь ко Христу. Совесть сигнализирует нам уход с избранной траектории. Формирование совести и святости – главная задача современной системы образования в пространстве культуры, не уменьшая значимость профессиональной подготовки для бытия в пространстве цивилизации.

Таким образом, человек имеет два отечества – земное и небесное, а значит, полноценная система образования должна его готовить не только к деятельности на земле в мире дольном, конечном, смертном, но и для бытия в мире Божественном, вечном. «Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога» (Кол. 3:1). Поэтому когда Апостол Павел говорит: «Уже не я, но живёт во мне Христос» (Гал.2:20), он говорит о том, что если человек вмещает в себя Христа, то есть начинает мыслить, как Христос, видеть, как Христос и наконец действовать, как Господь заповедал нам, в этом случае человек становится обладателем высшей истины, то есть он может рассмотреть в происходящих событиях истинное предназначение и распознать, что есть абсолютное добро, а что есть зло.

Тенденции современного мира отличаются тем, что постоянно меняются ценностные ориентиры, и ценности истинные подменяют



ценностями ложными, а именно происходят подмены на опасное релятивистское мировоззрение, «что если Христа нет, то всё позволено, а если всё позволено, тогда и Христа нет». Апостол Павел говорит: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Корин. 6:12).


Великий русский писатель Ф.М. Достоевский в минуты долгих и мучительных раздумий высшего духовного восхождения писал: «Верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [13]. Удивительные слова, свидетельство величайшего духовного борения, эпицентр религиозных исканий. Отныне и впредь мир Достоевского немислим вне этого «горнила сомнений» (по его собственному выражению).

Мир меняется, а духовные, христианские, высшие, божественные ценности остаются неизменными – **Const**. Духовным стержнем этой неизменности как раз и является Православие (Ортодоксия). Именно на таких неизменных основаниях и должна быть построена современная система образования Донбасса.

**Выводы.** В статье представлена в обобщенном плане теоретическая концепция духовно-нравственных основ, возрождения системы образования Донбасса в пространстве Русского мира на основе созидательной Библейской методологии.

Но есть методологии разрушительные, inferнальные, и они работают на полную мощь еще со времён грехопадения. В Новозаветных апостольских посланиях четко заявлено о том, **что весь мир лежит во зле** (1 Иоан. 5:19. По мнению методологов и разработчиков цветных революций, необходимо в стране-жертве, снизить уровень общего образования, извратив при этом истинное духовно-нравственное воспитание. Важно запустить процесс разращения молодежи, и она сама, эта молодежь, через несколько лет в безумии разрушит свою страну своими же руками. Системный разврат планируется реализовать через воздействие на трёхуровневую архитектуру человека, представленную в виде: **тела – души – духа**. И он достаточно успешно реализуется, особенно сегодня в период глобальной либерализации (наркотики, легализация проституции, искажение истории, дезинформация мировых СМИ, inferнальное искусство, тоталитарные секты, «гомасы» как инструмент раскола канонического православия).


Понимая вызовы опасности, важно принимать системные меры



безопасности. А каковы те контрмеры, необходимые для формирования системы образования в пространстве Русского мира, куда частью входит и Донбасс? Контрмеры должны быть задействованы системно, но при доминанте воздействия, в первую очередь, на поврежденную злом и грехом духовность человеческую. А неотвратимой силой положительного и созидательного воздействия на дух человеческий является вся мощь Духа Святого. Будем свидетельствоваться формулой Серафима Саровского, призвавшего всех нас стяжать Дух Святой, и только тогда, тысячи вокруг вас спасутся. Что же нужно делать в ситуации предельной опасности сегодняшнего дня?

1. Вначале нужно де-юре вернуть идею синергии в церковногосударственных отношениях. Для ЛНР эта мысль прописана в Законе **«О свободе совести и о религиозных объединениях»**: «Луганская Народная Республика является государством, которое признает особую роль православия в своей истории, в становлении и развитии духовности и культуры в государстве». В гимне ЛНР, как в высшем государственном символе, однозначно утверждается: «С нами Бог!». А для Русского мира эта идея проявлена сначала в знаково-символической форме герба Российской Федерации в виде Двуглавого Орла. Это симфония отношений государства и церкви (естественного и мистического, цивилизационного и культурологического), а не только упрощенная идея Европейско-Азиатского географического единства России как транснациональной Державы. Три короны говорят о суверенном статусе России, ее многонародном единстве, а также и об **Образе Пресвятой Троицы**. Лик Георгия Победоносца, поражающего дракона-дьявола, олицетворяет победу сил добра над злом. Воин персонифицирует защитника Отечества в духовно-нравственном и военно-патриотическом облики. Системносинергетическое значение Герба России символизирует единство временного (мира земного) и Вечного (мира Божественного). В Гимне РФ запечатлены две строки, имеющие важнейшее значение для решения поставленной нами проблемы: «Россия – священная наша держава» и «Хранимая Богом родная земля!». В этом же ряду есть еще важный артефакт, который завершает наш определяющий базис – это государственные праздники и выходные дни. Во всём Русском мире отмечается воскресным днём Великий двенадесятый праздник **Рождество Христово** (7 января). В Республиках ЛДНР отмечаются еще два переходящих праздника: Праздник праздников – **Пасха Христова**, и **День Святой Троицы** (Духов день).

2. Высший государственный символ России (Герб), представленный в виде комплекса мистических смыслов, сакральные смыслы строк из




Гимна, а также смысловое содержание вышеуказанных праздников, должны быть перекодированы в понятные, однозначно-логические вербальные тексты, идейное содержание которых должно быть изложено в виде целей и задач, адресованных системе образования. Система образования на уровне обучения и воспитания молодых поколений как Донбасса, так и всего Русского мира, в реальных условиях педагогической практики обязана реализовывать наставления и целеполагания, заложенные и прописанные в главнейших Государственных документах.

3. Система образования, функционирующая в пространстве культуры, а тем более в пространстве Теоса культуры, высшим результатом своей деятельности должна считать формирование феномена «совести» у молодых поколений, а не только «полезность», как это принято в пространстве цивилизации [13]. Учитель учителей русских К.Д.Ушинский еще из XIX века указал нам, в век XXI, что духовно-нравственное воспитание невозможно без личностного идеала. И таким совершенным идеалом для нашей культуры, веры и образования является **Богочеловек Иисус Христос**. Эту идею великий наш Учитель вынес из Евангельских истин, в которых звучит призыв, как обязательность цели для системы образования: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матф.5:48).

4. Система образования, в свете созидательной Библейской методологии, приобретает сегодня новое (забытое при коммунистической идеологии) понимание высшего смысла своего функционирования. Получив в свои структуры воспитанника, начиная с детского сада и до уровня магистра и аспиранта, должна выполнять предзаданность Бога в отношении человека: создавать оптимальные педагогические условия по созиданию, самовоспитанию и образованию (Bildung) человека, отвечая за возвышение его от **ОБРАЗА** к **ПОДОБИЮ БОЖИЮ**.

5. Понятия «добро» и «зло» в культуре и цивилизации могут наполняться различным многовекторным содержанием. Смысловые содержания этих понятий чаще всего бывают относительными, релятивными, а значит – обманчивыми. Нам же нужно выйти на единственно правильное, истинное, абсолютно правильное содержание понятия «добро». Если вернуться к иконному лику Георгия Победоносца, то поражая дракона-дьявола, он олицетворяет духовную победу Божественных сил добра над inferнально-сатанинским злом, которое привнес в наш земной мир вообще и в Русский мир в частности, отпавший от Бога Люцифер. Таким образом, добро – это те материальные результаты или плоды общения между людьми и народами, когда человек уверенно восходит в своей жизни ко Христу. Всё и все, кто и что препятствуют



направлению этого движения, искажают вектор его направления – это зло и грех (грех – промах). Значит истинная и абсолютная система образования должна организовать такое движение молодых поколений ко Христу. И строить такую систему нужно на незыблемом и вечном «камне», который именуется Христос (Мф. 7:24).

Зная это, мы должны работать на прогностическое упреждение, понимая, что любая теоретическая конструкция должна со временем доводиться до своего оптимального устройства, став моделью для практической апробации.


Практика обязательно потребует наличия целой армии подготовленных педагогов, способных реализовать предложенный проект. Для решения данной проблемы, уже сегодня в Национальном университете им. В. Даля в «Институте философии и социально-политических наук» на кафедре «Мировая философия и теология» интенсивно, в течение ряда лет проводится работа по подготовке таких уникальных преподавательских кадров, способных обеспечивать в образовательной сфере духовно-нравственную безопасность ЛНР.

Большинство выпускников кафедры составляют священники Луганской Епархии, многие из которых трудятся учителями и преподавателями в светской системе образования ЛНР. Сотрудники кафедры, института и Университета наработали уже достаточный интеллектуальный продукт в виде монографий, книг, учебников, Словарей, методических пособий для эффективного осуществления этой деятельности. На протяжении пятнадцати лет на кафедре проходит апробация теоретической концепции «Сакральная педагогика святости», являющейся базисным основанием для реализации предлагаемой системы образования. Именно эта педагогика должна создать оптимальные воспитательно-образовательные условия для введения человека в пространство Царствия Божия, которое внутри всех нас есть (Лук. 17:21).

Таким образом, можно констатировать, что философско-богословский и научно-педагогический потенциал Луганщины обладает всеми исходно-необходимыми возможностями и условиями для возрождения системы образования Донбасса, построенной на духовном основании. Поэтому Донбасс может и должен стать для всего Русского мира источником генерации нового опыта и в образовательной сфере.

Такое образование иницируется Иисусом Христом: «Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев [то], Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мар.10:13,14). Так будем же верны этим и другим наставлениям






Иисуса Христа, ибо они составляют незыблемую основу нашей веры, нашей культуры, нашей истории, нашего образования, нашего народа и каждого человека, а значит – и нашего будущего, как конечного земного, так и вечного, радостного и Небесного (Матф.5:12). А Вечное обязательно детерминировано духовно-молитвенной жаждой человека по стоянию одесную Иисуса Христа. И этот высший смысл бытия и инобытия должен быть принят системой образования к практическому осуществлению.

### Л и т е р а т у р а

1. Временный основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики принят на первом пленарном заседании Верховного Совета ЛНР первого созыва 18 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mdsmst.ru/docs/zakoni-ukazi-glavi-postanovlenia-soveta-ministrov-lnr/>
2. Новгородцев П.И. Сочинения / П.И. Новгородцев. – М.:Раритет, 1995. – 448 с.
3. Новгородцев П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М.:Пресса, 1991. – 639 с.
4. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения /Н.И. Пирогов.– Москва, Изд-во АПН РСФСР, 1953. – 448 с.
5. Верующие на Украине (статистика). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://subscribe.ru/archive/religion.kopilochka/200904/27132401.html/>.
6. Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 11 т. / К.Д. Ушинский. – М.-Л., Изд-во АПН РСФСР, 1952. – Т. 10. – 1953. – 560 с.
7. Исаев В.Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры. – Луганск: Світлиця, 2003. – 188 с.
8. Ильченко В.И., Шелюто В.М. Язык. Луганщина. Донбасс. // Луганская правда № 97 (21859), 22 августа. – 2000. – С. 1, 3.
9. Ильченко В.И. Сакральная педагогика в духовном пространстве культуры восточных славян. – Релігія. Особистість. Громадянське суспільство. Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. В.Даля. – Луганськ, 2003. – С.24-30.
10. Ильченко В.И. Сакральная педагогика: воспитание совершенного человека. – В сб. Філософські дослідження. Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. В.Даля, 2007. – С.56-69.
11. Ильченко В.И. Феномен внутреннего человека в архитектонике Христоцентризма / В.И. Ильченко Філософські проблеми людини //



Матеріали науково-практичної конференції. – Луганськ: вид-во СНУ ім. В.Далія, 2011. – С. 208-212.

12. Ильченко В.И. Сакральная педагогика святости. - В монографии: Ильченко В.И., Шелюто В.М. Духовная культура в пространстве сакрального // СПб: Изд-во «Ъ», Луганск ООО «Пресс-экспресс», 2016. – С.432 – 604.

13. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 тт. Т. 15 (39-е. письмо Н.Д.ФОНВИЗИНОЙ, конец января 1854 г. Омск) Режим доступа: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/383.htm>

### References

1. Vremennyiy osnovnoy Zakon (Konstitutsiya) Luganskoй Narodnoy Respubliki prinyat na pervom plenarnom zasedanii Verhovnogo Soveta LNR pervogo sozyiva 18 maya 2014 goda [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://mdsmst.ru/docs/zakoni-ukazi-glavi-postanovlenia-soveta-ministrov-lnr/>

2. Novgorodtsev P.I. Sochineniya / P.I. Novgorodtsev. – М.:Raritet, 1995. – 448 s.

3. Novgorodtsev P.I. Ob obschestvennom ideale / P.I. Novgorodtsev. – М.:Pressa, 1991. – 639 s.

4. Pirogov N.I. Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya /N.I. Pirogov.– Moskva, Izd-vo APN RSFSR, 1953. – 448 s.

5. Veruyushchie na Ukraine (statistika). [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://subscribe.ru/archive/religion.kopilochka/200904/27132401.html/>.

6. Ushinskiy K.D. Sbranie sochineniy: v 11 t. / K.D. Ushinskiy. – М.-L., Izd-vo APN RSFSR, 1952. – Т. 10. – 1953. – 560 s.


7. Isaev V.D. Chelovek v prostranstve tsivilizatsii i kulturyi. – Lugansk: Svitlitsa, 2003. – 188 s.

8. Ilchenko V.I., Shelyuto V.M. Yazyik. Luganshina. Donbass. // Luganskaya pravda # 97 (21859), 22 avgusta. – 2000. – S. 1, 3.

9. Ilchenko V.I. Sakralnaya pedagogika v duhovnom prostranstve kulturyi vostochnyyh slavyan. – RelIgiya. OsobistIst. Gromadyanske suspIltstvo. ZbIrnik naukovih prats ShIldnoukraYinskogo natsIonalnogo unIversitetu Im. V.Dalya. – Lugansk, 2003. – S.24-30.

10. Ilchenko V.I. Sakralnaya pedagogika: vospitanie sovershennogo cheloveka. – V sb. FillosofskI dosIldzhennyya. ZbIrnik naukovih prIts ShIldnoukraYinskogo natsIonalnogo unIversitetu Im. V.Dalya, 2007. – S.56-69.

11. Ilchenko V.I. Fenomen vnutrennego cheloveka v arhitektonike Hristotsentrizma / V.I. Ilchenko FillosofskI problemi lyudini // MaterIali naukovopraktichnoYi konferentsIYi. – Lugansk: vid-vo SNU Im. V.Dalya, 2011. – S. 208-212.



12. Ilchenko V.I. Sakralnaya pedagogika svyatosti. - V monografii: Ilchenko V.I., Shelyuto V.M. Duhovnaya kultura v prostranstve sakralnogo // SPb: Izd-vo «Б», Lugansk OOO «Press-ekspress», 2016. – S.432 – 604.

13. Dostoevskiy F.M. Sobr. soch. v 15 tt. T. 15 (39-e. pismo N.D.FONVIZINOV, konets yanvarya 1854 g. Omsk) Rezhim dostupa: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/383.htm>

**Ilchenko V.I., Kononenko R.A. SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF THE RENAISSANCE EDUCATION SYSTEM IN DONBAS AS PART OF THE RUSSIAN WORLD** (from the heritage of N.And. Pirogov, K. D. Ushinsky, P. I. Novgorodtsev).

*The article deals with the system of ideals, values and strategic goals developed in the creative heritage of the above – presented thinkers of the XIX-XX centuries as a spiritual and methodological basis for the revival and development of the modern education system of Donbass as an Outpost of the Russian World.*

*Key words: education, upbringing, values, personal ideal.*

**Ильченко Валерий Иванович** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

**Ilchenko Valery Ivanovich** – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of world philosophy and theology of Luhansk national University named after Vladimir Dahl», Lugansk.

**E-mail:** [ivi.sacra777@gmail.com](mailto:ivi.sacra777@gmail.com)

**Кононенко Роман Анатольевич** – магистрант религиоведения кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

**Kononenko Roman Anatolevich** – Student of magistracy of the Department of world philosophy and theology of Luhansk national University named after Vladimir Dahl», Lugansk.

**E-mail:** [r.kononenko1601@mail.ru](mailto:r.kononenko1601@mail.ru)

**Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич** – заведующий кафедрой социологии, доктор философских наук, профессор ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

*Дервянко К.В., Цепковская Е.В.*

## ДИАЛЕКТИКА ГЕББЕЛЯ

*Диалектика в литературе представлена творчеством писателей всех времен и народов. Репрезентативным примером служат произведения Фридриха Геббеля, творчество которого нельзя понять вне диалектики. Конфликт как таковой в человеческом обществе трактовался им непреходящим и вечным. В своем творчестве писатель пристально исследовал героев, переступивших границы дозволенного.*

*Указанная тема, как известно, исследовалась в русской литературе у Пушкина, Гоголя, Достоевского и многих других. В заключительной трилогии о Нибелунгах гибель героев эпоса означает крушение языческого мира и победу принципов христианства. Таким образом, последнее слово немецкого писателя совпало с последним словом классической русской литературы.*


***Ключевые слова:** диалектика, противоречие, конфликт, коллизия, язычество, христианство.*

**Постановка проблемы.** Диалектика в литературе представлена творчеством множества писателей всех времен и народов. Репрезентативным примером могут служить произведения Фридриха Геббеля (1813-1863). Это творчество невозможно понять вне диалектики. Его драматургия сочетала в себе как реалистические, так и романтические начала. Среди этих начал всегда присутствовало стремление к постижению мира со всеми его противоречиями. В русской литературе А. С. Пушкин называл их: «вечные противуречия сущности». Однако диалектические закономерности, наглядно представленные в содержании и форме произведений Геббеля, пока не становились предметом философского анализа в отечественных исследованиях.

**Целью исследования** является прояснение диалектических особенностей творчества Геббеля в сравнении с аналогичными закономерностями в классической русской литературе.

**Основная часть.** По мнению историка литературы С. В. Тураева, в драмах Геббеля «самый конфликт трактуется как вневременный и внесоциальный» [4, с. 371]. Тем самым конфликт понимался как непреходящий и вечный.


Однако противоречия обнаруживаются не только в творчестве Геббеля, но и в текстах его исследователей. Так, например, по мнению



Тураева, «Гегбель поддерживает наиболее крайнюю индивидуалистическую концепцию романтизма. Неверие в массы сочетается у него с убеждением, что двигателем исторического развития является выдающаяся личность» [4, с. 371]. И этот тезис можно обосновывать соответствующими цитатами. Но взгляды Гегбеля не исчерпываются только тезисом. Антитезис звучит так: «Главнейшее отличие нынешнего времени от прошлого состоит в том, что теперь живут лишь **массы**, а прежде жила лишь выдающаяся **личность**» [1, с. 421]. (Здесь и далее все подчеркивания в цитатах принадлежат их авторам. – К. Д.). Речь, таким образом, идет о «восстании масс». Как известно, Х. Ортега-и-Гассет (1883-1955) учился в университетах Германии и знал творчество немецкого писателя.

Тураев отмечает, что Гегбель «преклонялся перед Наполеоном, считая его деятельность "самым значительным явлением последнего тысячелетия"» [4, с. 371]. Но исследователь забывает процитировать гегбелевский антитезис: «Наполеон глубоко заблуждался, рассматривая людей как массу и не видя личностей. Если ему попадался человек, сумевший проявить себя как личность, то он уважал в нем лишь силу, которую можно использовать, но не своеобычность. Величайший прогресс современности состоит в том, что человек теперь требует не только благосостояния, но и признания своей значимости. Победоносные противники Наполеона ничему у него не научились: они тоже не понимают, что нынешнее поколение скорее станет блуждать наугад в кромешном мраке, среди опасностей, чем покорно побредет в стойло за вожакom...» [3, 2, с. 446]. В этом же направлении, как известно, развивалась мысль Гегеля, писавшего, что «всемирная история есть прогресс в сознании свободы» («Die Weltgeschichte ist der Fortschritt im Bewusstsein der Freiheit»). Об этом же размышлял и Пушкин, давший такую характеристику своего века: «Все предрассудки истребя, Мы почитаем всех нулями, А единицами – себя. Мы все глядим в Наполеоны; Двуногих тварей миллионы Для нас орудие одно; Нам чувство дико и смешно».

Если верить Тураеву, «Гегбель развивал трагическую концепцию, согласно которой человек вообще обречен на одиночество, изначально отчужден от мирового целого. Трагическая концепция мира у Гегбеля воплощает отрицание окружающей действительности, отсюда – разочарование и пессимизм» [4, с. 371]. Но верить этому исследователю трудно, поскольку ниже он сам описывает результат, к которому привело немецкого писателя развитие «трагической концепции мира» в его последней драматической трилогии: «Сюжет "Нибелунгов" привлек Гегбеля острым рисунком очерченных в древнем эпосе столкновений




характеров и накалом страстей... Гибель героев эпоса означает крушение языческого мира и победу гуманных принципов христианства, которые воплощает Дитрих Бернский» [4, с. 379]. Так все же: «одиночество, разочарование и пессимизм» или «гуманные принципы христианства»?

Противоречащий себе Тураев пишет о противоречиях писателя: «Геббель много размышлял над проблемой трагического. Концепция трагического у него противоречива, что связано с противоречивым пониманием роли личности. С одной стороны, он ставил под сомнение право отдельной личности действовать по своей воле вопреки господствующим установлениям, поэтому в его драмах почти все, кто дерзает, гибнут. С другой – историческое движение, крупные перемены в общественной жизни (здесь слово "прогресс" неуместно, ибо писатель вообще сомневался в его возможности) зависят, по его мнению, только от воли выдающихся личностей» [4, с. 378]. Но разве переход от язычества к христианству не является прогрессом? Если Гегель видел в мировой истории «прогресс в осознании свободы» (на Востоке свободен один, в Античности свободны некоторые, в христианстве свободны все), то к этому же пришел и Геббель.

Свои выводы о направлении мировой истории он сделал, анализируя немецкую историю. Но мог сделать и на материале истории русской. Еще в юности писатель хотел закончить незавершенную Шиллером трагедию «Дмитрий». А во время работы над своим последним произведением вспомнил об этом: «Я пребываю в нерешительности – продолжать ли "Нибелунгов" или закончить шиллеровского "Дмитрия", которому, однако, мне пришлось бы дать совершенно отличное от Шиллера психологическое основание и который – о чем я едва не позабыл – занимал меня уже в восемнадцать лет» [3, 2, с. 617].

Однако начав работу над завершением чужого замысла, писатель вскоре был вынужден признать ее невыполнимость: «Почвой для моей трагедии должен стать великий и в то же время раздираемый внутренними распрями мир славянства, в то время как Шиллер, без сомнения, вдохновлялся единственно общечеловеческим смыслом изображенного исторического факта. Но это, стало быть, означает – чего я сначала не думал, но в чем теперь убедился, – столь отличный от шиллеровского подход к материалу, что я вряд ли сохранию за собой право говорить хотя бы даже об "основной идее" Шиллера» [3, 2, с. 618].

После поездки в Краков Геббель сожалел о том, что из-за таможенных осложнений ему не удалось «хоть носком ступить на священную землю России». Но он продолжал размышлять о своем замысле: «Я восхищаюсь шиллеровским фрагментом...но не могу



воспользоваться ни единым стихом из него. Как и повсюду, Шиллер полагает здесь все само собой разумеющемся и нисколько не озабочен тем, чтобы обнажить корни людей и вещей... Буря врывается в его мир, как стихия, – я же хочу, чтобы она возникла у меня из тончайших дуновений, и это два столь различных стили, что мы с ним можем соприкоснуться поистине лишь в основной идее и в самом последнем эффекте» [3, 2, с. 618].


«Я отнюдь не собираюсь предпринять то, от чего вынужден был – после многих тщетных попыток – отказаться Гете, хотя Шиллер подробно и в деталях обсудил с ним всю пьесу. Кто вознамерился бы продолжить то, что начал самый субъективный из всех поэтов? Писать за него – с таким же успехом можно было захотеть дышать за него. Однако это еще не значит, что нельзя усыновить его великий драматический замысел и воплотить его самостоятельно, – и именно это я собираюсь совершить» [3, 2, с. 619].

Работая уже над третьим действием, он писал: «Драма должна черпать свою подлинную силу в обстоятельствах; характеры, не коренящиеся в народной почве, – всего лишь растения в горшках. Оттого мне хотелось бы провести в мою пьесу как можно больше кровеносных сосудов из великого славянского мира, и оттого я завещаю ее не раньше, чем сумею дать время каждому ключику, бьющему под землей, вырваться наружу и влиться в ее скромный поток» [3, 2, с. 619].

После окончания третьего действия он снова возобновил работу над «Нибелунгами», а об отложенной трагедии написал: «"Димитрий" покоится, подобно камню; что ж, пускай он растет в тишине, подобно ему» [3, 2, с. 618]. Это было за год до кончины писателя. За месяц до нее он закончил четвертое действие и начал пятое, из которого было написано восемь сцен... В течение всех лет работы Геббель неоднократно заявлял, что внимательно штудирует русскую историю Смутного времени и настаивал, что основывается на новейших данных исторической науки. Однако, в связи с тем что образ Димитрия у него был идеализирован, немецкие исследователи неоднократно указывали: при изображении юности Димитрия в прологе видны автобиографические черты автора (уязвленное самолюбие, муки гордости, стремление подняться над судьбой «раба») [3, 2, с. 621].

Таким образом, встреча Геббеля со Смутным временем XVII века в полной мере так и не состоялась. Но вместо этого состоялась встреча со Смутным временем XX века. Писатель этого не узнал. Но узнали историки литературы.

Тураев: «Геббель считал, что мир не терпит никаких нарушений, а традиция – политическая или моральная – священна... Слова о "сне мира",



который никогда не надо нарушать, произнесенные в трагедии "Гигес и его кольцо" Кандавлом в заключительном диалоге с Гигесом, в последующие десятилетия не раз служили поводом для острых идеологических споров. В XX в. Иоганес Бехер построил на них свою известную антитезу в стихотворении о Ленине: "Он мир от спячки пробудил" (в подлиннике прямая цитата из Геббеля)» [4, с. 379].

В этой трагедии лидийский царь Кандавл, гордясь красотой своей жены, тайком показывает ее своему телохранителю Гигесу. Поскольку царица это заметила, все заканчивается гибелью действующих лиц. Перед смертью Кандавл признает: «Я пошатнул основу мироздания – И вот она разверзлась подо мной» [3, 1, с. 583]. Последний его призыв был: «...Вовек не посягай на мироздания сон!» [3, 1, с. 584]. «...Nur rühre nimmer an den Schlaf der Welt!» [6, 3, с. 203].


Бехер же, в пику Геббелю (и его Кандавлу), назвал свое стихотворение о Ленине: «Der an den Schlaf der Welt rührt – Lenin» [5, 1, с. 151]. «Кто посягнул на сон мира – Ленин». Его начало: «Er rührte an den Schlaf der Welt / Mit Worten, die Blitze waren, / Sie kamen auf Schienen und Flüssen daher / Durch alle Länder gefahren» [5, 1, с. 151]. Перевод: «Он мир пробудил от глубокого сна / Словами, что были как молнии. / Их передавала стране страна, / Пока они мир не наполнили» [2].

Далее следует текст, требующий не столько художественного, сколько дословного перевода: «Er rührte an den Schlaf der Welt / Mit Worten, die wurden Brot, / Mit Worten, die wurden Armeen / Gegen die Hungersnot. / ...Mit Worten, die wurden Maschinen, / Wurden Traktoren, Häuser, / Bohrtürme und Minen – / Wurden Elektrizität, / Hämmern in den Betrieben, / Stehen, unauslöschbare Schrift, / In allen Herzen geschriben...» [5, 1, с. 151]. Перевод: «Он мир пробудил от глубокого сна / Словами, которые стали хлебом, / Словами, которые стали армиями / Против голода. / ...Словами, которые стали машинами, / Стали тракторами, зданиями, / Буровыми вышками и минами – / Стали электричеством, / Молотами на заводах, / Они остаются запечатленными нестираемым шрифтом / во всех сердцах...» (Слово die Mine означает не только «мину», но еще: фугас, рудник, штольню, подкоп).

Ленин сказал – и стало...Таким образом, у Бехера выстроился настоящий культ Ленина. Особенно ярко он проявлялся в многочисленных рассуждениях писателя о литературе: «Образцовое есть во всех искусствах и повсюду в жизни: так, Ленин – образец для поэзии, образец ясности и прозрачности стиля» [1, с. 455].

В немецкой поэзии Ленин сравним лишь с вершиной Гете: «"Навечно остается в силе: ограничить себя, по-настоящему нуждаться в





одном предмете, в немногих предметах, по-настоящему любить их, привязаться к ним, поворачивать их к себе всеми сторонами, слиться с ними – вот что делает поэта, художника – человека". Эти слова Гете напоминают нам о... Ленине, который учил нас, и не только учил, но и дал нам в своих трудах образец того, что каждое дело нужно рассматривать **в целом**, со всех сторон, а не соблазняться нанизыванием множества вещей друг на друга и таким образом сказать обо всем и в то же время ни о чем» [1, с. 311].


Соответственно, в русской поэзии с Лениным можно сравнить только... известно кого: «Прелесть и легкость пушкинского стиха – плод богатой, открытой всему человеческому души. В пушкинской простоте нет ничего пустого или разжиженного. Он прост, как прост был Ленин...» [1, с. 456]. После этого сразу вспоминаются пушкинский «Памятник» («Веленью Божию, о муза, будь послушна...»), а также ленинские «Философские тетради» («Материалист отсылает бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму»; «бога жалко!! сволочь идеалистическая!»); «о боженьке, религии, нравственности вообще – архипошлый идеалистический вздор»; «я выкидываю боженьку»; или в другом месте: «всякий боженька есть труположество...»).

По мнению Бехера, советская власть (и персонально Ленин) русскую литературу возродили, а Пушкина буквально спасли от смертельно опасного Достоевского: «Что случилось бы с Толстым и что случилось бы с Пушкиным, если бы их не разбудила и не подняла к новой жизни власть? Достоевский уже произнес свою, пусть великолепную, надгробную речь над Пушкиным, предъявляя на него права в интересах отживающего, темные цели которого должен был прикрыть блеск пушкинского имени. Но вот пришел Ленин. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года стала возрождением всего великого в русском прошлом, а тем самым и часом возрождения Толстого и Пушкина. Их дух стал частью той власти, которая отныне стала господствующей, и неотделим теперь от этой власти ее дух, ибо пришел Ленин» [1, с. 112]. Сегодня этой власти нет. И кто же теперь защитит русскую литературу без Ленина?

Последним в бехеровском списке писателей идет один (уже советский) «поэт»: «Взаимоотношения между Лениным и Горьким – вот яркий пример братского единения политики и поэзии» [1, с. 460].

Итак, главным героем для Бехера был Ленин. И он противопоставил вождя Кандавлу, главному герою трагедии Геббеля... Кандавл и Ленин... Ленин и Кандавл... Можно ли сравнивать? Бехер это делал, подчеркивая различия. Но у этих персонажей имеется и сходство.

Один из них «пошатнул основу мироздания» посредством




демонстрации своей жены. Второй стремился к той же цели: «пошатнуть» мир. Но в средствах (к сожалению) не последовал античному образцу, а пошел гораздо дальше. Во время мировой войны он призывал соотечественников превратить «войну империалистическую в войну гражданскую», а после узурпации власти отдал свою Родину на растопку пожара мировой революции (посредством специально созданного для этой цели Коминтерна). Разумеется, никакому Кандавлу такое и не снилось: он был просто невинным ребенком...

Имеется ли что-нибудь общее между женой и Родиной? Для кого-то это просто одно и то же: «О, Русь моя! Жена моя!» – писал А. Блок в поэме «На поле Куликовом». Но Ленина к таким патриотам отнести нельзя. Жена отдельно, а Родина... Родины у него не было вообще. В «Манифесте Коммунистической партии» сказано: «...Коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества». Если так, то какое отечество может быть у настоящего марксиста, тем более – у вождя мирового пролетариата?

Гebbель привел своего Кандавла к раскаянию: «Да знаю я и сам: мой тяжек грех, И жребий покарал меня по праву» [3, 1, с. 583]. О раскаянии Ленина не слышал никто никогда. В этом отношении Кандавл стоит выше Ленина.

Ленинизм как идеология и кандавлизм как сексуальная перверсия существуют и сегодня. Но если современные ленинисты согласятся с Бехером, котрый возвел своего героя на пьедестал и восхищался им как идеалом, то современные кандавлисты с Геbbелем согласятся вряд ли.

Расставшись с Бехером, следует расстаться и с Тураевым. К сожалению, в ходе своей критики историк литературы систематически упрощает позицию критикуемого: «Сам Геbbель к концу своего пути признал: "мира я не знаю, а вот человека я знаю"» [4, с.379]. Но именно в этом месте дневника писатель настаивал на реализме своих поздних произведений: «Я весь реализм в этих драмах вкладываю только в психологический, а не в космический момент. **Мира** я не знаю, ибо хотя и являюсь сам его частицей, все же частица эта столь ничтожно мала, что не позволяет сделать вывода о подлинной сущности целого. А вот **человека** я знаю, ибо я сам человек, и хотя я не знаю, каким образом человек возникает из мира, однако очень хорошо знаю, как он, раз возникнув, воздействует на мир. Поэтому я благоговейно чту законы души человеческой; а что до всего остального, то тут я полагаю, что фантазия черпает из тех же глубин, из которых произошел и сам мир...Я никогда не позволю себе взять какой-либо мотив из туманного царства неопределенных и неопределимых сил...; я лишь ограничиваюсь тем, что




стараюсь уловить и запечатлеть чудесные краски и вспышки света, которые придают некий новый ореол нашему наяву существующему миру, не изменяя его» [3, 2, с. 554]. Наяву и без каких-либо сказочных атрибутов (вроде кольца), реально существуют также герои трагедии о Кандавле: «"Гигес" вполне возможен и без кольца...; проверьте – сами убедитесь...» [3, 2, с. 554].

Иногда Тураев противоречит себе даже в пределах одного предложения: «Не постигая сути диалектики взаимоотношений человека и общества, драматург стремился постигнуть тайну личности в ее имманентном развитии» [4, с. 379]. Но ведь «имманентное развитие» и составляет саму «суть диалектики». А поскольку человек у Геббеля начинает «воздействовать на мир», то может ли в таком случае писатель как-нибудь обойти «диалектику взаимоотношений человека и общества»? Не может. Поэтому далее сам критик вынужден говорить об этой диалектике, принявшей форму диалогизма. «Предавшиеся злу герои Геббеля как бы спрашивают себя: "Можно ли?". И человек, утративший нравственные устои, присваивает себе право действовать по своему злему произволу. Мастерство драматурга проявилось именно в этом анализе злого, антигуманистического начала. Он исследовал опасные изгибы современного сознания, предвосхищавшие человеконенавистнические теории и человеконенавистнические практики реакции XX в.» [4, с. 379]. Но почему только «реакции»? А как быть с теми практиками, на которые реагировала реакция? Разве революционеры не позволяли себе использовать любые средства ради достижения своих «счастливых» целей?

«Как и творивший в ином виде искусства Р. Вагнер, Геббель ощущал реальность того, что в его время еще не вышло на поверхность социальной действительности и было скрыто под покровом относительно устойчивого существования» [4, с. 379]. И это делал писатель, который «не постигал сути диалектики взаимоотношений человека и общества»? Вернее будет заключить, что он обладал зоркостью не меньшей, чем у Гоголя и Достоевского.

В XX веке герои Достоевского стали марксистами и ленинистами, троцкистами и анархистами, нигилистами и ницшеанцами. Одним из героев Достоевского был сам Ницше, который читал и конспектировал его романы, заимствуя для себя подходящие идеи у одержимых героев русского романиста. Однако Тураев ограничивается рамками лишь немецкой литературы: «Ницше продолжил в своей философии тот анализ природы человека, который своими художественными средствами вела немецкая литература – Бюхнер, размышлявший над тем, "что это такое в



нас прелюбодействует, убивает, крадет и лжет?"; Геббель, пристально наблюдавший героев, переступивших границы дозволенного; Вагнер, воплотивший в своих операх, либретто и музыке могучий разлив первоначальных страстей» [4, с. 379].

Указанная тема Геббеля, как известно, исследовалась и в русской литературе, только под другими названиями («Преступление и наказание» и пр.). А припомнив характеристику Тураевым геббелевых «Нибелунгов» («гибель героев эпоса означает крушение языческого мира и победу гуманных принципов христианства»), можно сделать вывод, что последнее слово немецкого писателя совпало с последним словом Достоевского.


**Выводы.** Диалектика в литературе представлена творчеством писателей всех времен и народов. Репрезентативным примером служат произведения Фридриха Геббеля, творчество которого нельзя понять вне диалектики. Конфликт как таковой в человеческом обществе трактовался им непреходящим и вечным. В своем творчестве писатель пристально исследовал героев, переступивших границы дозволенного. Указанная тема, как известно, исследовалась в русской литературе у Пушкина, Гоголя, Достоевского и многих других. В заключительной трилогии о Нибелунгах гибель героев эпоса означает крушение языческого мира и победу принципов христианства. Таким образом, последнее слово немецкого писателя совпало с последним словом классической русской литературы.

### Л и т е р а т у р а

1. Бехер И.-Р. О литературе и искусстве / И.-Р. Бехер. – М.: Худож. лит., 1981. – 527 с.
2. Бехер И.-Р. Ленин / И.-Р. Бехер. – [Электронный ресурс]. – URL: [ulyanov-lenin. rf / leniniana / stihl.php](http://ulyanov-lenin.rf/leniniana/stihi.php)
3. Геббель Фр. Избранное / Фр. Геббель. – В 2-х т. – М.: Искусство, 1978.
4. Тураев С. В. Немецкая литература / С. В. Тураев. // История всемирной литературы. В 8 т. – Т.7. – М.: Наука, 1991. – С.370-392
5. Becher J.R. Auswahl in 6 B. – В.1. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1952. – 366 s.
6. Hebbel Fr. Auswahl in 7 B. – Leipzig: Verlag von Philipp Reclam jun., 1975.

### R e f e r e n c e s

1. Beher I.-R. O literature i iskusstve / I.-R. Beher. – М.: Hudozh. lit., 1981. – 527 s.

- 
2. Beher I.-R. Lenin / I.-R. Beher. – [Elektronnyiy resurs]. – URL: ulyanov-lenin.rf/leniniana/stihi.php
  3. Gebbel Fr. Izbrannoe / Fr. Gebbel. – V 2-h t. – M.: Iskusstvo, 1978.
  4. Turaev S. V. Nemetskaya literatura / S. V. Turaev. // Istoriya vsemirnoy literaturyi. V 8 t. – T.7. – M.: Nauka, 1991. – S.370-392
  5. Becher J.R. Auswahl in 6 B. – B.1. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1952. – 366 s.
  6. Hebbel Fr. Auswahl in 7 B. – Leipzig: Verlag von Philipp Reclam jun., 1975.

***Derevyanko K.V., Tsepkovskaya E.V. HEBBEL'S DIALECTICS.***

*Dialectics in literature is represented by the works of writers of all times and peoples. A representative example is the works of Friedrich Hebbel, whose work cannot be understood outside of dialectics. The conflict itself in human society was understood by him as eternal and constant. In his work, the writer closely examined the characters who crossed the boundaries of what is permitted. This topic is known to have been studied in Russian literature by Pushkin, Gogol, Dostoevsky and many others. In the final trilogy about the Nibelungs, the death of the heroes of the epic means the collapse of the pagan world and the victory of the principles of Christianity. Thus, the last word of the German writer coincided with the last word of classical Russian literature.*

**Key words:** *dialectics, contradiction, conflict, collision, paganism, Christianity.*


**Деревянко Константин Васильевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

**Derevyanko Konstantine Vasilievich** – PhD in Philosophy, assistant professor of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the «Lugansk National University named after Vladimir Dahl», Lugansk.

**E-mail:** fl-fil@yandex.ru

**Цепковская Екатерина Викторовна** – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

**Tsepkovskaya Ekaterina Viktorovna** – candidate of philosophical sciences, docent of chair «World Philosophy and Theology», State Educational



Establishment of Higher Professional Education of the «Lugansk Vladimir Dahl National University».

**E-mail:** kenzon@inbox.ru

**Рецензент: Атоян Арсентий Иванович** – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 37.01


*Плахотник А.Н., Юсеф Ю.В.*

## **ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ**

*В статье рассматривается проблема формирования личности будущих врачей. Обобщается двухгодичный опыт преподавания учебной дисциплины «Основы православной культуры» в медицинском университете. Анализируется ее влияние данной дисциплины на формирование личности будущих врачей. Выделяются особенности преподавания «Основ православной культуры» в медицинском вузе. Подчеркивается важность преподавания данного предмета с учетом указанных особенностей. Рассматриваются проблемы, возникающие в ходе преподавания этой дисциплины.*

**Ключевые слова:** *формирование личности, гуманитарные дисциплины, общекультурные компетенции, студенты-медики, православная культура.*

Проблема формирования личности будущих врачей была всегда актуальна. С глубокой древности к врачам предъявлялись довольно высокие требования. Наиболее ранние попытки определить правила, которыми должен руководствоваться врач в своей профессиональной деятельности, можно найти в памятнике древнекитайской медицины «Хуан-ди ней цзин». Огромное значение духовно-нравственной составляющей в профессии врача подчеркивали такие великие ученые древности, как Гиппократ и Авиценна. Впоследствии эта проблема нашла свое отражение в работах выдающихся русских врачей, таких как С.П.Боткин, М.Я.Мудров, Н.И.Пирогов. Не чуждой эта тема оказалась и для русского философа И.А.Ильина, который в начале XX века определил деятельность врача как «дело служения, а не дело дохода».



Таким образом, можно заметить, что проблема духовно-нравственного воспитания будущих врачей является столь же древней, как и сама профессия врача. На протяжении столетий эту проблему пытались решать по-разному в зависимости от уровня развития общества в различные периоды истории.

Данная проблема не утратила своей актуальности и в современном обществе. По словам выдающегося философа, богослова и врача митрополита Антония Сурожского, «медицина как отрасль человеческой деятельности занимает совершенно особое место именно потому, что наука в ней сочетается с ценностями, подходом, не имеющими ничего общего с наукой» [1].

В связи с развитием новейших технологий в области медицины и вовлечением медицины в систему рыночных отношений меняется и характер врачебной деятельности, негативно сказываясь на социальных отношениях в сфере профессиональной деятельности врача, а значит, вопрос духовно-нравственного воспитания и формирования личности будущих врачей сегодня стоит как никогда остро.


Принятая в современной педагогической науке гуманистическая парадигма образования направлена именно на формирование личности будущих специалистов, в том числе и будущих врачей. Актуальной для данного направления является гуманитаризация высшего профессионального образования, в том числе и медицинского.

В работах современных исследователей проблема формирования личности студентов-медиков находит свое отражение в различных ракурсах: личностное и профессиональное становление будущего врача (О.Гуменюк, Т.Скрябина, Я. Цехмистер); развитие профессиональной культуры медицинских работников (О.Крсек, С.Хлестова); формирование профессионально-этической культуры будущего врача (А.Агаркова, С.Бухальская, Е.Уваркина).

Данные исследования рассматривают духовно-нравственное воспитание в различных аспектах, однако организация работы по духовно-нравственному воспитанию будущих врачей на основе православных традиций остается малоизученной.

В то же время современные исследователи справедливо утверждают, что духовно-нравственное воспитание немислимо без использования аксиологических категорий православной культуры [5, с.104].

В нашей работе мы ставим своей целью обобщить опыт преподавания «Основ православной культуры» для выявления особенностей преподавания данного предмета в медицинском вузе и выделения ряда проблем в процессе преподавания предмета.



«Основы православной культуры» – один из предметов гуманитарного цикла, играющих важную роль в формировании личности будущих врачей.

Обращаясь к ценности гуманитарных дисциплин в развитии личности, следует отметить, что процесс образования касается студента на глубоком личном уровне. Процесс образования не просто связан с тем, что можно «сделать», но также «какими людьми они станут» в результате этого процесса. Очень важно для врача стать определенной личностью, потому что медицинская практика связана не только со знанием и навыками, а также с сочувствием и гуманным отношением к людям.

В современной медицинской науке и образовании преобладает естественнонаучная парадигма, которая рассматривает человека исключительно как биологический организм. По выражению советского психолога А.Леонтьева, «мы разобрали человека на органы и системы и научились «считать» каждую из них. Но вот собрать человека воедино мы не в состоянии»[3]. Поэтому актуальной в современном медицинском образовании является интеграция гуманитарной и естественнонаучной парадигмы, в рамках которой проводится гуманитаризация медицинского образования.


Повышение внимания к человеческому фактору требует усиления гуманитаризации образования будущего врача в общей системе его подготовки в вузе, как одного из важнейших направлений не только дальнейшего прогресса высшей школы, но и гуманизации всего нашего общества. Гуманитаризация образования выступает как важная социальная проблема, решение которой предусматривает подготовку будущих специалистов как творческих личностей, вобравших в себя лучшие традиции мировой и отечественной культуры и осознающих единство и многообразие естественного и социального мира.

Становление профессиональных знаний будущего врача и навыков его деятельности должно осуществляться на основе научно-гуманистического мировоззрения через всю совокупность исследуемых предметов. Ведущим при этом должен выступать социально-гуманитарный комплекс дисциплин.

Если рассматривать роль предметов гуманитарного цикла с точки зрения компетентностного подхода в образовании, то следует помнить о том, что именно эти предметы формируют общекультурные компетенции студентов медицинских вузов.

Курс «Основы православной культуры» направлен на формирование таких общекультурных компетенций, как способность во всех областях своей учебной и научной деятельности целиком и полностью





соответствовать общим и специфическим нормам врачебной этики (ОК-1), способность и готовность к логическому и аргументированному анализу, к публичной речи, ведению дискуссии и полемики (ОК-5).

Гуманитарные науки призваны «собрать» человека воедино, чему, по нашему мнению, и способствует курс «Основы православной культуры».

Следует отметить, что преподавание предмета «Основы православной культуры» ведется и в школах Луганска, однако данный предмет является новым для нас по сравнению со школами РФ, где он преподавался еще со второй половины 1990 годов (сначала в виде факультатива, а затем как один из школьных предметов).


В Луганском государственном медицинском университете данная дисциплина преподается в течение двух лет. В ходе преподавания выявляется ряд проблем, отражающих, по нашему мнению, проблемы, существующие как в современном обществе, так и в системе высшего медицинского образования.

Следует начать с того, что этот предмет воспринимается большинством студентов медицинского университета скептически либо откровенно враждебно.

Встречает сопротивление эта дисциплина и в школах ЛНР, а преподаватели выделяют ряд аргументов, которые выдвигают противники преподавания «Основ православной культуры»:

- 1) само слово «православие» чаще не ассоциируется с преподаванием в светской школе;
- 2) боязнь перегрузки уже годами сформированного учебного процесса «навязанным» богословием;
- 3) отсутствие опыта преподавания такого предмета в современной школе;
- 4) перегруженность программы разделами богословских фрагментов;
- 5) опасения прихода в школу священнослужителей или прямой пропаганды православия на уроках [2, с.57].

Похожие аргументы приводят и студенты медицинского вуза, объясняя свое нежелание изучать предмет тем, что «университет – это светское учебное заведение»; «медицина не имеет ничего общего с православием». Встречаются среди студентов первых курсов и те, кто изъявляет желание изучать иные религии, либо же заявляют о своей принадлежности к другой религии. В нашем регионе действительно проживают представители этнических групп, традиционно исповедующих другие религии (ислам), однако, следует отметить, что студенты,



относящиеся к таким группам, не выступают против изучения православной культуры. Действительно, особенностью курса «Основы православной культуры» является его культурологическая направленность.

В процессе исторического развития каждый народ создает собственную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения своей национальной принадлежности. Принятая личностью система ценностей позволяет ей не только определить свое место в социуме, но и поддерживать чувство самоотождествления с определенной этнической культурой. На этом основании система гуманитарных знаний должна быть ориентирована на изучение социально-морального опыта собственного этноса, формирования национального сознания и самосознания. На протяжении десятилетий в преподавании отечественной истории игнорировался тот факт, что русская культура, русский менталитет органично вытекают из православной традиции [5, с.107]. Изучая данную дисциплину, студенты могут увидеть и понять влияние православия на русскую культуру.


В задачи курса входит ознакомление студентов с этическими основами православной культуры, основными памятниками православного искусства, а также с современной православной культурой.

Следует отметить, что острое неприятие предмета, наблюдающееся на первых занятиях, постепенно сглаживается, и многие студенты проявляют интерес к предмету. Причем положительное влияние оказывают беседы с настоятелем храма, действующего на территории Луганского государственного медицинского университета имени святителя Луки.

Успех изучения и эффективность гуманитарных дисциплин в целом зависят от преемственности преподавания, которая может быть обеспечена путем обращения к темам христианства и христианских традиций при изучении других гуманитарных дисциплин.

Важным, на наш взгляд, является установление межпредметных связей и с таким курсом, как «История медицины». В преподавании данного курса актуальными могли бы стать темы, посвященные роли христианской церкви в становлении больничного дела в Европе и роли православной церкви в истории развития медицины в нашей стране. Ведь именно с распространением христианства совершенно меняется отношение к страждущим и тяжело больным и появляются больницы в том виде, в котором мы сегодня их знаем. Первая такая больница была основана в IV веке в Кесарии Каппадокийской свт. Василием Великим, имевшим также светскую профессию врача.

Другой проблемой, с которой сталкиваются преподаватели курса «Основы православной культуры», как уже было упомянуто, является




доминирование в современном медицинском образовании естественнонаучной парадигмы, в результате чего человек воспринимается как биологическое существо. Свидетельством тому являются высказывания подавляющего большинства студентов нашего университета об отсутствии души у человека. Данный факт не может не вызывать беспокойства.

И здесь снова полезно было бы обращение к истории христианства и медицины. Как отмечают исследователи, на протяжении всего 20 века в медицине не было места религии и духовным ценностям, а сегодняшнее обращение к ним считается новым явлением [6]. Однако в истории находится немало примеров того, что присутствие духовных ценностей в медицине не ново, стоит лишь обратиться к истории такого православного государства, как Византия, и мы найдем множество положительных примеров, так необходимых сегодняшним студентам медицинского университета. Православная церковь имеет богатую традицию целостного здоровья и врачевания, которой мы можем научиться. Как лично от наших святых врачей, так и от православной Византийской традиции и организации медицинского обслуживания [6].

После крещения Руси под влиянием православия формируются русские традиции врачевания, так же как и в Византии открываются больницы при монастырях. К началу XX века именно благодаря влиянию православия будет сформирована «сознательная русская медицинская традиция», о чем читаем у русского философа И.А.Ильина: «Врачебная присяга, которую приносили врачи и которую мы все обязаны русскому Православию, произносилась у нас с полною и благоговейною серьезностью (даже и неверующими людьми): врач обязывался к самоотверженному служению; он обещал быть человеколюбивым и готовым к оказанию деятельной помощи всякого звания людям, болезнями одержимым; он обязывался безотказно являться на зов и по совести помогать каждому страдающему...»[4].

Общеобразовательный компонент чрезвычайно важен для врача, но гуманитарные дисциплины в медицинских вузах занимают в подготовке будущего врача не более 25% общего объема часов, а на их изучение выделяется только два-три семестра. Количество часов, выделяемых на изучение курса «Основы православной культуры», и вовсе невелико: на изучение отводится 6 часов лекций и 18 часов семинарских занятий. При наличии хорошей базовой подготовки по гуманитарным дисциплинам у студентов первых курсов, возможно, этого было бы достаточно, но как показывает практика, базовый уровень довольно низкий, а в отношении православия представления студентов ограничиваются лишь обрядовой стороной.



А при отсутствии преемственности в преподавании гуманитарных дисциплин эффективность преподавания «Основ православной культуры» не может быть высокой, следовательно, воспитательный потенциал данного предмета не раскрывается в полной мере.

Кроме того, следует помнить также и о том, что сконцентрированность гуманитарных предметов на первых двух курсах значительно снижает их эффективность, т.к. на первых курсах большинство студентов не имеют клинической практики. К тому же одновременно происходит усвоение студентами базовых знаний по профильным предметам, изучению которых отдается предпочтение, а гуманитарные знания, как следствие, отходят на второй план.

**Выводы.** Таким образом, в ходе двухгодичного преподавания учебной дисциплины «Основы православной культуры» в Луганском государственном медицинском университете имени святителя Луки мы пришли к следующим выводам:

1) курс «Основы православной культуры» играет важную роль в становлении личности будущих врачей;

2) для эффективного преподавания данного предмета целесообразным является развитие преемственности в преподавании гуманитарных дисциплин и развитие межпредметных связей;

3) положительное влияние на студентов медицинского университета оказывают беседы с представителями духовенства.


Звание врача предполагает наличие не только высокого профессионального уровня, но и высоких духовно-нравственных качеств, формированию которых и способствует учебная дисциплина «Основы православной культуры».

### **Л и т е р а т у р а**

1. Антоний Сурожский, митр. Человеческие ценности в медицине / Антоний Сурожский, митр. // Врач. – 1995. – №. 6. – С. 37-39.

2. Волошина И.А. Изучение основ православной культуры как средство восстановления культурной памяти школьников // Несторовские чтения: современные тенденции сохранения семьи и общества в свете наследия святых отцов: материалы III Международных научно-образовательных чтений, посвященных Дню памяти преподобного Нестора Летописца (27-28 ноября 2017 г.). ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» – Луганск, Книта, 2018. – 412 с.

3. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. – М.: Дрофа, 2005. – 304 с.



4. Ильин И. А. О призвании врача // Путь к очевидности. – М. – 1993. – С. 406.

5. Пигорев И. Я., Лебедева О. В. О некоторых аспектах гуманитаризации системы государственного образования (на примере Курской области) // Фундаментальные исследования. – 2008. – №. 5. – С. 104.

6. John G. Demakis, M.D. // Health and healing in Byzantium. – Режим доступа URL: <http://ocampr.org/wp-content/uploads/2011/05/health-and-healing-in-byzantium-reading-corner-pages.pdf> (дата обращения 19.04.19)

### References

1. Antony Surozhskiy, mitr. Chelovecheskie tsennosti v meditsine / Antony Surozhskiy, mitr. // Vrach. – 1995. – №. 6. – С. 37-39.

2. Voloshina I. A. Izuchenie osnov pravoslavnoj kul'tury kak sredstvo vosstanovlenija kul'turnoj pamjati shkol'nikov // Nestorovskie chtenija: sovremennye tendencii sohraneniija sem'i i obshhestva v svete nasledija svjatyh otcov: materialy III Mezhdunarodnyh nauchno-obrazovatel'nyh chtenij, posvjashhennyh Dnju pamjati prepodobnogo Nestora Letopisca (27–28 nojabrja 2017 g.). GOU VPO LNR «Luganskij nacional'nyj universitet imeni Tarasa Shevchenko» – Lugansk, Knita, 2018. – 412 s.

3. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost': uchebnoe posobie / A.N. Leont'ev. – М.: Drofa, 2005. – 304 s.


4. П'ин И. А. О призвании врача // Пут' к очеvidности. – М. – 1993. – С. 406.

5. Pigorev I. Ja., Lebedeva O. V. O nekotoryh aspektah gumanitarizacii sistemy gosudarstvennogo obrazovanija (na primere Kurskoj oblasti) //Fundamental'nye issledovanija. – 2008. – №. 5. – С. 104

6. John G. Demakis, M.D. // Health and healing in Byzantium – Rezhim dostupa URL: <http://ocampr.org/wp-content/uploads/2011/05/health-and-healing-in-byzantium-reading-corner-pages.pdf> (data obrashchenija 19.04.19)

### **Plakhotnik A.N., Yusef Yu.V. BASES OF ORTHODOX CULTURE IN MEDICAL UNIVERSITY: EXPERIENCE AND PROBLEMS OF TEACHING**

*The problem of forming of personality of future doctors is examined in the article. Two year experience of teaching of educational discipline «Basis of the Orthodox culture» in a medical university is summarized. Influence of this discipline on forming of personality of future doctors is analysed. The features of teaching of «Bases of the Orthodox culture» in medical university are distinguished. Importance of teaching of this subject taking into consideration*



*the indicated features is emphasized. Problems arising during teaching of this discipline are examined.*

**Key words:** *forming of personality, humanitarian disciplines, Orthodox culture, general cultural competences, students-physicians.*

**Плахотник Алла Николаевна** – старший преподаватель кафедры философии, правоведения, социальных и гуманитарных наук Луганского государственного медицинского университета имени святителя Луки.

**Plakhotnik Alla Nikolayevna** – senior teacher of department of Philosophy, jurisprudence, social and humanitarian sciences of the Lugansk state medical university named after St. Luke

**E-mail:** j.yusef@mail.ru

**Юсеф Юлия Владимировна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной медицины и экономики здравоохранения Луганского государственного медицинского университета имени святителя Луки

**Yusef Yulia Vladimirovna** – Candidate of Pedagogical sciences, associate professor of chair of social medicine and health economics of Lugansk state medical university named after St. Luke

**E-mail:** j.yusef@mail.ru


**Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович** – доктор философских наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 373.5

**Скляр П.П., Абрамова С.В.**

## **КРИТЕРИАЛЬНО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ**

*В статье автор подчеркивает, что социально активная личность влияет на общественные отношения, успешно реализует свою жизненную позицию в различных видах социальной деятельности. Раскрывая тему,*



*автор характеризует понятия «социальная активность личности», определяет компоненты структуры социальной активности старших подростков, обосновывает критерии, показатели сформированности данного качества у учащихся подросткового возраста, определяет уровни сформированности данного качества, характеризует диагностические методики, определяющие уровень сформированности социальной активности у старших подростков.*

***Ключевые слова:** социальная активность личности, структура социальной активности личности, компоненты структуры социальной активности личности, критерии, показатели, уровни сформированности социальной активности личности.*


**Введение.** Приоритетным направлением образовательной политики Луганской Народной Республики является духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи, что обуславливает «гуманизацию образования и воспитания, передачу молодому поколению общечеловеческих и культурных ценностей, свободное развитие личности...» [5].

Гуманизация воспитания представляет собой процесс, направленный на развитие свойств и качеств личности, которые необходимы ей и обществу для включения в социально значимую деятельность [6, с. 55].

Современное образование возлагает на себя ответственность за воспитание граждан, социально активных, инициативных членов общества, которые владеют системой общечеловеческих ценностей, идеалов; обладают чувством ответственности за результаты своей деятельности, охрану природы, развитие своей страны [7, с. 6].

Социально активные граждане сознательно ориентированы на общественно значимую деятельность, решение задач, стоящих перед обществом, и представляют собой гарант свежих идей, неординарных подходов, смелых управленческих решений, а их активная жизненная позиция и социально полезная деятельность способствует развитию общества и государства в целом [8, с. 15].

Формирование у подрастающего поколения социальной активности является важной задачей современного общества, что приводит к пониманию необходимости активизации работы школы и других социальных институтов по созданию условий для развития социально активной личности, формированию у нее готовности и умения участвовать в деятельности, направленной на преобразование социальной действительности.



Значительный вклад в разработку проблемы социальной активности личности внесли отечественные и зарубежные ученые А. Адлер, Б. Ананьев, Г. Андреева, Л. Байбородова, Н. Бердяев, Л. Божович, О. Гребенюк, И. Кант, И. Кон, Т. Мальковська, А. Маслоу, А. Мудрик, А. Реан, Э. Эриксон и другие.

Массовый и передовой педагогический опыт по формированию социально активной личности с разных позиций был проанализирован в работах И. Беха, Б. Вульфова, П. Кананыхина, Т. Мальковской, А. Мудрика, Н. Пономарчук, М. Рожкова, Д. Фельдштейна и других.

Особенности формирования и развития социальной активности в различные возрастные периоды глубоко изучались психологами П. Блонским, Л. Выготским, А. Леонтьевым, С. Рубинштейном, А. Петровским и другими.

**Цель статьи:** раскрыть сущность и структуру социальной активности личности относительно старших подростков, определить основные критерии ее оценки, охарактеризовать диагностические методики определения уровня сформированности социальной активности у старших подростков.

**Основная часть.** Обзор научных подходов к определению понятия «социальная активность личности» нами был осуществлен в статье «Современные научные подходы к определению понятия «социальная активность личности» [1].


В контексте нашего исследования социальная активность личности характеризуется как *интегративное качество*, которое *включает социальные знания и опыт, потребность в самореализации и достижении общественно значимых целей, характеризуется направленностью на различные виды социально полезной деятельности, готовностью индивида брать на себя ответственность за принятые решения и собственные действия и проявляется в конкретной социально значимой деятельности* [1].

Основными компонентами социальной активности личности являются: социальная осведомленность, просоциальная направленность, просоциальное поведение [1].

*Социальная осведомленность* – это знание социальной структуры общества и своего места в нем, как ее определяют И. Воробьева, И. Гладилина, Т. Грабенко, Н. Калинина, Е. Коблянская, В. Куницына, Н. Нагайченко, Г. Сивкова и другие.

По мнению ученых (Б. Ананьев, Л. Божович, А. Ковалев, А. Леонтьев, Б. Ломов, В. Мясищев, К. Платонов, С. Рубинштейн и другие), *просоциальная направленность* включает потребности, установки, мотивы,





жизненные цели личности, ее субъективные отношения – ценностные ориентации, склонности, идеалы, предпочтения, убеждения, вкусы и интересы.

*Просоциальное поведение* определяется как поведение, направленное на благо общества, которое приносит пользу другим людям, отличается активным, действенным характером и проявляется в помощи, заботе, сотрудничестве, участии в коллективных делах (В. Абраменкова, Б. Брагусь, Ф. Василюк, Ю. Гиппенрейтер, В. Джеймс, В. Занден, В. Ядов и другие).

Определение структуры социальной активности позволяет исследовать формирование данного качества у старших подростков. По мнению ученых (Л. Божович, Б. Волкова, Л. Выготского, Т. Драгуновой, М. Ермолаевой, Д. Фельдштейна, Д. Эльконина, Э. Эриксона и других), наиболее сенситивным периодом для формирования и развития социальной активности личности является возраст старшего подростка, для которого характерно:

- развитая мотивационно-потребностная сфера и усвоенные нормы человеческой деятельности (Д. Эльконин);
- существуют потребности к самовоспитанию и самоутверждению, возникает потребность в самоопределении (Л. Божович);
- устанавливается новый круг интересов (Л. Выготский);
- создается целостная система личности – «Я-концепция», имеющая совокупность целевых установок, ценностных ориентаций, которые определяют выбор способа деятельности по удовлетворению потребностей (Р. Бернс);
- ведущей деятельностью старшего подростка становится общественно полезная деятельность (Д. Фельдштейн).

Исходя из структуры социальной активности личности и возрастных особенностей подростков, нами определены критерии и показатели оценки сформированности этого качества (Таблица 1).

*Когнитивный критерий* выявляет наличие осведомленности о социально значимых качествах личности, знание социальных норм и правил поведения, представления о местном сообществе как социальном целом, способности к рефлексии и объективной самооценке.

Способность к рефлексии предполагает анализ и оценку результатов социальной деятельности, собственных действий и поведения. Развитие рефлексии побуждает подростка к самосовершенствованию, поиску наиболее эффективных путей достижения цели социальной деятельности.

Самооценка позволяет подростку сравнивать себя с другими людьми, активно усваивать нормы взаимоотношений, регулировать свое поведение и деятельность. Объективность самооценки подростка основывается на развитии самоанализа и приводит к концентрации усилий, направленных на формирование нравственных качеств, определение направления саморазвития, его ориентирование на социально полезную деятельность.


*Потребностно-мотивационный критерий* сформированности социальной активности подростка выявляет наличие потребности в самореализации в социально значимой деятельности, достижения успеха в общественно полезной деятельности, готовности действовать в интересах местного сообщества.

*Деятельностный (праксеологический) критерий* выявляет активность подростка в различных видах общественной деятельности, его умение взаимодействовать с разными людьми, инициативность, ответственность, требовательность к себе в решении проблем местного сообщества.

Таблица 1

**Критерии и показатели социальной активности старших подростков**

Компоненты	Критерии	Показатели
Социальная осведомленность	Когнитивный критерий	Знание социальных норм и правил поведения; представление о местном сообществе как социальном целом; осведомленность о социально значимых качествах личности; способность к рефлексии и объективной самооценке
Просоциальная направленность	Потребностно-мотивационный критерий	Потребность в самореализации в социально значимой деятельности; готовность действовать в интересах местного сообщества (общества); достижение успеха в общественно полезной деятельности
Просоциальное поведение	Деятельностный (праксеологический) критерий	Умение взаимодействовать с разными людьми; активность в различных видах общественной деятельности; инициативность, ответственность, требовательность к себе в решении проблем местного сообщества



Выделенные критерии и показатели социальной активности старших подростков дают возможность определить уровни сформированности данного интегративного качества.

По мнению Е. Харлановой, уровень социальной активности – это мера развитости способности личности воздействовать на окружающую среду, изменяя и преобразуя ее в социально значимом направлении [9, с. 106].

Мы считаем, что степень проявления социальной активности старших подростков можно разделить по четырем уровням: инициативный (высокий), исполнительский (достаточный), социально-инертный (средний), социально-избегающий (низкий) (Таблица 2).


*Инициативный (высокий) уровень* сформированности социальной активности характеризуется: наличием у подростка системы знаний о социально значимых качествах личности, социальных нормах и правилах поведения, о местном сообществе как социальном целом и высокой степени готовности к их активному использованию. Подросток с таким уровнем социальной активности независимо самостоятелен в собственных суждениях, способен к высокой степени самореализации в общественно полезной деятельности, ориентирован на успех в достижении поставленных целей.

Более того, он уже умеет «видеть» проблемы местного сообщества и проявляет постоянную готовность действовать в его интересах, направляя свои усилия на помощь людям и поиск эффективных решений социальных проблем, демонстрируя при этом умение взаимодействовать с представителями местного сообщества, легко и свободно налаживать новые связи, самостоятельно включаться в новые межличностные отношения, добиваться взаимопонимания.

Наличие высокого уровня сформированности социальной активности свидетельствует об уважительном отношении подростка к правам других людей, способности руководствоваться общественными интересами, желании отдавать свои силы для общего блага, чувстве гордости за свои трудовые достижения и успехи всего местного сообщества.

Такой подросток инициативен, ответственен, требователен к себе в решении проблем местного сообщества, он является не только субъектом деятельности, но и организатором социального взаимодействия, пользуется уважением со стороны одноклассников, педагогов и других взрослых.

*Исполнительский (достаточный) уровень* свидетельствует о наличии у подростка представлений о социально значимых качествах личности, о социальных нормах и правилах поведения, о местном



сообществе как социальном целом. При этом он не всегда считается с интересами коллектива, иногда демонстрируя категоричность собственных оценочных суждений, что может быть связано с процессом становления самооценки.

Участие в социально значимой деятельности определяется в первую очередь интересами подростка, его личными предпочтениями. В процессе взаимодействия он чаще всего отводит себе роль добросовестного исполнителя данных ему поручений и при этом стремится к положительному результату, к высокой оценке своей работы со стороны окружающих. В процессе установления контактов с представителями местного сообщества и «примеривания на себя» новых социальных ролей подростку иногда требуется помощь социального педагога.

Подросток с таким уровнем социальной активности в целом характеризуется требовательностью к себе, положительным отношением к социально значимой деятельности, заинтересованностью в решении социальных проблем.

*Социально-инертный (средний) уровень* сформированности социальной активности указывает на наличие общих, поверхностных, нечетких представлений о социально значимых качествах личности, о социальных нормах и правилах взаимодействия, о местном сообществе как социальном целом. При этом подросток редко считается с интересами коллектива, проблемы местного сообщества его интересуют выборочно, что обусловлено его концентрацией на собственных интересах и потребностях. В связи с тем, что мотивационно-потребностная сфера такого подростка носит чаще всего эгоистичный характер, его самооценка является необъективной.

Участие в общественно полезной деятельности чаще всего происходит под влиянием «извне», под контролем взрослого и не приносит подростку удовольствие, поскольку подросток выступает в роли исполнителя, которого заставили делать то, что ему не нужно. В связи с этим проявление потребности в самореализации и стремление к достижению успеха ситуативные, обусловлены эмоциональным состоянием. Чаще всего такой подросток не испытывает желания сотрудничать с представителями местного сообщества, демонстрируя свою незаинтересованность, и, как следствие, новые социальные роли осваивает неохотно.

Таким образом, подросток со средним уровнем социальной активности характеризуется безынициативностью, несформированностью ответственности и требовательности к себе.

Для *социально-избегающего (низкого) уровня* показательны

нечеткие представления о социально значимых качествах личности, социальных нормах и правилах поведения, обрывочные и поверхностные знания о местном сообществе как социальном целом (или их отсутствие).

Подросток не способен к объективному оцениванию своих действий и отличается часто неадекватной реакцией в процессе коммуникации как с ровесниками, так и с взрослыми; характеризуется неразвитой способностью к рефлексии, что проявляется в отсутствии анализа собственных поступков и эмоциональных реакций. Он не проявляет интереса к проблемам местного сообщества, уходит от их обсуждения, игнорирует участие в общественно полезной деятельности. Часто такие подростки характеризуются отсутствием умения контактировать и взаимодействовать с людьми в соответствии с социальными нормами и правилами поведения.

Безразличие к проблемам местного сообщества, избегание совместной социально полезной деятельности свидетельствует об отсутствии у подростка потребности в самореализации, инициативы, ответственности и мотивации к достижению успехов в решении проблем местного сообщества.

Среди таких подростков можно выделить два типа: первый – равнодушный; второй – асоциальный, для которого характерно внутреннее неприятие социальных норм поведения, склонность к проявлению разного рода девиаций, агрессия по отношению к просоциально настроенным сверстникам, стремление к созданию асоциальных группировок.

Таблица 2

**Характеристика уровней сформированности социальной активности у старших подростков**

Критерии		Показатели			
		Уровни сформированности социальной активности			
Показатели		инициативный (высокий)	исполнительский (достаточный)	социально-инертный (средний)	социально-избегающий (низкий)
Когнитивный критерий	Знание социальных норм и правил поведения	Наличие системы знаний о социальных нормах и правилах поведения и высокая степень готовности к их активному использованию	Наличие знаний о социальных нормах и правилах поведения	Общие, поверхностные, неконкретные знания о социальных нормах и правилах поведения	Нечеткие знания о социальных нормах и правилах поведения /или их отсутствие
	Представление о местном сообществе как социальном целом	Наличие системы знаний о местном сообществе как социальном целом и высокая степень готовности к их активному использованию	Совокупность знаний о местном сообществе как социальном целом	Общие, поверхностные знания о местном сообществе как социальном целом	Нечеткие знания о местном сообществе как социальном целом/или их отсутствие

Критерии	Показатели				
	Показатели	Уровни сформированности социальной активности			
		инициативный (высокий)	исполнительский (достаточный)	социально-инертный (средний)	социально-избегаящий (низкий)
	Осведомленность о социально значимых качествах личности	Наличие системы знаний о социально значимых качествах личности и высокая степень готовности к их активному использованию	Наличие представлений о социально значимых качествах личности	Общие, поверхностные, неконкретные знания о социально значимых качествах личности	Нечеткие представления о социально значимых качествах личности/или их отсутствие
	Способность к рефлексии и объективной самооценке	Высокоразвитая способность к рефлексии. Проявляет независимость и самостоятельность в собственных оценочных суждениях. Адекватная самооценка	Способность к рефлексии. Иногда демонстрирует категоричность собственных оценочных суждений, что связано с процессом становления самооценки.	Способность к рефлексии находится в процессе развития. Самооценка несформирована	Способность к рефлексии не сформирована. Неадекватная самооценка.
Потребностно-мотивационный критерий	Потребность в самореализации в социально значимой деятельности	Наличие ярко выраженной способности к самореализации в социально значимой деятельности	Существует потребность в самореализации в социально значимой деятельности как исполнитель	Проявление потребности в самореализации ситуативное, обусловленное эмоциональным состоянием подростка	Отсутствие потребности в социально значимой самореализации
	Готовность действовать в интересах местного сообщества (общества)	Проявляет постоянную готовность действовать в интересах местного сообщества (общества)	Готовность действовать в интересах местного сообщества (общества) проявляется только в определенных видах деятельности	Готовность действовать в интересах местного сообщества (общества) является ситуативной	Характерно равнодушие к деятельности в интересах местного сообщества (общества) или негативное отношение к общественно полезной деятельности
	Достижение успеха в общественно полезной деятельности	Стремиться к достижению успеха в достижении поставленных целей	Стремиться к положительному результату, к высокой оценке своей работы со стороны окружающих	Стремление к достижению успеха ситуативное, обусловленное эмоциональным состоянием подростка	Желание достичь успехов в общественно полезной деятельности отсутствует
Деятельностный критерий	Умение взаимодействовать с разными людьми	Проявляет умение самостоятельно взаимодействовать с представителями местного сообщества	В процессе коммуникации с представителями местного сообщества и «примирения на себя» новых социальных ролей подростку иногда требуется помощь социального педагога	Зачастую подросток испытывает коммуникативные трудности в налаживании межличностных отношений с представителями местного сообщества, и, как следствие, новые социальные роли осваивает неохотно.	Характеризуется отсутствием умений и навыков взаимодействовать с людьми в соответствии с социальными нормами и правилами поведения
	Активность в различных видах общественно	Постоянно участвует в общественно полезной деятельности	Участие в социально полезной деятельности,	Участие в социально значимой деятельности чаще	Игнорирует участие в общественно полезной деятельности или, в

Критерии	Показатели			
	Уровни сформированности социальной активности			
	инициативный (высокий)	исполнительский (достаточный)	социально-инертный (средний)	социально-избегающий (низкий)
Показатели				
й деятельности		определяется в первую очередь интересами подростка, его личными предпочтениями.	всего происходит под влиянием «извне», под контролем взрослого	крайнем случае, намеренно мешает
Инициативность, ответственность, требовательность к себе в решении проблем местного сообщества	Проявляет инициативность, ответственность, требовательность к себе в решении проблем местного сообщества	Проявляет требовательность к себе и положительное отношение к деятельности, направленное на решение социальных проблем	Демонстрирует безынициативность, несформированность ответственности, требовательности к себе. Проблемы местного сообщества интересуют выборочно, что обусловлено его концентрацией на собственных интересах и потребностях.	Безразличие к проблемам местного сообщества, равнодушие и избегание совместной социально полезной деятельности

Для получения представлений об уровне сформированности социальной активности у подростков необходимо провести психолого-педагогическое диагностирование.


Под диагностированием мы понимаем изучение с помощью психолого-педагогических методов индивидуальных особенностей учащихся, отслеживание изменений, происходящих в их личностном развитии, выявление проблем и трудностей у участников воспитательного процесса, изучение взаимоотношений между ними.

В соответствии с результатами диагностирования, осуществляется планирование и коррекция воспитательной работы, которая проводится в школе по формированию социальной активности учащихся.

Для проведения диагностирования необходимо использовать традиционные методы исследования: шкалирование (техники сортировка, ранжирование); методы опроса (анкетирование, беседа, опрос-анкеты, личностные опросники: опросники мотивов и ценностей).

Содержательной характеристикой метода субъективного шкалирования является его направленность на изучение процессов познания и восприятия конкретным человеком окружающей действительности, других людей, самого себя. Это достигается путем моделирования категориальных структур индивидуального сознания и реконструкции на этой основе системы индивидуальных значений, личностных смыслов, самых различных областей субъективного опыта [3, с. 190].

Данный метод используется в методике изучения ценностных



ориентаций М. Рокича (ранжирование), Q-сортировки (Q-sort, Q-technique) В. Стефенсона (сортировка) и самооценки личности Л. Столяренко.

Специфика методов опроса (анкетирование, беседа, опрос-анкеты, личностные опросники) заключается в получении психологической информации на основе речевого (письменного) общения [4, с. 54].

На основе требований к составлению такого вида инструментария нами были разработаны и апробированы анкеты и опросники [2, с. 33-40].

Представленный комплекс методик позволяет получить объективные данные относительно уровня сформированности у старших подростков социальной активности.

*Социальная осведомленность* старших подростков измеряется показателями: осведомленность о социально значимых качествах личности, знание социальных норм и правил поведения, представление о местном сообществе как социальном целом, способность к рефлексии и объективной самооценке (*когнитивный критерий*). Для этого применяются: методика «Ценностные ориентации» (М. Рокича); анкета «Знание норм и правил поведения в обществе»; методика Л. Столяренко (тест «Самооценка»), анкета «Самооценка деятельности ученика», опросник для учителей; опросник «Знание проблем местного сообщества».

*Просоциальная направленность* старших подростков оценивается по *потребностно-мотивационному критерию*. Его показателями являются: наличие потребности в самореализации, внутреннего мотива достижения успеха в общественно полезной деятельности, готовность действовать в интересах местного сообщества. Для этого применяются: методика определения направленности личности (Б. Басс), Методика измерения мотивации успеха (Т. Элерса), анкета «Участие в общественной деятельности».

Степень сформированности у старших подростков *просоциального поведения*, проявляющегося в ориентации действий подростка на социально одобряемые нормы, ценности, суждения, убеждения, устойчивость и самостоятельность линии поведения, наличие у подростка осознанной социальной позиции, которая реализуется и отстаивается им в местном сообществе, позволяет оценить *деятельностный (праксеологический) критерий*, показателями которого являются: активность в социально значимой деятельности, умение взаимодействовать с людьми, разными по возрасту, профессии, должности и т.д., инициативность, ответственность, требовательность к себе в решении проблем местного сообщества. Для этого применяются: аддитивная методика И. Соломина; методика Q-сортировки (Q-sort, Q-technique) В. Стефенсона; анкета «Участие в общественной деятельности», опросник для учителей.



Предлагаем перечень методик, которые необходимо использовать для диагностирования уровня сформированности социальной активности подростков (Таблица 3).

Таблица 3

**Диагностическая карта формирования социальной активности у старших подростков во взаимодействии школы и местного сообщества**

Компоненты	Критерии	Показатели	
Социальная осведомленность	Когнитивный критерий	Осведомленность о социально значимых качествах личности Знание социальных норм и правил поведения Представление о местном сообществе как социальном целом Способность к рефлексии и объективной самооценке	Методика изучения «Ценностные ориентации» (М. Рокич) Анкета «Знание норм и правил поведения в обществе» Опросник «Знание проблем местного сообщества» Методика самооценки личности (Л. Столяренко) Анкета «Самооценка деятельности ученика»
Просоциальная направленность	Потребностно-мотивационный критерий	Потребность в самореализации в социально значимой деятельности Достижение успеха в общественно полезной деятельности Готовность действовать в интересах местного сообщества	Анкета «Участие в общественной деятельности» Методика измерения мотивации к успеху (Т. Элерс) Методика определения направленности личности (Б. Басс)
Просоциальное поведение	Деятельностный (праксеологический) критерий	Активность в различных видах общественной деятельности Умение взаимодействовать с разными людьми Инициативность, ответственность, требовательность к себе в решении проблем местного сообщества	Анкета «Участие в общественной деятельности» Аддитивная методика И. Соломина Опросник для учителей Методика «Шкала социальной компетентности» (А. Прихожан) Методика «Q-сортировки (Q-sort, Q-technique)» (В. Стефенсон)

**Результаты исследований.** Разработанный нами критериально-диагностический инструментальный применялся в процессе проведения

опытно-экспериментальной работы, целью которой являлась апробация технологии формирования социальной активности старших подростков во взаимодействии школы и местного сообщества.

Анализ данных опытно-экспериментальной работы показал, что в экспериментальной группе существенно увеличилось количество старших подростков с инициативным (высоким) – на 13,2% и исполнительским (достаточным) – на 17,5% уровнями социальной активности по всем показателям когнитивного, потребностно-мотивационного, деятельностного критериев, а количество подростков с социально-избегающим (низким) уровнем социальной активности значительно уменьшилось – на 10,8%.

Анализ уровней социальной активности у старших подростков контрольной группы показал незначительные положительные изменения.

Результаты представлены в гистограмме (Рис. 1).

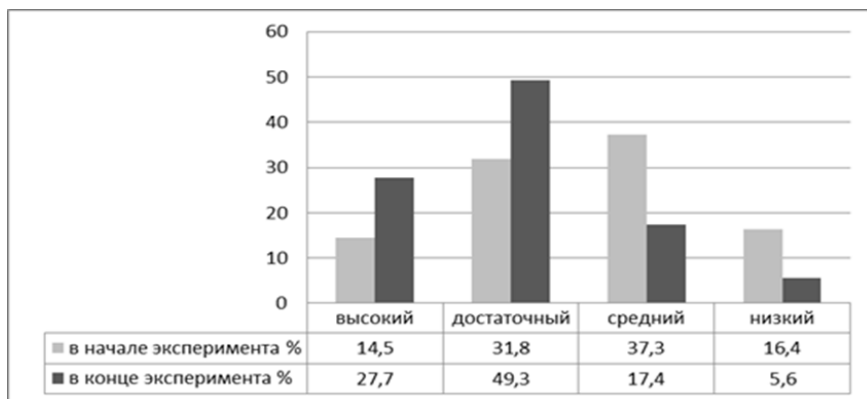



Рис. 1. Уровень сформированности социальной активности у старших подростков экспериментальной группы (констатирующий и формирующий этапы эксперимента)

Выполненная нами опытно-экспериментальная работа подтвердила эффективность и перспективность разработанной педагогической технологии формирования социальной активности старших подростков во взаимодействии школы и местного сообщества, что позволило нам рекомендовать ее к широкому внедрению в деятельность общеобразовательных организаций.

**Выводы.** Таким образом, социальная активность личности рассматривается как интегративное качество, которое включает



соціальні знання і досвід, потреба в самореалізації і досягненні суцільно значимих цілей, характеризується напруженістю на різні види суцільно корисної діяльності, готовістю індивіда брати на себе відповідальність за прийняті рішення і суцільні дії і проявляється в конкретній суцільно значимій діяльності.

Формування і розвиток даного якості є найбільш ефективним, якщо ввести в діяльність суцільноосвітньої організації (установи) технологію формування у старших підлітків суцільно активності в взаємодії школи і місцевого суцільноства. Її застосування забезпечує засвоєння і вироблення старшим підлітком суцільно досвіду, його гармонічне входження в суцільно життя, формування у нього суцільно активності, ініціативності і відповідальності за розвиток своєї країни.

### **Л и т е р а т у р а**

1. Абрамова С. В. Сучасні наукові підходи до визначення поняття «суцільно активність особистості» / С. В. Абрамова // Освіта на Луганщині. Науково-методичний журнал. – 2011. – № 2 – С. 128 – 133.

2. Абрамова С. В. Післядипломна педагогічна освіта: Формування в учнів суцільно активності у взаємодії школи і громади: навчальний посібник для самостійної роботи слухачів курсів підвищення кваліфікації / С. В. Абрамова. – Луганськ. : СПД Резніков В. С., 2013. – 80 с.

3. Бурлачук Л. Ф. Психодіагностика: Учебник для вузів. 2-е изд. / Л. Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2010. – 384 с.


4. Моргун В. Ф. Основи психологічної діагностики. Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / В. Ф. Моргун, І. Г. Тітов. – К.: Видавничий Дім «Слово», 2009. – 464 с.

5. Постанова Луганської Народної Республіки от «04» жовтня 2016 року № 532 «Об утверждении Программы духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов Луганской Народной Республики на 2016-2020 годы»

6. Скляр П. П. Інноваційні підходи та особливості в підготовці фахівців суцільно сфери / П. П. Скляр, Т. Є. Мальцева, С. І. Нетьосов. – Луганськ : вид-во СНУ ім. В. Даля, 2014. – 248 с.

7. Скляр П. П. Громадянськість як завдання гуманізації сучасної освіти: монографія. / П. П. Скляр, Т. Є. Мальцева. – Луганськ : вид-во СНУ ім. В. Даля, 2014. – 296 с.

8. Скляр П. П. Гуманістичні аспекти пошуку ефективності сучасної освіти : монографія / П. П. Скляр, Т. О. Уманська. – Луганськ : вид-во СНУ ім. В. Даля, 2012. – 216 с.



9. Харланова Е. М. Развитие социальной активности студентов педува в деятельности студенческого педагогического отряда : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Харланова Елена Михайловна. – Челябинск, 2002 – 180 с.

### References

1. Abramova S. V. Suchasni naukovi pidhodi do viznachennya ponyattya «social'na aktivnist' osobistosti» / S. V. Abramova // Osvita na Luganshchini. Naukovo-metodichnij zhurnal. – 2011. – № 2 – S. 128 – 133.

2. Abramova S.V. Pislyadiplomna pedagogichna osvita: Formuvannya v uchniv social'noi aktivnosti u vzaemodii shkoli i gromadi: navchal'nij posibnik dlya samostijnoi roboti sluhachiv kursiv pidvishchennya kvalifikacii / S. V. Abramova. – Lugans'k. : SPD Reznikov V.S., 2013. – 80 s.

3. Burlachuk L.F. Psihodiagnostika: Uchebnik dlya vuzov. 2-e izd. / L.F. Burlachuk. – SPb.: Piter, 2010. – 384 s.

4. Morgun V.F. Osnovi psihologichnoi diagnostiki. Navchal'nij posibnik dlya studentiv vishchih navchal'nih zakladiv / V.F. Morgun, I.G. Titov. – K.: Vidavnicij Dim «Slovo», 2009. – 464s.

5. Postanovlenie Luganskoj Narodnoj Respubliki ot «04» oktyabrya 2016 goda № 532 «Ob utverzhenii Programmy duhovno-nravstvennogo vospitaniya uchashchihsya i studentov Luganskoj Narodnoj Respubliki na 2016-2020 gody»

6. Sklyar P. P. Innovacijni pidhodi ta osoblivosti v pidgotovci fahivciv social'noi sferi / P.P. Sklyar, T.С. Mal'ceva, S.I. Net'osov. – Lugans'k : vid-vo SNU im. V. Dalya, 2014. – 248 s.

7. Sklyar P. P. Gromadyans'kist' yak zavdannya gumanizacii suchasnoi osviti: monografiya. / P.P. Sklyar, T.С. Mal'ceva. – Lugans'k : vid-vo SNU im. V. Dalya, 2014. – 296 s.

8. Sklyar P.P. Gumanistichni aspekti poshuku effektivnosti suchasnoi osviti : monografiya / P.P. Sklyar, T.O. Umans'ka. – Lugans'k : vid-vo SNU im. V. Dalya, 2012. – 216 s.

9. Harlanova E. M. Razvitie social'noj aktivnosti studentov pedvuva v deyatelnosti studencheskogo pedagogicheskogo otryada : dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.01 / Harlanova Elena Mihajlovna. – CHelyabinsk, 2002. – 180 с.

### **Sklyar P.P., Abramova S.V. CRITERION-DIAGNOSTIC TOOLS FOR DETERMINING THE LEVEL OF FORMATION OF SOCIAL ACTIVITY IN OLDER TEENS**

*The author is revealing the importance of the problem, and testifies, that thanks to the personality development quality, it affects certain social relationships, successfully implementing its stance in a variety of social*



activities.

*Expanding the topic, the author describes the concept of «social activity of the individual», defines the components of the social activity structure of older adolescents, justifies the criteria of development of this characteristic feature of adolescence students, describes the diagnostic tools that determine the level of development of social activity in older teens.*

**Key words:** *social activity of the individual, the structure of social activity of individual, components of the structure of the social activity of the individual, criteria, indicators of development of the social activity of the individual.*

**Скляр Павел Петрович** – директор Института философии и социально-политических наук, профессор, доктор психологических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

**Sklyar Pavel Petrovich** – Director of the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences Professor, Doctor of Psychology, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

**E-mail:** ppsklyar@yandex.ru

**Абрамова Светлана Валентиновна** – старший преподаватель кафедры социальная работа и организации работы с молодежью ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

**Abramova Svetlana Valentinovna** – Senior Lecturer of the Department of Social Work and Organization of Work with Youth, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

**E-mail:** Abramova.72@list.ru

**Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович** – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».


## СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РУСОФОБИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

*В статье рассматриваются основные идейные и мировоззренческие принципы стратегии противостояния русофобии в образовательном процессе. Показаны духовно-психологические, исторические и философские аргументы, которые следует использовать для противостояния русофобским мифам и внедрять в образовательный процесс.*

***Ключевые слова:** русофобия, образовательный процесс, мировоззрение, мифы.*

Причиной распространения русофобской идеологии является не только невежество людей относительно реальной русской истории и культуры, что позволяет легко внушать им какие угодно взгляды, но, в первую очередь, особое духовное состояние народа, при котором он и не хочет знать ничего позитивного о своей Родине, поскольку его «идеал» – «потребительское общество» – хотя частично уже развито и в России, но в силу объективных причин не может (к счастью!) достичь здесь своего полного господства. Но именно это обстоятельство, воспринимаемое такими людьми как якобы «вечная отсталость» России, и является главной причиной распространения русофобии и как особого психологического настроения, и как целой идеологической системы взглядов. *Жизнеспособность России как государства фундаментально зависит от борьбы с русофобией, с ее распространением не только среди наемных лжецов либо «честно заблуждающихся» из числа «интеллектуалов», но и на уровне массового, манипулируемого сознания.*

В последние годы появилось значительное количество научных публикаций, в которых анализируется феномен русофобии. Среди них есть и работы, рассматривающие его духовные истоки и его деструктивное влияние на психику людей. В частности, эти аспекты рассмотрены в статье протоиерея Олега Трофимова «Русофобия: нравственные истоки и содержание» (2016) [3] и статье «Русофобия» на сайте «Психология и психиатрия» [4]. Однако одни лишь просветительские усилия в этом направлении сами по себе мало эффективны не только в силу падения общего культурного уровня людей (это общемировая, а не только




русской тенденция), но прежде всего, в силу того нездорового духовного состояния, которое делает людей неспособными ни к пониманию своей Родины, ни, уже как следствие этого, к патриотизму. Поборить деструктивную идеологию русофобии можно только показав низость и примитивность лежащего в основе нее базового смысла.

Эта низость и примитивность экзистенциального смысла русофобии как общего мировоззрения российской «антисистемы» состоит в гедонистически-эгоистическом отношении к жизни и соответствующем мировоззрении. Оно приводит к тому, что Россия становится предметом ненависти именно как страна, которая не может обеспечить такому гедонисту-эгоисту максимальный комфорт жизни. Еще более глубокий и низменный мотив русофобии – уже не материального, а духовно-демонического свойства. *Это сатанинская гордыня души, не способной ни к какому жертвенному служению Родине, но вместо этого требующей от нее исполнения всех своих эгоистических прихотей.* Но если четко и настойчиво формулировать этот низменный и примитивный базовый смысл русофобии, то очень многие из тех, кто стал русофобом под чьим-то дурным влиянием, излечатся от этой болезни духа, так как такой смысл им тоже отвратителен. Ведь на массовом уровне русофобия, как правило, является результатом внушения и пропаганды, и такие люди просто не осознают ее смысловых оснований. Их просто нужно четко им указать.

Одной из важнейших сфер противостояния русофобии является высшее образование. Оно может выполнить эту функцию только в том случае, если будет опираться на традиционные духовные ценности, сохраненные в Православии. Как отмечал Е.П. Белозерцев, традиционность в образовании есть «дыхание внутреннее, постоянное обращение к собственной истории и культуре, основам народной организации жизни» [2, с. 101]; в свою очередь, сама «душа русского образования – православное воспитание – постоянно питается живительными соками истории и культуры своего народа» [2, с. 262].

В образовательном процессе следует максимально использовать важные характеристики, которые дали русской культуре выдающиеся представители культуры Запада. Например, основоположник американского романа, «декан американской литературы» У. Д. Хоуэллс писал: «Толстой – величайший писатель всех времен, уже хотя бы потому, что его творчество более других проникнуто духом добра, и сам он никогда не отрицает единства своей совести и своего искусства» [Цит. по: 1, с. 56]. А герой повести Т. Манна Тонио Крегер говорит: «достойная преклонения русская литература и есть та самая святая литература» [5, Bd. 8, S. 300]. Таких русских писателей, как Достоевский и Толстой Т. Манн называл




своими учителями, а Толстого – «божеством своей юности». В русской литературе как ни в одной другой отражены основные христианские идеи, не случайно, не зная Библии, невозможно понять идеи, воплощенные во многих произведениях русской литературы. Т. Манн писал о том, что многие герои русской литературы – это истинные подвижники (в христианском понимании этого слова в первую очередь). Христианская идея страдания на этом свете (особенно страдания без вины) и очищения через страдания – одна из высших и центральных идей русской литературы.

Другим важнейшим направлением противостояния идеологической русофобии является разоблачения мифа о так называемом «русском рабстве», в частности, спекулирующий на тему «татаро-монгольского ига» и крепостного права. В преподавании истории важно указывать на то, что без Золотой Орды не было бы и великой России. Россия собрала земли распадавшейся Орды и переняла от нее тип государства, который позднее И. Солоневич назвал «народной монархией». Это убедительно показано в книге Н. Трубецкого «Наследие Чингисхана». Вероятнее всего, без вассалитета у Орды Русь была бы колонизирована Западом и было бы уничтожено Православие. На месте Москвы сейчас была бы восточная окраина Польши. Поляки по части геноцида намного превосходили татар – это показывает история Малороссии 17 века. Татары просто брали дань и не вмешивались во внутренние дела, а поляки всех обращали в рабство – все православное население они называли «быдло» (буквально, «скот»). Вот от этого Русь и спасла Орда, и св. Александр Невский сделал правильный выбор в пользу подданства у Орды и казнив бояревропеизаторов. Об этом – яркая работа Г. Вернадского «Два подвига св. Александра Невского». Фундаментальный факт истории состоит в том, что великую Россию создала именно восточная Московская Русь, которая была вассалом Орды, а западная литовская Русь прозябала в польском рабстве до 18 века, пока ее не освободили. И этим все сказано. И главный антирусский сепаратизм – украинский – это результат западной колонизации. Золотая Орда действительно была великим государством своего времени и превосходила Европу по политической культуре. Европоцентризм – это старая болезнь, которая неизбежно убивает подлинное понимание русской истории.

В свою очередь, избитый тезис о том, что «татаро-монгольское иго» якобы «затормозило развитие страны» – это старый и весьма разрушительный либеральный и советский миф. Как раз наоборот, оно резко ускорило создание единого государства и потом его стремительный рост за счет территорий бывшей Орды, которые оказались бесхозными.






*Великая Россия возникла именно в результате противостояния Орде. Не будь Орды, Русь наверняка оставалась бы и дальше конгломератом склочных княжеств, каким она стала уже в 11 веке, а потом была бы поглочена Речью Посполитой полностью.*

Не менее лжива и русофобская мифология по поводу «крепостного права». Поэтому важно разьяснять реальную суть этого феномена. Крепостное право было заимствовано на Западе – и в Европе оно существовало раньше и в несколько раз дольше, чем России. От Смуты до Петра Первого оно было очень мягким и условным, охватывая только земли вокруг Москвы – т.е. 15-18 процентов населения России. Петр ввел жестокие европейские законы – в том числе, продажу земли вместе с крестьянами, чего раньше никогда не было. Но даже и в послепетровскую эпоху работа на помещика не была особо обременительной. Рабочий сезон в году короткий – около 2-х месяцев – из них на помещика работали 12-15 дней, да еще около 10 дней – воскресенья и церковные праздники, когда работать нельзя. Остальные 10 месяцев в году крестьяне в поле не работали и были абсолютно свободны, уходили на промыслы и т. д. То есть «крепостное право» – это просто небольшая сезонная повинность и не более того. Зато в голодные годы помещик обязан был помогать своим крестьянам зерном, покупая его за свой счет – и все так и делали. Достаточно сравнить это в современными кредитами и ипотекой – когда человек полжизни по сути работает на банк – это и есть настоящее «крепостное право». Можно даже сказать, что современные люди – это бесправные крепостные, и по сравнению с ними наши предки были настолько свободны, что нам и представить себе трудно. Кроме того, территория распространения крепостного права охватывала лишь губернии европейской части России (и далеко не все), а огромная Сибирь, Урал, казачьи земли от Черного моря до Амура и земли севернее Костромы никогда его не знали.


В этом контексте важно давать разьяснения и относительно всего традиционного уклада жизни, который принято называть «феодализмом» и сословным обществом. В традиционном обществе существовало разделение на сословия. Сословный строй основан на *принципе служения* – у крестьян одно служение, у дворян – другое; у духовенства – третье, у царя – четвертое. Здесь все служили каждый своей службой, и поэтому понятие «эксплуатации» к этому типу общества вообще неприменимо. Никакой «эксплуатации» здесь не было, и поэтому «освободить» от нее не нужно было никого. Дворяне были военным сословием, которое защищало страну, в том числе и крестьян. Крестьяне за это их содержали. Жестокие помещики (типа хрестоматийной психически больной «Салтычихи»),



конечно были, но как крайне редкое исключение – один на 100 человек. Таких крестьяне очень часто даже убивали. Убили, например, одного из предков Достоевского. Кто убил обычно было неизвестно, поэтому и наказаний не было. Помещики крестьян убивать не имели права – за это было уголовное наказание. Естественно, и здесь были исключения, но тоже чрезвычайно редкие. Обычно между помещиками и их крестьянами были патриархальные отношения – взаимное уважение и любовь, опиравшиеся на христианскую нравственность.

Царская Россия в начале XX века находилась в состоянии самого стремительного развития – по темпам экономического роста была первой в мире, 3 место по ВВП в мире, а к 1930-му было бы первое, если бы не 1917. Поэтому ее и уничтожили с помощью организации мировой войны и спецоперации, именуемой «революцией». Ложь состоит в утверждении о том, что революция произошла якобы по «объективным причинам». Причины задним числом придумать не трудно, однако именно в 1917 году страна достигла высшей точки своей мощи и развития, и поэтому ее разрушение было явно противоестественным. Это то же самое, если человека убить, а потом сказать – «он сам умер», от внутренних причин. Революции делаются не народом, и не партиями, а тайными организациями, которые финансируются из-за рубежа. Партий было много, но «мировая закулиса» (И. Ильин) выбрала большевиков, потому что они в тот момент были никому не известны и поэтому еще не успели дискредитироваться. (По тому же принципу в настоящее время в президенты Украины та же самая «закулиса» сейчас выбрала комика Зеленского). Большевики устроили искусственный голод в городах, запретив продажу хлеба, и благодаря этому получили огромную Красную армию, в которую люди шли просто за паек, чтобы не умереть с голоду. Хотя социальных люмпенов (бедного пролетариата) в России было намного меньше, чем в Европе и США, всего несколько процентов населения – но и этого было достаточно для формирования армии в миллион человек (а армии «белых» никогда не было больше 150 тыс. Отсюда и результат Гражданской войны. Зарплата рабочих в Российской Империи в 1917 году была одной из самых высоких в мире, поэтому рабочие в основной своей массе в революцию не поддерживали и в Гражданской войне не участвовали. Миф о «пролетарской революции» является бессовестной ложью.

Россия к 1917 году была сверхдержавой – главным конкурентом Запада – поэтому ее и уничтожили руками подставных «революционеров», заранее подготовленных, а затем уже переправленных в Россию иностранными спецслужбами. (Лидеры большевиков – Ленин, Троцкий и




др. до 1917 года жили за границей на содержании этих спецслужб в качестве их «спящих агентов», которых использовали, когда пришло время). 1917 год и разруха Гражданской войны отбросили экономику России на полвека назад. Потом большевики ценой уничтожения миллионов людей вернули стране статус сверхдержавы, но в 1991 получили возмездие от обманутого ими народа.

В этом контексте требует разоблачения и лживый миф о том, что якобы «в форме СССР Россия достигла пика своего могущества и развития». На самом же деле, в период СССР Россия пережила самый катастрофический период своей истории – намного хуже монгольского ига. Хуже – ведь из ига монгольского она вышла великой, а из ига большевистского – смертельно больной и разваленной. Русский народ при СССР был почти уничтожен и превращен в массу без национальности. А главное – почти уничтожено Христианство, а без этого существование народа вообще теряет всякий смысл. А что касается материальных достижений, то СССР здесь вообще не при чем, поскольку такие же достижения были и в других странах, но только не такой кровавой ценой, как в СССР. И если бы не 1917-й год, то материальные достижения были бы намного больше, и население России было бы, как минимум, в полтора раза больше, чем сейчас (а Д.И. Менделеев давал прогноз в 500 миллионов человек к середине 20 века). От советской катастрофы Россия уже не оправится никогда – теперь речь идет только о простом выживании.

Важно разяснить и антихристианский смысл идеологии социализма. Лозунг «равенства», на который опирается любой социализм – это пусковой механизм бесконечной «войны всех против всех». Он делает зависть главным мотивом людей и уничтожает общество, что и произошло в СССР. (А в Камбодже марксисты уничтожили более трети населения страны всего за несколько лет). Социализм – это самое эффективное орудие уничтожения народа – сначала нравственного, а затем и физического (ибо народ завистников уже обречен на вымирание). Якобы «народная», а на самом деле государственная собственность – это абсолютно монополизированная, а поэтому крайне неэффективная частная (бюрократическая) собственность – со всеми вытекающими отсюда последствиями. В СССР никакой «народной собственности» не было, а было всеобщее рабство у государства, которое большевики навязали России с помощью зверского террора.


Вместе с тем, в СССР были и остатки традиционной цивилизации, которые остались в народе от царских времен. В первую очередь, это христианская мораль и трудовая этика, частью которой был и коллективизм. Теперь многие по этим остаткам ностальгируют, наивно не



понимая, что в них на самом деле нет ничего советского. Советский строй их усердно уничтожал, что и привело к обвалу 1990-х. На самом деле, 1990-е были вовсе не новой эпохой, а еще частью советской – ее закономерным финалом. Общий ход русской истории XX века, если отбросить внешний идеологический камуфляж, выглядит следующим образом. Мировая финансовая олигархия («закулиса»), центр которой находится в США и Британии, всегда действует по стандартной стратегии «управляемого хаоса». В 1917 году сначала был организован госпереворот с пленением царя и рассылкой фэйка о его «отречении», затем организован развал армии, затем тайная передача власти уже большевикам, заранее доставленным в Россию из-за рубежа и четкими инструкциями и гарантиями. Одновременно делается вид поддержки белых для продолжения гражданской войны, которую начали красные нападением на чехов и массовыми убийствами в городах (и то, и другое курировал агент Уолл-стрит Троцкий). Общий принцип: «Пусть русские как можно больше убивают друг друга». Большевики становятся выгодным сырьевым придатком Запада. Когда же большевики попытались стать самостоятельными игроками благодаря победе Сталина над Троцким – этот вариант тоже был предусмотрен западными «кураторами». Они начали индустриализацию, на которой Запад очень хорошо заработал, а затем «закулиса» приводит к власти Гитлера с целью войны против СССР. Снова организован «управляемый хаос» в самом страшном виде. Потом СССР дали возможность построить свой вариант «потребительского общества» не просто так – а для того чтобы народ захотел «жить, как на Западе», а номенклатура захотела стать олигархией и иметь виллы на Канарах, что и сделало неизбежным 1991 год.

Нынешние споры «красных» и «белых» лучше всего показывают, что главное злодеяние большевиков – не фактическое (хотя и оно чудовищно), а духовное. Убитые ими миллионы из лучшей части народа – стали мучениками и попали в Царствие Небесное. Но им можно даже позавидовать, потому что тех, кто выжил, довели до состояния манкуртов, находящихся в состоянии духовной смерти. Эти люди уже вообще не способны понять, ЧТО было уничтожено, и наивно хвалятся «успехами СССР». Уничтожено было Священное Царство и на его месте создано безбожное общество.


Главное преступление большевиков – антропологическое: это обвальная деградация народа, которая продолжается и сейчас по заданному ими направлению. Уничтожив высшие сословия, они уничтожили этику чести. Современный человек называет «честью» свою гордыню, потому что вообще не знает, что это такое. Но еще более убийственно уничтожение



крестьянства, ведь колхозник – это не крестьянин, а батрак государства. Для крестьянина труд был высшим счастьем и ему больше вообще ничего не надо было в жизни, а для колхозника – это тоскливая повинность. Поэтому, как только выдали паспорта при Хрущове, молодежь почти вся сбежала в город, а оставшиеся почти все спились уже в 1970-е годы. Не смотря на то, что как раз в это время повысился уровень жизни – но ведь дело не в «уровне» жизни, а в ее смысле, который был уничтожен в 1929-м. В. Солоухин писал в повести «Смех за левым плечом», что его отец прожил после коллективизации 35 лет, но это «уже была не жизнь, а доживание». По большому счету, народа больше нет – ведь городская толпа «потребителей» народом никогда не была и не станет.

На этом фоне удивительны достижения Российской Федерации. Советский ВВП превзойден уже в 1,5 раза. Продажа нефти и газа – это всего лишь 30 процентов российского экспорта и 11 процентов ВВП. Остальной экспорт – это высокотехнологичные товары. Россия не «бензоколонка», а высокоразвитая страна. Сейчас Россия сравнялась с США по экспорту зерна, а СССР зерно, наоборот, закупал в США – не мог себя прокормить. Старые заводы во всем мире заброшены – например, в США Детройт вообще вымер – просто потому, что сейчас другие технологии. Где раньше работали тысячи рабочих, сейчас на всю линию работает несколько человек. Поэтому разрушенные заводы в России – это вовсе не признак упадка, как наивно думают многие, а как раз наоборот – признак развития новых технологий. Эти аспекты современного мира важно разьяснять тем, кто ностальгирует по СССР. Но не менее важен и общий мировоззренческий аспект. Последний касается необходимости коренной трансформации университетских курсов философии, культурологии и религиоведения.

В частности, в рамках преподавания философии, важно рассматривать религию как особый – и притом высший – тип познания. Религия доказывает сотворение Вселенной Богом без помощи науки. Религия не нуждается в науке, поскольку является более высоким типом познания: наука познает только материальный мир, а религия познает мир духовный, недоступный для науки. Вопрос о происхождении Вселенной принципиально выходит за рамки научной компетенции. И не только потому, что теоретические фантазии на эту тему невозможно проверить экспериментально (хотя и этого уже достаточно); но в первую очередь потому, что наука изучает причинность только внутри материального мира, а причина существования самого мира лежит за его пределами – она а priori нематериальна и поэтому не может быть предметом научного исследования, совершенно независимо от уровня развития науки. Она



познается только в религиозном опыте. Поэтому неграмотный дикарь из джунглей, у которого есть сказания о сотворении мира, знает о происхождении Вселенной намного больше, чем Нобелевский лауреат по физике. Наука изучает только материальный мир и причинность только внутри Вселенной. По поводу всего остального наука не имеет права вообще высказываться – это не ее область. Ответ на вопрос о происхождении вселенной лежит абсолютно за пределами компетенции науки – в области религиозного опыта.

Все перечисленные аспекты исторического и культурологического знания необходимо активно вводить в систему гуманитарного образования в виде написания новых учебников по различным учебным дисциплинам и создания спецкурсов для вариативной составляющей учебной программы.

### **Л и т е р а т у р а**

1. Анцыферова О.Ю. Русская литература и художественные искания американских писателей конца XIX века (Г. Джеймс, У. Д. Хоуэллс, С. Крейн): Монография. – М.: «Директ-Медиа», 2015. 151 с.

2. Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы: очерки прикладной философии образования. – Волгоград: «Перемена», 2000. 460 с.

3. Прот. Олег Трофимов. Русофобия: нравственные истоки и содержание // URL: <https://katehon.com/ru/article/rusofobiya-nravstvennye-istoki-i-soderzhanie> (Дата обращения 22.05.2019).

4. Русофобия // URL: <https://psihomed.com/rusofobiya/> (Дата обращения 22.05.2019).

5. Mann Th. Gesammelte Werke. In 12 Bdn. Berlin, 1960.

### **R e f e r e n c e s**

1. Antsyiferova O.Yu. Russkaya literatura i hudozhestvennyie iskaniya amerikanskih pisateley kontsa XIX veka (G. Dzheyms, U. D. Houells, S. Kreyn): Monografiya. – M.: «Direkt-Media», 2015. 151 s.

2. Belozertsev E.P. Obraz i smysl russkoy shkolyi: ocherki prikladnoy filosofii obrazovaniya. – Volgograd: «Peremena», 2000. 460 s.

3. Prot. Oleg Trofimov. Rusofobiya: nravstvennyie istoki i sodержanie // URL: <https://katehon.com/ru/article/rusofobiya-nravstvennye-istoki-i-soderzhanie> (Data obrascheniya 22.05.2019).

4. Rusofobiya // URL: <https://psihomed.com/rusofobiya/> (Data obrascheniya 22.05.2019).

5. Mann Th. Gesammelte Werke. In 12 Bdn. Berlin, 1960.



**Darenskiy V.Ju. STRATEGY OF OPPOSITION OF  
RUSSOPHOBIA IN THE EDUCATIONAL PROCESS**

*The article deals with the basic ideological and ideological principles of the strategy of confrontation of Russophobia in the educational process. Spiritual-psychological, historical and philosophical arguments which should be used for opposition to Russophobic myths and to introduce into educational process are shown.*

**Key words:** *Russophobia, educational process, worldview, myths.*

**Даренский Виталий Юрьевич** – доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии Луганского национального университета им. Т. Шевченко.

**Darenskiy Vitaliy Yurievich** – Doctor of Philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy and sociology of the Lugansk national university named after T. Shevchenko.

**E-mail:** vera\_darenskaya@mail.ru

**Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович** – доктор философских наук, профессор, кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 18: 124.2+101.9


*Кобылкин Д.С.*

**«СМЫСЛ» И «ЗНАЧЕНИЕ» КАК  
КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ  
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. СТАТЬЯ I**

*«Верный в малом и во многом верен,  
а неверный в малом неверен и во многом» (Лук. 16, 10).*

*«Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе.  
(Иак. 2:17)»*

*«Научиться отличить истинную жизнь от жизни, которая есть смерть,  
понять тот смысл жизни, который впервые вообще делает жизнь жизнью, то  
Слово Божие, которое есть истинный, насыщающий нас хлеб жизни»  
(С.Л. Франк).*



*В данном исследовании осуществлен анализ терминов «смысл» и «значение» как культурообразующих элементов, влияющих на формирование общественной жизни. Рассмотрение этих терминов связано с их анализом не в гносеологическом значении, но в онтологическом. Сущность феномена определяется в определенной целостности, смысл которой превращает его осуществление в необходимость. Последнее делает рассмотрение общественной жизни ее подлинной онтологической природе, в ее полноте. Бессмысленный набор знаков может случайно возникнуть, но он не остается как факт культуры. Нравственные ценности культуры приобретают актуальный смысл, если субъект их осознает как онтологически обоснованные, отточенные опытом традиции.*


**Ключевые слова:** *смысл, значение, знак, общественная жизнь, сверхвременность, интенциональность.*

**Постановка проблемы.** Усмотрение в природе знаков связи между ними и их значением предстает для интерпретатора существенную, влияющую на формирование общественных отношений, причинно-следственную связь. Особый интерес представляет смысловое значение знака, в котором информация, отражающая предметное значение знака, вкладываемая человеком, продуцирует его и позволяет влиять на коммуникацию между субъектами. Важным в данной коммуникации ставится вопрос о роли безусловного. Согласно замечаниям, которые делал выдающийся русский философ Е.Н. Трубецкой, задаваться вопросом о безусловном значении – значит отнести сознаваемое к объективному, общезначимому смыслу, к сверхиндивидуальному и сверхпсихологическому содержанию нашего сознания. Не осуществив последнее – наше отношение находится только на уровне восприятия: ощущения, впечатления, эмоции. В связи с этим ставится проблема: или есть эта общезначимая мысль (подразумеваемая значение безусловного), или есть наше мышление – сплошная иллюзия.

**Цель исследования.** Цель логической мысли состоит в том, чтобы не пребывать только на субъективном уровне восприятия. Любая логическая мысль претендует на адекватное понимание предмета – стремясь утвердиться в чем-то безусловном и всеобщем. Последнее же предполагает название смысла или истины, что и является целью исследования.

**Основная часть.** Как принято в академической среде, исследование начать с рассмотрения определения дефиниций. Так, термин «смысл» может быть определен как «внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности. Определяя место феномена в некоторой целостности, смысл превращает его осуществление в необходимость, соответствующую онтологическому порядку вещей. Бессмысленный набор знаков может





случайно возникнуть, но он не остается как факт культуры. Термин «смысл» неявно появляется у Аристотеля как господствующая во всей его метафизике «мысль о целесообразности природы и всего мирового процесса» [Асмус В.Ф. Метафизика Аристотеля. – В кн.: Аристотель. Соч., т. 1. М., 1976, с. 32. Цит по: 5]. Согласно Аристотелю, мир не представлялся дурно написанной трагедией, но гармоничной целостностью, исходная причина и конечная цель которого восходит к Богу.


Религиозное же представление, отождествляющее Бога с логосом, дополняет и уточняет, по нашему мнению, мысль Аристотеля. Так, монотеизм предлагает путь обретения смысла собственного существования через внутреннее преображение на пути единения с Богом. То есть вопрос о целесообразности природы и всего мирового процесса снимается вопросом о сущностном различии и способности взаимосвязи между тварным миром и Творцом. В монотеистических религиях усматривают смысл человеческой жизни в восстановлении утраченного в акте грехопадения единения с Богом – как обретение вечной жизни в Боге или как **теозис – обожение человека**.

Что же касается термина «значение», то, как его истолковывают в семиотике, – это объект, который обозначается, замещается, репрезентируется другим объектом – знаком; между двумя объектами, выступающими соответственно в роли знака и значения, в процессе семиозиса устанавливается отношение обозначения. Установление такого отношения зависит от природы знаков: для индексов, иконических и сопричастных знаков можно сказать, что *интерпретатор усматривает существующую (реальную или воображаемую) связь между знаком и его значением, которая состоит в причинно-следственной связи между ними, их сходстве или в наличии общей природы у знака и его значения*, тогда как для условных знаков отношение обозначения устанавливается интерпретатором произвольно или по соглашению с другими интерпретаторами (выделено – К.Д.) [5].

Так, в семантике отношение между знаками и их значениями является центральным предметом. Исследователь здесь абстрагируется от такого компонента семиозиса, как интерпретатор. В качестве особого раздела выделяется в лингвистике – лингвистическая семантика, в логике – логическая семантика.

Со знаком обычно в семиотике связывается несколько типов значений: предметное, смысловое и др. Нас же интересуют первые два.

Под предметным значением подразумевается тот объект, который способен замещаться, репрезентироваться указанным знаком. Разные знаки



одного и того же языка способны иметь в качестве их предметного значения одинаковый объект(ы). Тождественность предметных значений знаков мы называем синонимами.


Многозначность терминов в логической семантике обычно рассматривается как недостаток естественного языка. При построении искусственных формализованных языков знак приобретает только одно значение. Многозначность знаков в лингвистической семантике в естественных языках рассматривается как главное свойство языка, способного к увеличению его выразительных черт, что служит базой для создания аллегорий и метафор.

Под *смысловым значением* знака подразумевается та информация о предметном значении, которую несет знак, вкладываемая человеком, продуцирующим его, и понимаемая субъектом, воспринимающим знак (выделено – К.Д.).

Последнее определение «значения» для нас представляет особый интерес. Это связано с соотношением к смыслу. Спрашивать о смысле, как точно замечает выдающийся русский философ и правовед Е.Н. Трубецкой, это значит задаваться вопросом о безусловном значении чего-либо. В таком мысленном значении последнее не должно зависеть от субъективного восприятия, от произвола индивидуальной мысли. «Спрашиваем ли мы о смысле какого-либо непонятого нам слова, о смысле какого-либо нашего переживания или целой нашей жизни, вопрос всегда ставится о всеобщем и безусловном значении чего-либо: речь идет не о том, что значит данное слово или переживание для меня или для кого-либо другого, а о том, что оно должно значить для всех» [7, с. 5].

По мнению русского философа, «так понимаемый "с-мысл" есть логически необходимое предположение и искомое всякой мысли». Что имеется в виду? Основная цель логической мысли в том, чтобы не быть лишь субъективным восприятием. В связи с этим любая логическая мысль стремится утвердиться в чем-то безусловном и всеобщем. Последнее же предполагает название *истины или смысла* (выделено – К.Д.). В случае, если же мысль лишь субъективная, не достигающая цели этого стремления, мысль, не способная стать общезначимой, отбрасывается всяким логически мыслящим как бессмысленная. В таком случае, «смысл» есть общезначимое мысленное содержание, или, что то же, общезначимая мысль, которая составляет обязательное для всякой мысли искомое.

Согласно Трубецкому, со-знать именно и значит – осмыслить, т. е. создаваемое отнести к общезначимому, объективному смыслу. Наши переживания на уровне ощущений, впечатлений и эмоций – еще не то, что мы называем нашим осознанием; «со-знаю я только с того момента, когда



мысль моя, возвышаясь над воспринимаемым, относит его к какому-либо общезначимому мысленному содержанию, утверждаемому как "смысл"» (там же).


В этом значении слова «смыслом» мы именуем то, что мы сознаем, «сознать» именно и значит облечь что-либо в форму общезначимой мысли. Все то, что не поддается такому выражению, – тем самым находится за пределами возможного сознания.

В этом значении смыслом можно именовать решительно все, что способно быть выражено в мысли без различия ценного и неценного. ... Так, понимаемый «смысл» может выразиться как в положительной, так и в отрицательной оценке любого предмета нашего познания.

Однако более важное замечание, по нашему мнению, замечает русский философ, что кроме этого общего значения слово «смысл» имеет еще другое, специфическое значение положительной и общезначимой ценности, и именно в этом значении оно понимается, *когда ставится вопрос о смысле жизни*. «Чтобы искомое нами сознание смысла жизни было ясным и глубоким, мы должны сначала отдать себе отчет в необходимых предположениях всякого сознания. С одной стороны, материалом нашего сознания служат разнообразные психологические переживания – ощущения, впечатления, чувствования. С другой стороны, как уже было выяснено, самый акт сознания выражается в отнесении всего этого психологического материала к чему-то общезначимому и постольку – сверхпсихологическому – к смыслу» [7, с.5].

Трубецкой недвусмысленно замечает, что либо есть эта общезначимая мысль, либо все наше мышление – сплошная иллюзия. А именно, надо раз и навсегда отрешиться от той ложной психологической теории, которая утверждает, будто в сознании мы имеем дело только с состоянием нашей психики. Если бы это было так, то у нас отсутствовал бы факт сознания. Если бы вся духовная жизнь человека исчерпывалась изменчивыми психическими состояниями, он не смог бы возвыситься над ними, и отнести их к чему-то сверхпсихическому, т.е. со-звать их, что носит название «смысла».


Русский философ справедливо отмечает об идее всеобщности как «состояния сознания». Так, «смотрящие вдаль на берегу реки, несомненно, видят и переживают эту даль по-разному: между ними могут быть дальновзоркие, близорукие, дальтонисты, люди с тонким слухом или глухие; стало быть, "состояния сознания" у них – различные. И тем не менее смысл их переживаний – "пароход идет вниз по течению" – один и тот же» [7, с. 8]. Автор настаивает, что смысл обладает свойством всеобщности и безусловности и обязателен для каждого.



Другая существенная особенность «смысла», – как указывает Трубецкой, – *смысл по существу неизменен и неподвижен*. «В "состояниях сознания" наблюдателей на берегу реки в вышеприведенном примере каждый миг отличается от всех предыдущих и последующих. Нарастает дым, то беловатый, то черный, нарастают и меняются звуки; судно, плывущее и приближающееся, то скрывается за лесистыми линиями извилистых берегов, то вновь показывается. Но, как бы ни менялась картина, ее общий смысл – "пароход идет вниз по течению" – остается один и тот же; как бы ни была изменчива картина или событие, которое мы наблюдаем, смысл наблюдаемого всегда сверхвременен, всегда облечен в форму вечности» (там же). В несколько ином ключе данный аспект смысла истолкован, тоже не менее великим русским мыслителем, С.Л.Франком.

Он использует термин по отношению к смыслу, который может вневременное и сверхвременное содержание заключать. «Один из двух основных типов суждений об отвлеченно-общем, – заключает в себе всякое знание, которое содержит полагание общей определенности и что всякая такая определенность по самому своему смыслу выходит за пределы «имманентного материала», ибо вневременна и потому не укладывается во временные пределы восприятия. В тетиическом суждении об отвлеченно-общем то, на что направлено знание, есть идеальная, вневременная сторона реальности, по логическому своему существу только «мыслимая», и потому никогда не «данная». Кому это еще неясно – тому остается поучиться у платонова Сократа. Ведь смысл суждений об отвлеченно-общем в том и состоит, что мы говорим "о самом содержании" как таковом, а не о том, что в реальном бытии с ним связывается, например о красноте как таковой, а не о свойствах красных вещей, о числе «два», а не об особенностях каких-либо двух вещей и т. п.» [9, с. 71].

А сверхвременное содержание означает сферу объективно-трансцендентную, но доступную для познания человеческого сознания. «Сознание как временной поток неотделимо от своего «русла» – от вневременной своей основы: оно есть по самому существу своему поток, объемлющий сам себя; движение не только сочетается в нем с объемлющим его единством и постоянством, но оно и возможно только как движение в едином, на почве высшего единства. Чтобы иллюстрировать это отношение проникнутости «малой сферы» «большой», можно было бы сравнить его с отношением ограниченной части пространства к пространству в целом. Подобно тому как всякая геометрическая фигура мыслима только на почве пространства вообще, и не только внешним образом окружена пространством, но и целиком погружена в него, и в себе самой, т. е. даже в своей ограниченной сфере, заключает тот синтез,




который лежит в основе пространственности как таковой, так и «малое сознание», сознание как поток актуальных переживаний в себе самом включает ту сверхвременную основу, в силу которой становится доступной и необходимой и запредельная ему сфера. Это не значит, что намеченное нами различие между сферой имманентных образов и сферой, объемлющей также то трансцендентное, на что эти образы указывают, теряет всякое значение; напротив, поток актуальных переживаний и безграничная область объективного бытия, косвенно доступная нам через этот поток, суть явственно разные области. Но в качестве таких реально различных, логически отделимых областей, относящихся, друг к другу как часть к целому, это суть области уже в пределах самого всеобъемлющего бытия, на почве самой универсальной вневременной основы». Далее Франк добавляет: «Сознание для себя самого никогда не может быть простой совокупностью переживаний, а в каждом малейшем своем содержании включает отношение направленности на запредельное. Гносеологически допустимо только такое понятие сознания, которое в себе уже содержит отношение к трансцендентному: сознание в этом смысле есть поток актуальных переживаний, объединенный сверхвременным единством и тем самым уже содержащий в себе самом отношение к своему запредельному. Сознание, по существу, есть «интенциональность», переживание, состоящее не в какой-либо простой наличности известных отграниченных состояний, а в направленности на иное, запредельное» [9, с. 152].

Интересен тезис, используемый Франком: «Сознание, по существу, есть "интенциональность"». Он отмечает, что «различие между сознанием как совокупностью актуальных переживаний и вне его стоящим предметным бытием уже производно и опирается на единственно возможное первичное понятие сознания как *направленности*. Сознание в этом смысле есть не «круг» – все равно, «малый» или «большой», – а скорее сравнимо с пучком лучей, который, исходя из одной точки, расширяется в безграничность, и, ничего не замыкая в себе, потенциально все захватывает (выделено – К.Д.) (там же).

Что может значить собой эта направленность в более широком смысле? Например, смысл в контексте, как уже было выше замечено, положительной и общезначимой ценности (Е.Н. Трубецкой).


Так, субъект, с одной стороны, смыслом жизни, по мысли знаменитого психолога и психиатра В. Франкла, не может иметь наслаждение, ибо оно есть внутреннее состояние субъекта. По той же логике человек не может стремиться к счастью, он может искать лишь причины для счастья. Борьба за существование и стремление к продолжению рода также оправданны лишь постольку, поскольку сама



жизнь уже обладает каким-то независимым от этого смыслом. Положение об уникальности смысла не мешает Франклу дать также содержательную характеристику возможных позитивных смыслов. Для этого он вводит представление о ценностях – смысловых универсалиях, кристаллизовавшихся в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми обществу или человечеству пришлось сталкиваться в истории. Это позволяет обобщить возможные пути, посредством которых человек может сделать свою жизнь осмысленной: во-первых, с помощью того, что мы даем жизни (в смысле нашей творческой работы); во-вторых, с помощью того, что мы берем от мира (в смысле переживания ценностей), и, в-третьих, посредством позиции, которую мы занимаем по отношению к судьбе, которую мы не в состоянии изменить. Соответственно этому членению выделяются три группы ценностей: ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения.

С другой стороны, может быть и такой смысл, который отражен в позиции английского социолога Г. Спенсера. «Пантеизм и материализм провозглашают, что смысл жизни в ней самой. Тогда сохранение жизни и рост жизненной активности оказываются высшими ценностями. Эволюционная этика Г. Спенсера и его идейных продолжателей исходит из того, что высшие духовные способности и стремления человека – это эволюционно возникшие приспособления *в борьбе за существование, за овладение жизненными ресурсами*» (выделено – К.Д.) [5]. Этот подход больше напоминает то отношение субъекта, которое Франк назвал самосохранением, находящимся в рамках биогенеза, о чем мы отмечали в одной из своих статей [4]. Однако самого понятия как явления «самосохранения» слишком мало, т.е. является недостаточным в контексте развития человека как личности, – живого индивидуального «я»: живого, полного и плодотворного нравственного сознания (С.Л.Франк). Поскольку необходимо признание творчества или же саморазвития как исходное свойство бытия, которое имеет принципиальное значение, выходящее далеко за пределы одного объяснения биогенезиса. Даже «закон, – по замечанию Франка, – зависит от бытия и действия субстанции [4, с. 81].

Рассматривая вопрос об интенциональности применительно к диалектике взаимоотношений терминов «смысла» и «значения», укажем на учение В. Франкла о смысле жизни, в котором краеугольным камнем выступает рассмотрение основного тезиса этого учения: *«Жизнь человека не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах; смысл жизни всегда может быть найден»* [10, с. 16]. Как это может быть понято и истолковано? Несколько выше автор рассуждает следующим образом. Он вводит понятие «сверхсмысл», которое означает смысл того целого, в свете




которого приобретает смысл человеческая жизнь, то есть о смысле Вселенной, о смысле бытия, о смысле истории. В его теории логотерапии религиозная вера занимает особое место. Совесть и ответственность, к которым апеллирует логотерапия, присущи и религиозным и нерелигиозным людям. Отличие, согласно Франклу, заключается лишь в том, что нерелигиозный человек не задается последним вопросом – перед кем он несет ответственность за реализацию смысла своей жизни. Для человека религиозного этой последней высшей инстанцией является Бог. *Бог для Франкла* – это тот собеседник во внутреннем диалоге, к которому обращены наши наиболее сокровенные мысли. Тем самым *Бог в логотерапии* – *это персонализированная совесть*, таящийся в каждом человеке, – в каждом, поскольку у каждого человека, по Франклу, существует глубинное стремление к общению с подобным собеседником (хотя у многих это стремление глубоко вытеснено)» (там же).

Одной из главных составляющих, по нашему мнению, является роль, отведенная значению. Так, Франкл, проводя ретроспективный обзор, отмечает, что «глубинная психология забывает, что ее противоположностью является не поверхностная, а вершинная психология... Глубинная психология в чести, но "лишь вершина человека – это человек (Парацельс)". Выготский: «Наше слово в психологии: от поверхностной психологии – в сознании явление не равно бытию. Но мы себя противопоставляем и глубинной психологии. Наша психология – вершинная психология (определяет не «глубины», а «вершины» личности)» [Выготский Л. С. Собр. соч. в 6-ти т. М., т. 1, 1982, с. 166. Цит по: 10, с. 20].

В понимании важной роли «значения» для человека в его развитии Франкл выражает подобную С.Л. Рубинштейну идею. В ней подчеркивается не столько гносеологический характер, но онтологический. Согласно Франклу: «Не только мир существует в сознании... но и сознание существует в мире, "содержится" в нем, сознание "имеет место"» [Frankl V.E. *Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn*. München, Piper, 1979, p. 236. Цит по: 10, с. 20]. Согласно Рубинштейну: «Человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию» [Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 262. Цит по: 10, с. 20]. Оба автора выражают в них, что позднее было названо российским психотерапевтом Ф.Е. Василюком «онтологией жизненного мира», – т.е. показывая неразрывное единство человека и мира.

Наиболее отчетливо эту грань отразил С.Л. Франк: «... неверно, что живое личное самосознание, которое мы называем "я", совпадает с гносеологическим субъектом, с "познающим". Субъект познания есть, правда, принадлежность "я", но из того, что познающий есть "я", не




следует, что "я" тождественно с познающим, с чистым "субъектом". Чистый субъект познания есть как бы совершенно безличная, бескачественная, неподвижная точка; мое "я" есть, наоборот, нечто живое, качественно неповторимо своеобразное, полное содержания и внутренней жизни. Погружение в чистое созерцание, превращение себя в чистый "субъект познания" связано всегда с исчезновением живого индивидуального "я"» [8, с. 48].

Еще одной точкой соприкосновения экзистенциального анализа Франкла хотелось бы указать на ее связь с советской психологией – о роли предметной деятельности в становлении личности. Позиции Франкла перекликаются с позициями А.Н. Леонтьева: «Я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и становлюсь в соответствии с тем, как я поступаю». Данный принцип деятельности связан в работах Франкла с принципом предметности или, в более привычной для Франкла терминологии, интенциональности. *Интенциональная, предметная направленность человека, творящего себя самого*, является связующей нитью между субъектом и миром. Такое представление отражено в позициях двух, имеющих большой вклад в психологию, мыслителей: в экзистенциальном анализе Франкла и деятельностного подхода А.Н. Леонтьева.

**Выводы.** Однако интенциональность, рассматриваемая нами, как отношение сознания в его направленности на иное, запредельное, а именно, предметное бытие, так или иначе связана со смыслом как положительной и общезначимой ценности (Е.Н. Трубецкой). Смыслом выступает, как было замечено выше, что-то безусловное и всеобщее, претендующее к обозначению истины.


Поиск смысла, а точнее, смысла жизни, направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия. Этот поиск связан с нахождением «"реперных точек", обеспечивающих проникновение рациональной сферы в эстетическое пространство индивида» [3, с. 78]. Как замечает Ю. Шрейдер в своем описании термина «смысл», «поиск смысла оказывается необходимым, когда рушатся все опоры и человек повисает в метафизической пустоте. Недаром экзистенциальные вопросы с особой остротой встают перед лицом смерти. Данная тема многообразно представлена в классической русской литературе – от Пушкина и Лермонтова до Толстого и Достоевского, Чехова и Бунина. Тоталитарные режимы XX в. дали примеры таких запредельных ситуаций, в которых человек исчерпывает последние силы и уже не воспринимает непрерывные издевательства над собой, смерти и мучения ближних как события, когда уже нет сил для обдумывания жизни и приобретения экзистенциального





опыта. Бессмыслица здесь выступает не просто как хаос страстей, а как закономерность уничтожения всего человеческого. Восстановление смысла жизни следует искать в христианской заповеди любви. Евангельский призыв к любви – не утопическое мечтание, но единственный реалистический путь отстоять смысл человеческого существования [5]. Мысль Ю. Шрейдера о поиске смысла жизни в христианской заповеди любви коррелирует с мыслью С.Л. Франка. Последний считал, что, по-видимому, умение «устраиваться в жизни», добывать жизненные блага, утверждать и расширять свою позицию в жизненной борьбе обратно пропорционально вниманию, уделяемому вопросу о «смысле жизни». А так как это умение, в силу животной природы человека и определяемого им «здорового рассудка», представляется самым важным и первым по настоятельности делом, то в его интересах и совершается это задавливание в глубокие низины бессознательности тревожного недоумения о смысле жизни. И чем спокойнее, чем более размеренна и упорядоченна внешняя жизнь, чем более она занята текущими земными интересами и имеет удачу в их осуществлении, тем глубже та душевная могила, в которой похоронен вопрос о смысле жизни. Поэтому мы, например, видим, что средний европеец, типичный западноевропейский «буржуа» (не в экономическом, а в *духовном смысле слова*) как будто совсем не интересуется более этим вопросом и потому перестал и нуждаться в *религии, которая одна только дает на него ответ* (выделено – К.Д.) [8, с.149-150].


В итоге представление об интенциональности по сути своей связано, с одной стороны, с направленностью человека на «творение себя самого», а с другой – имеет связь со смыслом, который стоит над психологизмом, что предполагает недостаточность и неточность человеческих слов. Поэтому представление о полноте ума, «всеедином уме», есть его отличие от человеческого в полноте этого ума, объемлющего все и тождественного с истиною всего. Это, прежде всего, акт всеединой мысли, не являющийся психологическим процессом во времени. С этим связано, что всеединая мысль есть интуитивная, а не рефлектирующая. «Всеединый ум видит и знает, а мы, люди, чрез него видим и вместе с ним – *со-знаем*» (выделено – К.Д.) [7, с. 21]. Понятие «со-знаем» в данном контексте придает актуальности в рассматриваемом взаимоотношении терминов «смысла» и «значения» как культурообразующих элементов общественной жизни. Поскольку идет речь не о творчестве индивида без-ориентированное, т.е. предполагается не помещение его в некие рамки, а ценностно-ориентированное, т.е. создание определенного фундамента, имеющего роль ценностей традиции, на базе которых, ориентируясь на векторы возвышенного, священного, будет развитие общественной жизни.



Исследование данного вопроса – каким же образом, собственно, может осуществляться взаимосвязь значения для индивида собственных культурных традиций, – требует дальнейшего рассмотрения.

### Л и т е р а т у р а

1. Асмус В.Ф. Метафизика Аристотеля. – В кн.: Аристотель. Соч. в 4-х т., Т. 1. – М., 1976, – С. 5-50.
2. Выготский Л. С. Собр. соч. в 6-ти т. – М., Т. 1, 1982. – 488 с.
3. Кобилкін Д.С. Естетичний простір метафори релігійної комунікації.: дис. ... канд. філос. наук : 09.00.08 / Кобилкін Дмитро Сергійович. – Луганськ, 2012. – 194 с.
4. Кобылкин Д.С. Роль философской антропологии как экзистенциально-педагогический фактор. Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского национального университета имени Владимира Даля. Выпуск № 4. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2018. – 308 с.
5. Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека ИФ РАН». URL:  
<https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH985e3a212c08647d945098>.
6. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
7. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А.П. Полякова, П. П. Апрышко. – М.: Республика, 1994. – 432 с. – (Мыслители XX века).
8. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с. – (Мыслители XX в.).
9. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека / Отв. ред. И.И.Евлампиев. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – 656 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368с: ил. – (Б-ка зарубежной психологии).
11. Frankl V.E. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. – München, Piper, 1979, – P. 236.




## References

1. Asmus V.F. Metafizika Aristotelya. – V kn.: Aristotel. Soch. v 4-h t., T. 1. – M., 1976, – S. 5-50.
2. Vyigotskiy L. S. Sobr. soch. v 6-ti t. – M., T. 1, 1982. – 488 s.
3. KobilkIn D.S. Estetichniy prostIr metafori relIgiYnoYi komunIkatsIYi.: dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.08 / KobilkIn Dmitro SergIyovich. – Lugansk, 2012. – 194 s.
4. Kobyilkin D.S. Rol filosofskoy antropologii kak ekzistentsialno-pedagogicheskiy faktor. Antropos: Logos i Teos. Sbornik nauchnyih trudov Luganskogo natsionalnogo universiteta imeni Vladimira Dalya. Vyipusk # 4. – Lugansk: Izd-vo LNU im. V. Dalya, 2018. – 308 s.
5. Novaya filosofskaya entsiklopediya // Elektronnaya biblioteka IF RAN». URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH985e3a212c08647d945098>.
6. Rubinshteyn S.L. Problemyi obschey psihologii. – M.: Pedagogika, 1973. – 424 s.
7. Trubetskoy E.N. Smyisl zhizni / Sost. A.P. Polyakova, P. P. Apryishko. – M.: Respublika, 1994. – 432 s. – (Myisliteli XX veka).
8. Frank S.L. Duhovnyie osnovyi obschestva. – M.: Respublika, 1992. – 511 s. – (Myisliteli XX v.).
9. Frank S.L. Predmet znaniya. Dusha cheloveka / Otv. red. I.I.Evlampiev. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1995. – 656 s.
10. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla: Sbornik: Per. s angl. i nem. / Obsch. red. L.Ya. Gozmana i D.A. Leonteva; vst. st. D.A. Leonteva. – M.: Progress, 1990. – 368s: il. – (B-ka zarubezhnoy psihologii).
11. Frankl V.E. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. – München, Piper, 1979, – P. 236.

### **Kobyilkin D.S. «SENSE» AND «MEANING» AS A CULTURAL FORMING ELEMENTS OF SOCIAL LIFE. ARTICLE I.**

*In this article, the terms "sense" and "meaning" as culture-forming elements, which influence formation of the social life are analysed. Consideration of these terms is associated with their analysis not in the epistemological meaning, but in the ontological one. The essence of the phenomenon is determined in a certain integrity, the meaning of which turns its implementation into a necessity. The latter makes consideration of social life of its true ontological nature, in its entirety. A meaningless set of signs may occasionally arise, but it does not remain as a fact of culture. Moral values of*



*culture acquire an actual meaning, if the subject is aware of them as ontologically reasonable, improvements an experience of tradition.*

**Key words:** *sense, meaning, sign, social life, super-temporal, intentionality.*

**Кобылкин Дмитрий Сергеевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

**Kobytkin Dmitriy Sergeevich** – Candidate of Philosophical sciences, associate professor of chair of world philosophy and theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education of the «Lugansk Vladimir Dahl National University».

**E-mail:** dmitriy3003@mail.ru

**Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК: 94


**Кравцов Д.Н.**

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

*В статье исследуются вопросы феноменологии политической пропаганды. В свете современных философско-коммуникативных теорий осмысляются сущность политической пропаганды как коммуникативного политического процесса, её отличие от иных видов политической коммуникации (агитации, политической рекламы, связей с общественностью), коммуникативные и манипулятивные методы и средства ведения пропаганды. Делается вывод, что современные процессы информационно-психологического противоборства детерминируют необходимость использования политической пропаганды для консолидации нации и противодействия деструктивному влиянию геополитических противников.*

**Ключевые слова:** *пропаганда, политическая пропаганда, идеология, контрпропаганда, информационно-психологическое противоборство.*

**Постановка проблемы.** XXI век – эпоха глобализации и технологизации, которые обусловили невиданный до этого темп развития




информационных технологий. Современные технологии массовой информации и коммуникации проникли практически во все сферы жизнедеятельности социума, что определяет увеличение зависимости индивидуума от информации, её качества и количества. Сложность, а порой и невозможность, критического всестороннего анализа информации реципиентом используется в политике для манипуляции массовым сознанием и управления людьми.

Об этих процессах философы, политологи и социологи говорят давно, однако именно в условиях функционирования современного информационного общества осмысление теории и практики применения технологий информационно-психологического воздействия приобретает особую актуальность. Это определяется геополитическим противоборством между полюсами и центрами силы в современном мире, в частности – новой Холодной войны между Россией и США, особое место в которой отведено средствам пропаганды.

Активное развитие информационных технологий, которые направлены на закрепление в массовом сознании определённой идеологической, аксиологической и этической систем, детерминирует не только институционализацию средств пропаганды как основных генераторов формирования общественного мнения, но и инструментализацию PR, рекламы, пропаганды и агитации в системе продуцирования интерпретаций, мифологем и симулякров, направленных на создание у реципиента информации иллюзии свободы, равенства, справедливости, вовлеченности в управление геополитическими процессами. Однако для геополитики обычный гражданин лишь объект воздействия, которым необходимо управлять всеми доступными средствами.

В целях удержания власти любой режим стремится воздействовать на волю граждан, формируя у них социально-политические установки, необходимые для легитимации власти теми, на кого она направлена. В зависимости от формы правления и вида политико-правового режима, который конституирован в государстве, эти установки отличаются. Формирование этих установок осуществляется в процессе ведения государством своей информационной политики, ключевое место в которой отведено пропаганде как одному из главных средств управления массовым сознанием. Наибольшую важность в геополитике пропаганда приобретает в период ведения государствами информационно-психологического противоборства.

Пропаганда, объединяя в себе социальную и психологическую природу, в отличие от других информационных процессов, воздействует не




только на рациональное начало в человеке, но и на иррациональное (эмоциональное) – на восприятие, эмоции, мышление и память, обходя такие защитные барьеры психики человека, как избирательные внимание и восприятие. Прививая определённые политические идеи и идеалы гражданам, в политической системе пропаганда становится средством политической коммуникации и проявляется в своей основной форме – в виде политической пропаганды.

Научные исследования политической пропаганды неразрывны с политической наукой, особенно – политической коммуникативистикой, в рамках которой исследуются основные модели, технологии и механизмы ведения пропаганды и иных смежных видов информационно-психологического воздействия.

**Анализ научных исследований и публикаций.** Исследуя теорию и практику пропаганды и агитации, ученые лишь в XX веке приблизились к формированию целостного научного знания о средствах политической коммуникации в условиях войны и мира. Фундаментальное значение в этом процессе принадлежит научной деятельности представителей американской чикагской научной школы социологии и политологии (1920-ые – 1980-ые гг.): П. Лазарсфельд и Р. Мертон, а также Г. Лассуэлл. В междисциплинарных исследованиях этих ученых, которые активизировались после Первой мировой войны, которую иногда называют «первой психологической», анализируются методы и технологии влияния пропаганды на общественные массы. На основе эмпирических материалов исследователи делают вывод об эффективности использования пропаганды не только в условиях военного конфликта, но и в военно-политической, социально-регулятивной и дипломатической деятельности государств в мирное время.

Дальнейшими исследованиями механизмов влияния на общественные настроения, способов регулирования общественных реакций посредством вербальных и невербальных средств воздействия и манипуляции, технологий политической пропаганды с использованием средств массовой информации (далее – СМИ) и массовой коммуникации (далее – СМК) занимались такие ученые, как: Х. Арентс, Е. Бернейс, Н. Волковский, А. Гогун, Ж. Эллюль, С. Кара-Мурза, М. Назаров, А. Огороков, В. Розин, Е. Херман и Н. Чомски, Г. Штрамайер и др.

В свете научной коммуникативистики проблемы организации и ведения политической пропаганды, её влияния на взаимодействие социальных акторов и их мировоззренческие системы исследовались многими отечественными и зарубежными учеными, среди которых: Э. Аронсон и Э. Пратканис, В. Браун, О. Гнатюк, М. Грачев, Т. Гринберг,



Л. Дооб, М. Дюверже, У. Липманн, В. Левитский, Ю. Лукашина, И. Панарин, Х. Хесс, В. Шульце-Вехсунген, Г. Почепцов и др.

Со второй половины XX века появляются системные исследования вопрос теории и практики конструирования политической реальности, политического сознания граждан, осмысляются технологии формирования общественного мнения при помощи СМИ и СМК, конструируется представление о политической пропаганде как катализаторе социально-политических процессов. Указанным научным проблемам посвящают свои работы Н. Астафьева, С. Гришанова, Е. Доценко, В. Кихтан и Б. Мамиева, В. Субботин и И. Замолоцкий, Г. Шиллер и др.

Особое место в исследовании пропаганды, её места и функционала в политической системе занимают критические работы теоретика тоталитарной национал-социалистической пропаганды Й. Геббельса. Большинство описанных в его трудах принципов и алгоритмов пропаганды и агитации не потеряли своей актуальности и поныне. Это во многом обусловлено тем фактом, что Й. Геббельс был не только теоретиком, но и практиком пропаганды. В качестве главного пропагандиста Третьего Рейха он активно использовал самые современные и эффективные технологии политической пропаганды и анализировал их результативность.

Осмысление политиками пропаганды как средства достижения политических целей можно найти не только в работах Й. Геббельса, но и Э. Гадамовского, А. Гитлера, В. Ленина, Г. Плеханова, А. Розенберга, И. Сталина, Л. Троцкого, М. Горбачева и др.

**Цель исследования.** Целью исследования является осмысление политической пропаганды как феномена социально-политической реальности.

**Основная часть.** Для понимания сущности политической пропаганды необходимо её интерпретировать как политический процесс, направленный на формирование определённого общественного мнения.

Деидеологизация российского общества в 90-е гг. XX века привела к формированию представлений о пропаганде как анахронизме «авторитарного советского прошлого», а само слово «пропаганда» приобрело отрицательную коннотацию. С такими подходами к пропаганде как политическому процессу согласиться нельзя, так как пропаганда – это не только средство политического манипулирования массами («искусство лжи»), но и транслятор консолидирующего общество идеологем.

В Большом энциклопедическом словаре отмечается, что пропаганда (от лат. *propagare* – распространять) – это «распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе; в более узком смысле – политическая или идеологическая пропаганда с целью



формирования у широких масс населения определенных взглядов» [1].

Авторским коллективом философского словаря пропаганда рассматривается как «процесс передачи определенных идей или комплексов идей аудитории с расчетом на их усвоение ею» [2].

Очень точно определяет сущностные характеристики пропаганды социология. В её категориальном аппарате пропаганда – это «1) система деятельности, направленная на распространение знаний, художественных ценностей и др. информации с целью формирования определённых взглядов, представлений, эмоциональных состояний, оказания влияния на социальное поведение людей; 2) распространение в массах идеологии и политики определённых классов, партий, государств; 3) средство манипуляции массовым сознанием» [3, с. 271].

Анализ различных определений термина «пропаганда» позволяет сделать вывод, что пропаганду понимают как целенаправленный процесс передачи субъектом пропаганды определённой информации в целях воздействия на индивидуальное и массовое сознание.


Ключевым видом пропаганды, который инициализируется в политической системе, является политическая пропаганда.

Известный политолог И. Санжаревский определяет политическую пропаганду как «систематическое распространение и углубленное разъяснение каких-либо социально-политических взглядов, идей, теорий с целью их внедрения в общественное сознание и воздействия на процесс формирования соответствующей социально-политической ориентации масс». Автор нераздельно связывает пропаганду с деятельностью современных СМИ, «способных одновременно и быстро воздействовать на умы и сердца миллионов людей» [4].

В политической системе пропаганда сопряжена с применением специальных манипулятивных средств, воздействующих на массы, в связи с этим её также определяют как «деятельность по распространению специально подготовленной информации и, как правило, популистских идей». Она направлена на формирование необходимого пропагандисту отношения реципиента информации к политическим институтам, лидерам, политической системе и нацелена на создание определённой модели политического поведения.

По нашему мнению, ключевым свойством пропаганды является её коммуникативность. В качестве политического процесса политическая пропаганда становится системным явлением, которое включает в себя субъекты, объекты и конкретные модели субъектно-объектных связей, т. е. выступает как средство коммуникации. Именно через ненасильственные коммуникации политическая система конституирует связи между её





субъектами. В процессе политической коммуникации происходит передача и/или обмен необходимой пропагандисту (политическому субъекту) политической информации индивидуумам и социальным общностям.


Ж. Эллюль одним из первых представил пропаганду как средство коммуникации, которое утилитарно используется организованной социально-политической общностью (чаще всего – властными) в целях информационно-психологического воздействия и дальнейшего политического манипулирования массами. В своей книге «Пропаганда. Формирование отношений у людей» он характеризовал её как «набор методов, используемых организованной группой, которая хочет добиться активного или пассивного участия в своих акциях массы индивидов, объединенных с помощью психологических манипуляций и включенных в организацию» [5, с. 61]. Приведённое определение стало классическим.

Рассматривая политическую пропаганду в свете политической коммуникативистики, М. Грачёв понимает под ней информационно-пропагандистскую деятельность определённого социально-политического субъекта по генерации и трансляции выгодной ему социально-политической информации, необходимой для формирования общественного мнения. Основным институтом пропаганды М. Грачёв видит СМИ, ведь именно они в современных условиях способны охватить значительную аудиторию политически активных реципиентов.

Процессы проникновения СМИ и СМК во все сферы жизнедеятельности человека начались в первой половине XX века под влиянием становления институтов государственной пропаганды – радио-, кино-, и телепропаганды. Со второй половины XX века телевидение становится основным средством ведения пропаганды, что актуализирует роль практиков пропаганды, способных организовать и проводить контрпропагандистские акции, становясь не только руководителями или теоретиками, но и исполнителями пропагандистских мероприятий. В современный век актуализации политической пропаганды пропагандисты-профессионалы играют ключевую роль в консолидирующих и деконсолидирующих процессах во внутри- и внешнеполитической сферах государств.

Обращаясь к теории пропаганды, необходимо отметить, что пропаганда как средство политического манипулирования и вид нелетального оружия применяется политиками и описывается учеными давно, однако её системное научное исследование началось только в начале XX века. Первопроходцами в этом вопросе были учёные т.н. «Чикагской школы».

Крупнейшие представители Чикагской социологической и




политологической школы Ч. Мерриам и Г. Лассуэлл, используя эмпирические данные и количественные методы исследования пропаганды, доказали, что условием эффективной пропаганды является её ведение на основе многофакторных междисциплинарных исследований.

Ключевой работой, с которой начинается научное осмысление технологий пропаганды и массовой коммуникации, была монография Г. Лассуэлла «Технология пропаганды в мировой войне», которая была написана в 1927 г. В ней формулируются основные методы исследования коммуникативных процессов. На основе разработанной им методологии контент-анализа автор исследовал пропагандистские мероприятия времён Первой мировой войны. В ходе исследований был сделан вывод, что современная пропагандистская кампания должна основываться на анализе стратегической конъюнктуры, носить длительный характер и транслировать реципиентам определённую аксиологическую систему.

В теории пропаганды Г. Лассуэлла на основе функционального и бихевиористского подходов в политической науке массовая коммуникация представляется средством передачи символической власти – трансляции политических мифов, под которыми учёный понимает политический тезис, вызывающий доверие к нему без подтверждения. Если определённый политический миф легитимизируется значительной частью народа государства, происходит формирование идеологии [6, с. 9-10].

По мнению Г. Лассуэлла, пропаганда – «управление общественными отношениями, настроениями посредством манипуляции важными символами» или «управление массовыми коммуникациями на основе силы убеждений». Она становится эффективным средством политического управления обществом (наравне с дипломатией, экономическими и военными мерами), посредством которого транслируется воля организованного политического меньшинства (властьимущих). В связи с этим пропаганда является неотъемлемым элементом «гарнизонного государства», концепцию которого он разработал. Учёный даже выделял промежуточный вид государства с приоритетным положением пропаганды – «государство, управляемое аппаратом партийной пропаганды».

В центре теории пропаганды учёного – интерпретативная концепция коммуникации, в основе которой лежит формула «пяты W» («Who says What in Which channel to Whom with What effects?»), которую автор использовал в практике контент-анализа. Применение интерпретативной цепи вопросов «кто говорит? – что? – по какому каналу? – кому? – с каким эффектом?» на практике позволило всесторонне исследовать «коммуникативные акты» и анализировать их структуру и элементы – коммуникатора (субъекта пропаганды); сообщение (транслируемую




информацию); канал коммуникации (технологии и среды передачи данных); аудиторию (реципиентов пропаганды); результаты (качество изменения сознания реципиентов). По нашему мнению, указанная методика анализа коммуникативных актов существенно повлияла на развитие теории и практики пропаганды, позволила использовать в процессе управления пропагандой социологические исследования, а также технологии манипуляции. Благодаря возможности анализа результатов и получения «обратной связи», предложенная Г. Лассуэллом методика стала прикладным средством аналитического обеспечения управления политической пропагандой.

Критиком Г. Лассуэлла был социальный философ Дж. Дьюи, который также осмыслял пропаганду [7, с. 131-132]. Но, в отличие от других ученых, исследователь считал, что манипулировать народом нельзя, его необходимо просвещать. Именно просвещение он рассматривал как основное средство противодействия пропаганде. По его мнению, если массовая пропаганда и может существовать, то она должна быть направлена на формирование у населения критического мышления и придание гласности обсуждениям проблемных для общества вопросов. Автор не рассматривал технологии ведения пропаганды, однако комплексно охарактеризовал роль, цели и задачи политической пропаганды в демократическом обществе в условиях мира, справедливо критикуя работы предшественников, которые воспринимали пропаганду чрезмерно милитаризированно.

Существенное влияние на развитие немилитарной теории политической пропаганды оказали работы Х. Арендт. В своей монографии «Истоки тоталитаризма» исследовательница анализирует роль пропаганды в тоталитарном обществе. Работа исследовательницы носит политизированный характер и была направлена на дискредитацию советской системы, пропаганда, которую она представляла как тоталитарную. Сравнивая национал-социалистическую и интернационал-большевистскую концепции пропаганды, автор подтасовывает исторические факты, пытается найти подтверждение содержательной близости, а иногда и тождественности этих концепций пропаганды. Описывая их технологии в своей книге, Х. Аренд апеллирует не к научным фактам, а к конъюнктурным тенденциям дискредитации всего, что связано с Советским Союзом (в том числе, пропаганды). Это делает её исследование субъективизированным и западно-идеологизированным.

Однако некоторые выводы учёной о роли пропаганды в политике не потеряли своей актуальности и поныне. В частности, Х. Аренд отмечает, что «только толпу и элиту можно привлечь энергией, содержащейся в



самом тоталитаризме; завоевать же массы можно только с помощью пропаганды» [8]. Как видим, автор, как и большинство теоретиков пропаганды, рассматривает её в качестве средства консолидации общества и манипуляции его волей.

Деидеологизированным исследованием методологии и типологии политической пропаганды занимался Ж. Эллюль, его выводы существенно повлияли на развитие теории пропаганды. Он выделял две стадии пропаганды – предпропаганда и активная пропаганда. На первом этапе формируется приемлемый для восприятия информационно-психологический климат, при котором у реципиентов пропаганды формируются не идеологические установки, а само психологическое отношение доверия к субъекту пропаганды, каналу или форме подачи информации.


К необходимым свойствам эффективной пропаганды он относил: корреспондированность коммуникативных связей, тотальность, непрерывность и длительность воздействия на массы и на индивида, комбинирование видов пропаганды, понимание социальных, экономических и политических особенностей населения, которое должно подвергаться воздействию пропаганды.

В основании типологической дифференциации учёный полагал социально-политические свойства пропаганды: то, от кого она исходит и на кого воздействует, на какие уровни массового и индивидуального сознания направлена и какие политические цели преследует. В зависимости от этих свойств он выделял следующие соответствующие виды пропаганды:

- вертикальная и горизонтальная;
- рациональная и иррациональная
- агитационная и интеграционная.

В его работах можно найти сравнение пропаганды с наркотиком. Он передаётся господином (субъектом пропаганды) рабу (реципиенту информации), чтобы у последнего сформировалась зависимость, то есть состояние подчинённой психоэмоциональной связи со своим хозяином, что позволяет управлять социальной активностью объекта воздействия. Ж. Эллюлю также принадлежит исследование пропаганды как субъектно-объектного процесса влияния, в котором основными субъектами пропаганды являются политические партии или отдельные политические лидеры.

Необходимо отметить, что работы ранних классиков теории пропаганды почти не затрагивали проблемы разграничения различных видов коммуникации (пропаганды, агитации, связей с общественностью, рекламы и др.). Первое подробное исследование различий категорий




«пропаганда» и «реклама» было осуществлено П. Лазарсфельдом, который изучал политические и социально-экономические коммуникации. По его мнению, реклама может носить политический характер, однако она не может сформировать новый модус поведения или деформировать мировоззрение. Пропаганда, наоборот, воздействует на глубинные мировоззренческие устои человека и способна менять уклад его жизни. При этом каналы и технологии пропаганды и рекламы могут быть схожи, однако пропаганда имеет характеристику тотальности. Хотя автор не говорит об этом прямо, однако на основе его работ можно сделать силлогический вывод о том, что политическая реклама высокой степени активности и концентрации трансформируется в политическую пропаганду.

К исследованию агитации как политического инструмента прибегали многие теоретики пропаганды. Агитация – это один из неразрывных с пропагандой политических процессов, который сложно от неё отличить. Это была одной из причин, почему, например, в СССР систему агитации и пропаганды называли единым понятием «агитпроп», причём назвать конкретные различия между двумя элементами этой системы не могли не только теоретики, но и практики-сотрудники всесоюзного и республиканских отделов пропаганды и агитации.

Вслед за начавшимися в Европе исследованиями революционной пропаганды (В. Ленин, Г. Плеханов) предметно начал анализировать технологии агитации и пропаганды большевиков Г. Лассуэлл. В его работах термин «агитация» также используется в неразрывной связи с политической пропагандой и обозначает деятельность по стимулированию реципиентов совершать конкретные политические действия в выгодном для субъекта агитации ключе [9, с. 3-4]. Однако точного определения категории автор не даёт.

Большее внимание теории и практике применения средств информационно-идеологического обеспечения политических процессов уделяет Л. Дооб. Он выделяет основные элементы указанного обеспечительного процесса, среди которых: новости, политическую рекламу – т.н. «publicity», общую рекламу, агитацию и пропаганду. Ключевое положение его теории пропаганды и агитации: первая – это процесс распространения идеологии, вторая – процесс побуждения к применению пропагандируемых идеологических доктрин в жизни и реализации их положений [10, с. 89].

В современных исследованиях делается вывод, что пропаганда и агитация хотя и являются близкими по содержанию понятиями, однако имеют различную социально-психологическую и информационно-




идеологическую направленность. Пропаганда осуществляется в целях деформации массового сознания и общественного настроения, изменения мировоззрения реципиентов. Цель агитации – мотивировать массы на совершение необходимых политическому субъекту действий. Пропаганда и агитация могут совершаться либо параллельно, либо поэтапно.

Однако наиболее часто агитация становится начальным этапом пропаганды, как это было, например, в Третьем Рейхе, где массовой пропаганде идеологии национал-социализма предшествовали агитационные призывы харизматических лидеров к свержению действовавшего политического строя. Эти призывы были направлены к организованному социально-политическому меньшинству, которое привело к власти режим А. Гитлера. С деятельностью лидера нацистов связана институционализация системы политической пропаганды, направленной на широкие массы, итогом работы которой становится повышение уровня легитимации нацизма. В указанной ситуации агитация использовалась для «разжигания социальных групп», симпатизирующих идеологии национал-социализма, а пропаганда – для её массового распространения среди политически нейтрального населения.

В современных условиях глобальных духовных войн пропаганда, агитация и политическая реклама используются на основе примерно тех же методик и алгоритмов. Так, в европейских странах массовой пропаганде гомосексуализма предшествовала его политическая реклама и агитация. На рекламных щитах изображали символику Европейского Союза рядом с «радужным флагом» гомосексуалистов, сопряженную с лозунгами, например, «любовь победит ненависть», а также политическими заявлениями, направленными на распространение идей не столько гомосексуализма, сколько умеренной толерантности. Появление такой политической рекламы было воспринято вначале отрицательно, однако, когда такие рекламные материалы создали фон «психологической приемлемости темы» (состояния, при котором реципиент определённой идеологии психологически относится к ней без радикального неприятия, нейтрально), началась кампания активной агитации и пропаганды. В рамках неё население призывалось изменить отношение к гомосексуалистам, «понять их» (агитационный эффект изменения модуса поведения), а позже – считать однополюе отношения социальной нормой, осуждение которой является экстремизмом и сегрегацией по сексуальному признаку (пропагандистский эффект изменения мировоззренческого уклада).

Таким образом, в указанных процессах агитация являлась политической деятельностью, которая использовала доступные системе



пропаганды каналы информации, для активного побуждения населения к необходимому политическим модусу поведения: вначале толерантного отношения к гомосексуалистам, а позже – рецепции их нетрадиционной ориентации как социально адаптивной культуры сексуальных отношений. На определённом этапе последовательной реализации агитационных мероприятий началось применение ориентированных на рациональное и иррациональное начала в человеке технологий пропаганды, которые использовались в целях коррекции мировоззрения населения в необходимом политическом элитам ключе. Исходя из этого, можно сделать вывод, что политическая реклама и агитации могут быть не только самостоятельными политическими процессами, но и обеспечительными средствами ведения пропаганды.


Осмысляя развитие теории политической пропаганды, важно понимать, что её системные исследования велись не только на Западе, но и в других странах, в частности – в Германии и СССР.

Германия была одной из первых стран европейского континента, где была создана система массовой политической пропаганды, воздействующая на все социальные слои населения. Ещё до прихода к власти А. Гитлер в своей работе «Mein Kampf»<sup>1</sup> (русс. – «Моя борьба») указывал на необходимость тотальной системы пропаганды в целях воздействия на «души и умы» населения и распространения идей национал-социализма. Диктатор подвергал сомнению возможность масс критически мыслить, в связи с этим считал, что пропаганда должна воздействовать на эмоциональную сущность человека, апеллировать к чувствам, ведь одинаковые эмоциональные реакции людей (например, общая ненависть к евреям, которую пропагандировал нацизм) могут консолидировать общество, формируя у него образы «врагов и союзников». В связи с этим А. Гитлер как харизматический лидер и практикующий пропагандист считал, что ключевыми характеристиками массовой пропаганды должны стать её простота и доступность, которые позволят ей быть понятной и для высшего, и для низшего слоёв общества [10].

Рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс рассматривал её не как политической средство, а целостное «искусство» управления массами. Он писал: «У пропаганды нет метода, а есть цель, причем цель эта в политике всегда заключается в завоевании масс». При помощи различных средств информационно-психологического воздействия субъекты пропаганды намереваются завоевать доверие реципиентов и снизить уровень

---

<sup>1</sup> В соответствии со ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» на территории РФ книга отнесена к экстремистским материалам.




критичности их интеллектуального миропонимания, которое рейхсминистр Й. Геббельс считал деструктивным для политической системы: «Худший враг пропаганды – интеллектуализм» [12, с. 2-5].

На одном из публичных мероприятий Й. Геббельс раскрыл своё понимание специфики ведения пропаганды: «Секрет пропаганды: того, кого хочешь подвергнуть пропаганде, надо насквозь пропитать идеей пропаганды так, чтобы он даже не заметил, что он ею пропитан». Исходя из этого, пропаганда как манипулятивная практика должна маскироваться под иные виды политических и неполитических коммуникаций, например, связи с общественностью или просвещение. Непонимание объектом пропаганды своей статусности в коммуникативной связи «пропагандист–пропаганда–объект пропаганды» как жертвы минимизирует её недоверие к содержанию и каналам пропаганды, что позволяет более эффективно управлять доверием реципиентов информации.

В своих работах Й. Геббельс, как и западные пропагандисты, выделяет два основных вида информационно-идеологического воздействия – рациональное и направленное на чувства, однако, в отличие от них, считает границы между ними во время войн или революций размытыми. Это обусловлено тем, что люди в таких условиях не готовы легитимировать те призывы, которые не заставляют их сопереживать. Аргументы к эмоциям и подогривание интереса к затрагивающим каждого немца темам (семейное благополучие, государственный порядок и справедливость, борьба с общими врагами др.), сопряжённые с «искажением фактов или ловким сочетанием фактов и лжи», были основными атрибутами геббельсовской пропаганды.

Обобщая рассмотрение развития теории и практики политической пропаганды в Германии, необходимо отметить, что оно было детерминировано идеологической доктриной нацизма, носило системный и долгосрочный характер. Созданная А. Гитлером и Й. Геббельсом государственная пропагандистская система была впервые централизована за счёт создания профильного ведомства, которое обеспечивало государственное управление и в сфере информационной политики и обеспечения информационной безопасности. Централизация управления ведением пропаганды и контрпропаганды позволили обеспечить противодействие зарубежному деструктивному информационно-психологическому воздействию и вплоть до капитуляции Германии во Второй Мировой войне консолидировать немцев вначале вокруг единой идеологии национал-социализма, а позже, после её делегитимации, – на основе идеи борьбы «с внешним врагом, который уже захватывает немецкую землю». Сведения о системных научных исследованиях






политической пропаганды в Третьем Рейхе не сохранились.

Хотя основные исследования политической пропаганды велись на Западе, советские ученые, сознавая важность не только прагматического, но и научно-политического осмысления пропаганды, вели свои разработки в области управления массовым сознанием, общественными мнениями и настроениями. Эти разработки были обусловлены практической необходимостью распространения марксистско-ленинской идеологии и ведения контрпропаганды во всех социальных группах, для чего было важно создать эффективную систему государственно-партийной пропаганды с учетом расовой, национальной, религиозной и социально-экономической специфики.

В связи с этим внимание концентрировалось на разработке упрощенных и доступных методических указаний по ведению агитации и пропаганды для партийных и комсомольских работников.

Одной из наиболее массовых и общедоступных книг по политической пропаганде стала монография «Техника дезинформации и обмана», в которой была проведена систематизация представлений учёных о сущности и методологии применения пропаганды в целях управления сознанием масс [13]. В работе описываются различные методы и приёмы воздействия на массовое сознание, среди которых основные – стереотипизация, игра на эмоциях, отбор и интерпретация фактов, методы полуправды, инсинуации и др. В книге делается вывод, что эффективная консолидация народа государства (особенно – коммунистического или социалистического) не может осуществляться без политической пропаганды, транслирующей элементы действующей идеологической доктрины.

В свете психологического похода проблемы управления массами рассматриваются в книге «Проблемы социальной психологии и пропаганда». В ней отмечается, что идеологическая борьба коммунизма и капитализма осуществляется как военными, так и информационными средствами, в частности, пропагандой. «С помощью пропаганды распространяются прогрессивные идеи, которые вооружают народные массы знанием законов общественного развития», однако с её же помощью транслируются «реакционнейшие идеи, утверждающие и закрепляющие отношения социальной несправедливости» [14, с. 2-5]. Хотя работа перенасыщена коммунистическим идеологизмом и «борьбой с империализмом», авторским коллективом в ней довольно подробно описываются механизмы психологического воздействия пропаганды в печатных СМИ, на радио и телевидении. Отмечается, что деструктивное воздействие западной пропаганды нивелируется контрпропагандой,




которая в условиях идеологической борьбы сосуществует с пропагандой либо параллельно, либо поочерёдно.

Контрпропагандистская тематика исследований также затрагивалась в работах советских теоретиков пропаганды (Н. Блинов, П. Гуревич, Л. Ефменов, Н. Кейзеров, Л. Кравчук, Е. Ножин и др.). Ключевое место в разработке невоенной политической контрпропаганды занимала научная школа Академии общественных наук при ЦК КПСС. Учёными академии были подготовлены десятки изданий по организации и ведению пропаганды и контрпропаганды. Классическим учебным и методическим пособием по противодействию деструктивному влиянию стала работа Н. Кейзерова и Е. Ножина «Контрпропаганда: проблемы методологии и методики» [15]. В ней изложены технологии анализа деструктивного информационно-психологического потока и использования методов психологического манипулирования для формирования необходимой политической обстановки.

Необходимо отметить, что работы по теории пропаганды и контрпропаганды в советское время издавались огромными тиражами, поступали почти во все библиотеки городов и районов СССР, в местные партийные и комсомольские структуры, а также в функционирующие в ряде университетов марксизма-ленинизма пропагандистские факультеты. На этих факультетах шла не только массовая подготовка специалистов для ведения идеологической и пропагандистской работы, но и самостоятельные исследования в области теории и практики пропаганды. Это позволяет говорить о значительных успехах Советского Союза в вопросах методической подготовки пропагандистов, а также теоретических исследований в сфере пропаганды.

Однако в связи с развалом СССР, деидеологизацией и декоммунизацией общества советская система государственной пропаганды была разрушена: Академия общественных наук при ЦК КПСС была реформирована, разработки в области политической пропаганды были практически прекращены; республиканские и областные партийные научные и образовательные центры, в т. ч. университеты марксизма-ленинизма, были либо расформированы, либо реформированы под формат деидеологизированных структур, в которых исследования в области пропаганды были нежелательны. Это обусловило тот факт, что с 1991 г. вплоть до начала 2000-х гг. в научных исследованиях тема политической пропаганды либо не затрагивалась вовсе, либо описывалась в свете военно-политических исследований информационно-психологического противоборства. Лишь в Белоруссии была частично сохранена подготовка пропагандистов для военной и гражданской сфер как специалистов по




идеологической работе (в военных училищах и Академии управления при Президенте РФ), в связи с этим там научные разработки в области пропаганды сохранялись, однако велись неинтенсивно.

Только в начале 2000-х гг. в России в связи с изменениями во внутренней политике (в частности, частичной идеологизацией общества идеологемами «Русского мира», «российской нации», «патриотизма» и т.д.) вновь актуализируется тема политической пропаганды как элемента информационной политики. В условиях появления массовой антиросийской пропаганды государству было необходимо разработать и реализовать стратегию информационной политики, включающую в себя технологии пропаганды и контрпропаганды.

Наиболее глубинное исследование проблематики манипуляции массовым и индивидуальным сознанием в политических науках провел отечественный ученый С. Кара-Мурза. В его исследованиях, посвященных анализу пропагандистских практик в странах постсоветского пространства, раскрывается сущность манипуляции сознанием, которую автор представляет как вид управления людьми (чаще всего – скрытый), направленный на программирование психических состояния, активности и интенций масс с целью моделировать их поведение в интересах субъекта пропаганды, действующего от имени государства или иного политического субъекта. Автор, используя исследования психологов, делает вывод, что современные пропагандистские манипулятивные процессы носят характер не насилия, а взаимодействия субъекта и объекта, где реципиент пропагандистской информации становится «соучастником» воздействия, соглашаясь выполнять социальные роли в определенной системе по правилам (программе) манипулятора [16].

Существенное влияние на развитие теории пропаганды на постсоветском пространстве оказали научные изыскания Г. Почепцова. Как один из теоретиков коммуникации он осмысляет политическую пропаганду через призму информационных войн, которые, по его мнению, ведутся постоянно. Осмысляя пропагандистские модели коммуникации, учёный утверждает, что ключевое значение в пропаганде имеет «дестабилизирующая информация», способная подорвать у реципиентов доверие к содержанию пропаганды или тем, в чьих интересах она осуществляется.

В процессе восприятия и анализа дестабилизирующей информации человек «выводится из рационального состояния, действуя эмоционально, лишается многих социальных ограничителей, своей паникой легко заражает других» [17, с. 145], что может привести к временной маргинализации личности и совершению ей асоциальных действий,



угрожающих национальной безопасности. По мнению Г. Почепцова, пропаганда дестабилизирующей информации применяется в качестве средства формирования и консолидации толпы, рецепции ею идеологем борьбы с действующим режимом. Автор не указывает механизм влияния такой информации на массы, однако верно замечает, что реципиенты пропаганды могут легитимировать революционные и экстремистские идеи, создавать хаос. По нашему мнению, в ходе многочисленных цветных революций на постсоветском пространстве применялись манипулятивные пропагандистские модели, которые описывал ученый. Видится уместным связывать их применение с теорией «управляемого хаоса», в рамках которой пропаганде отведена роль транслятора «энергии конфликта». При помощи пропаганды субъекты «управления хаосом» могут скрыто осуществлять «идеологическое заражение», влиять на эмоциональное состояние масс и управлять их агрессивностью.

Обобщая результаты отечественных исследований в области пропаганды, необходимо отметить, что в них достаточно системно осмыслены сущность, система и методология использования политической пропаганды как вида политической коммуникации, направленной на изменение и управление общественными настроениями и, в целом, массовым сознанием. Однако как в диссертационных исследованиях, так и изданиях научно-публицистического характера прослеживается недостаточное осмысление специфики пропаганды и контрпропаганды в свете ведения геополитическими соперниками России в отношении неё информационно-психологических войн.

Если глубинные научные изыскания советских теоретиков пропаганды в подавляющем большинстве случаев были направлены на разработку методов пропаганды идеологии коммунизма и ответной на деструктивное западное информационно-психологическое воздействие контрпропаганды (поэтому часто страдали идеологизированностью), то современные исследования в области теории пропаганды носят либо чрезмерно спекулятивно-теоретизированный характер, либо недостаточно точно раскрывают актуальную специфику политической пропаганды в условиях информационно-психологических войн нового формата – с использованием современных средств массовых информации и коммуникации. В связи с этим актуализируется необходимость осмысления статусности политической пропаганды в системе современного информационно-психологического противоборства, так как советские исследования политической пропаганды частично устарели и не учитывают современную специфику политических коммуникаций. Именно это детерминирует необходимость их исследований с учётом современных



тенденций развития информационной цивилизации.

**Выводы.** По нашему мнению, многочисленные зарубежные и отечественные исследования политической пропаганды сформировали довольно целостное представление о её феноменологии. Однако учёные продолжают споры о наиболее точном определении политической пропаганды, её ключевых признаках и отличиях от иных форм политической коммуникации, при этом недостаточно исследуются проблемы политической процессуальности пропаганды.

Если понимать под политическим процессом «совокупную деятельность субъектов политики, благодаря чему обеспечивается функционирование и развитие политической системы» [18, с. 127], то политическая пропаганда является одним из типов политических процессов, в котором политические субъекты посредством технологий информационно-психологического воздействия влияют на индивидуальное и массовое сознание граждан в политических целях.


Исходя из этих представлений, можно дать авторскую дефиницию: политическая пропаганда – это политический коммуникативный процесс распространения в обществе политической информации, содержащей определённые идеологемы, в интересах политических субъектов посредством применения технологий информационно-психологического воздействия на сознание человека с целью управления и манипуляции его политической активностью.

Основными отличительными признаками (атрибутами) пропаганды, которые отличают её от иных общественно-политических отношений, являются: политическая процессуальность, коммуникативность, манипулятивность, суггестивность, ориентированная на индивидуальное и массовое сознание интенциональность, латентная милитарность и др.

Последний признак является атрибутивным, однако способен менять степень интенсивности выражения в период войны и мира. При этом в современных условиях, когда информационно-психологическое противоборство осуществляется постоянно, «без объявления войны», политическая пропаганда инициализируется как нелетальное средство милитарной борьбы – информационно-психологическое оружие.

### **Л и т е р а т у р а**

1. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров . – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
2. Философия: Энциклопедический словарь. / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.



3. Социологический энциклопедический словарь / Редактор-составитель академик РАН Г.В. Осипов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 656 с.

4. Санжаревский И.И. Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф. пол. наук., Москва: Политология, РГУ, 2010. – 745 с.

5. Ellul J. Propaganda. The formation of men's attitudes. – New York, 1973. – 347 p.

6. Lasswell H. D. The Theory of Political Propaganda / H. D. Lasswell // The American Political Science Review. – 1927. – Vol. 21. – №. 3. – P. 6-14.

7. Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Пер. с англ. И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.

8. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.

9. Lasswell H. D. World revolutionary propaganda / H. D. Lasswell, D. Blumenstock. – New York - London: Alfred A. Knopf, 1939. – 265 p.

10. Doob L. W. Propaganda, its psychology and technique / L. W. Doob. - New York: H. Holt and company, 1935. – 362 p.

11. Hitler A. Mein Kampf / A. Hitler. – München: Frz. Eher Nachf., G.m.b.H., 1943. – 782 s.

12. Goebbels J. Wille und Weg / J. Goebbels // Wille und Weg. – 1931. – № 1. – S. 2-9.

13. Техника дезинформации и обмана / Под ред. Н. Засурского. – М.: Мысль, 1978. – 246 с.

14. Проблемы социальной психологии и пропаганда – М.: Политиздат, 1971. – 183 с.

15. Кейзеров Н., Ножин Е. Контрпропаганда: проблемы методологии и методики – М.: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1984. – 80 с.

16. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Учебное пособие. / С. Кара-Мурза – М.: Алгоритм, 2004. – 528 с.

17. Почепцов Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук Ваклер, 2001 – 656 с.

18. Тавадов Г. Политология: Учебное пособие. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 416 с.


### References

1. Big Encyclopedic Dictionary / Ed. A. M. Prokhorov. – М.: Great Russian Encyclopedia, 2000. – 1456 p.

2. Philosophy: Encyclopedic Dictionary. – М.: Gardariki, 2004. – 1072 p.


3. Sociological encyclopedic dictionary – М.: Publishing house NORMA, 2000. – 656 p.

4. Sanzharevsky I. Political science: Dictionary reference. status prof. floor.

- 
- Sc., Moscow: Political Science, Rostov State University, 2010. – 745 c.
5. Ellul J. Propaganda. Formation of men's attitudes. – New York, 1973. – 347 p.
  6. Lasswell H. D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. – 1927. – Vol. 21. – №. 3. – P. 6-14.
  7. Dewey J. Society and its problems. – M.: Idea-Press, 2002. – 160 p.
  8. Arendt H. The origins of totalitarianism. – M.: CentrKom, 1996. – 672 p.
  9. Lasswell H. D. World revolutionary. – New York - London: Alfred A. Knopf, 1939. – 265 p.
  10. Doob L. W. Propaganda, its psychology and technique. – New York: H. Holt and company, 1935. – 362 p.
  11. Hitler A. Mein Kampf / A. Hitler. – München: Frz. Eher Nachf., G.m.b.H., 1943. – 782 s.
  12. Goebbels J. Wille und Weg / J. Goebbels // Wille und Weg. – 1931. – № 1. – S. 2-9.
  13. Technique of disinformation and deception / Ed. N. Zasursko. – M.: Thought, 1978. – 246 p.
  14. Problems of social psychology and propaganda. – Moscow: Politizdat, 1971. – 183 p.
  15. Keizerov N., Nozhin E. Counter-propaganda: problems of methodology and methods – Moscow: Acad. societies. Sciences at the Central Committee of the CPSU, 1984. – 80 p.
  16. Kara-Murza S. Manipulation of consciousness. Tutorial. / S. Kara-Murza - Moscow: Algorithm, 2004. - 528 p.
  17. Pocheptsov G. Theory of Communication. – Moscow: Refl-book Vakler, 2001 – 656 p.
  18. Tavadov G. Political Science: Textbook. – M.: FAIR-PRESS, 2000. – 416 p.

**Kravtsov D.N. POLITICAL PROPAGANDA AS A PHENOMENON OF SOCIAL AND POLITICAL REALITY**

*The article explores the phenomenology of political propaganda. In the light of modern philosophical and communicative theories, the essence of political propaganda as a communicative political process, its difference from other types of political communication (agitation, political advertising, public relations), communicative and manipulative methods and means of propaganda are comprehended. It is concluded that modern processes of information and psychological confrontation determine the need to use political propaganda to consolidate the nation and counter the destructive influence of geopolitical opponents.*



**Key words:** *propaganda, political propaganda, ideology, counter-propaganda, information-psychological confrontation.*

**Кравцов Дмитрий Николаевич** – аспирант кафедры общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

**Kravtsov Dmitry Nikolaevich** – Postgraduate Student of Department of Public Relations and Media Policy of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow.

**E-mail:** dmitrykrav.row@gmail.com

**Рецензент: Исаев Владимир Данилович** – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля.

УДК 130.2 (47+57):[32:111.852]

*Манасеев Д.Д.*


## **ЭСТЕТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

*В данной статье анализируются эстетические категории и их соотношение с политической мифологией, существовавшей в советской культуре. Особое внимание акцентируется на актуальности методологической оправданности исследования политической мифологии сквозь призму эстетики и ее категорий.*

**Ключевые слова:** *идеология, комедия, политический миф, социалистический реализм, трагедия, футуризм, эстетика.*

**Введение.** В настоящее время актуальными становятся проблемы мифотворчества. Миф в своем многообразии проникает во все сферы человеческой деятельности, в том числе: философию, науку, искусство, политику. В данной статье мы сконцентрируем фокус нашего внимания на политическом мифе, который мы понимаем в качестве сложного и многогранного по своей сути явления, характеризующегося благодаря различным аспектам своего бытия. Одним из таких аспектов является сфера эстетики, в которой формулируются общие закономерности





чувственного отношения человека к миру. В связи с этим возникают вопросы, каким образом конструирование политической мифологии способно влиять на искусство, а также какова обратная взаимосвязь данных отношений? Должен ли миф для его восприятия быть по природе своей прекрасным или безобразным, возвышенным или низменным, трагичным или комичным? На большинство из этих вопросов еще нет устоявшихся ответов, что обуславливает актуальность данной проблематики.

**Анализ публикаций.** Осмысление проблемы мифа занимало умы множества мыслителей различных времен. Данной проблемой или связанной с ней проблематикой в западной философии занимались: Ксенофан, Платон, Аристотель, Дж. Вико, К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Ницше, Ж. Сорель, В. Парето, З. Фрейд, Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, К.Г. Юнг, К. Ясперс, Э. Фромм, Э. Эриксон, К. Леви-Стросс, Р. Барт. Огромный вклад внесли отечественные мыслители: Н.А. Бердяев, В.И. Ленин, А.Ф. Лосев, А.В. Гулыга, И.И. Антонович, В.П. Макаренко.


Однако научное осмысление проблемы находит свое отражение в различных исследованиях лишь частично. Таким образом, проблемой соотношения мифа и искусства с теоретической ясностью была поставлена в немецкой романтической эстетике, хотя в общеполитическом аспекте она рассматривалась и раньше (например Дж. Вико и Г. Гердером). Интересная концепция соотношения искусства с мифом появилась в эпоху романтизма. Миф стал пониматься как первообраз искусства, как необходимое условие и исходный материал для него (Ф. Шеллинг, Ф. Шлегель), в дальнейшем эти идеи в своей работе «Рождение трагедии из духа музыки» развил Ф. Ницше.

Большой интерес вызывает структурно-семиотический анализ мифа, который рассматривает миф как древнейшую знаковую форму. Семиотический метод в исследовании мифа в отечественной мысли применяли В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, а за рубежом, прежде всего - К. Леви-Стросс, Р. Барт.

Также следует отметить вклад, внесенный Р. Ароном, Э. Вожденом, Н. Гудрик-Кларком, Р. Грифффином, Э. Джентиле, ученые изучали политическую мифологию в тоталитарных государствах и ее взаимосвязь с религиозной мифологией.

Однако, несмотря на проявленный интерес со стороны различных мыслителей, остается практически не исследуемой взаимосвязь идеологии и политической мифологии. Кроме того, практически не рассматривался вопрос, касающийся эстетизации политической мифологии, в частности в советской культуре.


**Цель статьи.** Рассмотрение процесса эстетизации политической



мифологии в советской культуре. Такой взгляд на проблему, позволяет нам рассмотреть плоскость советской культуры не только со стороны политического мифа и идеологии, но и заглянуть глубже и увидеть ее в качестве творческой рефлексии художника.

**Основная часть.** Несмотря на то, что эксплицитный характер эстетика приобрела сравнительно недавно, лишь после опубликования двухтомной работы Александра Баумгартена «Aesthetica» в 1750-1758 г., на протяжении многих веков она имела имплицитный характер и развивалась внутри философии. Сам же Александр Баумгартен под эстетикой понимал ту часть гносеологии, что отвечает за чувственное познание, которое исследователь относил к низшему уровню эпистемологии, а высшем же, по мнению философа, являлась логика. Многие идеи ученого были предметом для споров. В результате после напряженного изучения эстетического опыта, сферы искусства и эстетического сознания понимание эстетики как науки трансформировалась. Отечественный философ В.В. Бычков определяет эстетику следующим образом: «Это наука о неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к действительности, изучающая специфический опыт ее освоения (глубиной контакта с ней), в процессе (и в результате) которого человек ощущает, чувствует, переживает в состояниях духовно-чувственной эйфории, восторга, неописуемой радости, катарсиса, духовного наслаждения и т.п. полную гармонию своего Я с Универсумом, свою органическую причастность к Универсуму в единстве его духовно-материальных основ, свою сущностную нераздельность с ним, а часто и конкретнее – с его духовной Первопричиной, для верующих – с Богом» [4; 12]. Таким образом, мы считаем, что эстетическое познание не является тождественным чувственному познанию. Предметы, будучи погруженными в сферу человеческих отношений приобретают новые для них социальные и общественные предикаты, которые составляют их эстетическую ценность. Следует отметить, что эстетическое познание предмета проходит в не непосредственной форме, то есть не в форме взаимоотношения человека с его эмоциональными переживаниями о конкретном предмете, а проходят через отношения выстроенными между человеком и символом, который обозначает данный предмет. Следовательно, абстрагируясь от конкретной, эмпирической характеристики, воспринятое нами содержание приобретает общечеловеческое значение, которое и отражает его эстетическую сторону.


Переходя в плоскость советской культуры, мы отмечаем, что по природе своей она строилась на принципах квазицивилизации. В.Д. Исаев в работе «Человек в пространстве цивилизации и культуры» дает следующее определение: «Квазицивилизация представляет собой общество в его



цивилизационной ипостаси, со всеми, присущими ей силовыми полями установок, устремлений и ориентаций, но построенное на культурных принципах. Наиболее ярким воплощением квазицивилизации явился социализм, построенный в отдельно взятой стране. Но квазицивилизация не только социализм, коммунизм или марксизм. Это всегда комфортные условия, за которые человек расплачивается в большей или меньшей мере потерей всего того, что дает ему культура» [5; 164]. Таким образом, мы можем определить деонтологические ориентиры советской культуры, а также это дает нам возможность создать систему координат, в которой может осуществляться оценка политической мифологии сквозь призму универсальных абстрактных ценностей. Однако эстетика направлена на чувственное познание, которое возможно лишь путем опредмечивания. Следовательно, эстетическая оценка может противоречить этической, а также довольно часто осуществляется подмена этических категорий эстетическими. Категории этики («добро» и «зло», «должное» и «ненадлежащее») могут подменяться эстетическими категориями («прекрасное» и «безобразное», «возвышенное» и «низменное»). Данная подмена позволяет политтехнологам влиять на массовое сознание, придавая различную форму политическим идеям. Благодаря такой работе с различными семиотическими системами формируются новые политические мифы, а также трансформируются уже существовавшие.

В отечественной философии значительный вклад в изучении проблемы мифологии внес А.Ф. Лосев. Философ XX века объединил идеи христианского неоплатонизма и диалектики Ф.В. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, а так же феноменологию Э. Гуссерля. В центр своего внимания он ставил проблему символа и мифа. Ученый приход к выводу: «...миф есть развернутое магическое имя. И тут мы добрались уже до той простейшей и окончательной сердцевины мифа, дальше которой уже нет ничего и которое дальше неразложимо уже никакими способами. Это – окончательное и последнее ядро мифа, и дальше должны уже умолкнуть всякие другие преобразования и упрощения. Это максимально простая и максимально насыщенная формула мифа» [6; 53]. Если же миф есть «развернутое магическое имя», то встает вопрос о его восприятии, как происходит его принятие нашим сознанием?


Данный вопрос интересовал французского философа Р. Барта. Ученый характеризует миф как «вторичную семиотическую систему». Первичным порядком означивания является такой порядок, в котором есть: означающее, означаемое и знак. Этот порядок (денотация) соотносится непосредственно со здравым смыслом, очевидным значением знака и не содержит в себе риторических или идеологических наслоений. Коннотация



же характеризует ситуацию того, как знак воспринимается в связи с чувствами и эмоциями индивида. При этом знаком коннотации является означающее первого порядка. К примеру, советский плакат 1930 года Н. Терпсихорова «Иди в колхоз». На плакате изображена женщина, хозяйка скота и присутствует надпись: «Вредит рабочим и крестьянам тот, кто распродает и режет скот. Дадим кулаку дружный отпор, организуем коллективный скотный двор. Со всем инвентарем в колхоз вступай, не режь свой скот, не продавай». Денотацией данного изображения будет являться сообщение, что «следует присоединиться к созданию коллективного скотного двора». Коннотацией же является не только объявление борьбы с буржуазной идеологией в лице кулаков, а факт того, что это делает женщина. Обусловленные экономическими и политическими требованиями времени, образ женщины формировался и транслировался в культурное поле советской культуры и диктовал соответственное отношение к ним (женщинам). Следовательно, понятие «женственности» включало не только такие характеристики как «аккуратность», «опрятность», «чистота», «скромность», но и «профессионализм», а также желание трудиться на равне с мужчинами. То есть на плакате содержится сообщение второго порядка, что СССР – это великое государство, которое дало равную свободу всем своим гражданам, которые готовы объединяться и бороться против несправедливости. Таким образом, посредством мифа реализуется важная идеологическая функция – натурализации. Благодаря ее выполнению происходит постепенное понимание тех или иных ценностей как нормальных и самоочевидных. Еще одним примером могут служить герои романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия». Денотацией является рассказ о жизни и подвиге членов действовавшей в Краснодоне во время Великой Отечественной войны молодёжной подпольной организации под названием «Молодая гвардия». Коннотацией заключается в том, что подвиг совершила именно молодежь СССР. Данное сообщение говорит о том, что самые обычные молодые, советские люди в случае опасности всегда готовы противостоять любым нападкам врага, при этом показать героизм, мужество и отвагу. В образах Олега Кошевого, Ульяны Громовой, Любви Шевцовой, Ивана Земнухова, Сергея Тюленина и многих других А.А. Фадеев показал близкое и общее всем советским людям. Весь стилистический строй романа подчинен показу возвышенного и прекрасного. Данные категории проявляются через поступки, идеалы и стремления того или иного персонажа.

Благодаря этому удается показать глубинные смыслы такого феномена как «советский человек».

В «Мифологиях» Р. Барт также говорит о трех способах прочтения




мифа. В связи с тем, что миф является «вторичной семиотической системой», то мы можем выделить в нем форму и содержание. В зависимости от того на чем сосредоточено наше внимание, на форме или содержании, мы будем иметь различные способы прочтения мифа. Если мы сосредоточимся на форме мифа, то потеряем его содержание, следовательно, будем иметь дело с денотацией. Если же мы сосредоточимся на содержании или же будем четко разделять форму и содержание, то значение мифа окажется разрушенным, в связи с тем, что мы обнаружим содержащуюся в нем деформацию смысла. Лишь восприятие мифа как неразрывного единства смысла и формы позволяет нам ощутить работу его механики. Как писал А.Ф. Лосев «Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность» [6; 1]. Таким образом, ученый трактует миф как определенно понятое социальное бытие. Следовательно, для того кто погружен в мифологическую реальность, миф не является выдумкой или фикцией, он есть «подлинная и максимально конкретная реальность» [6;1].

Учитывая вышесказанное, возникает вопрос: какие мифологические модели используются для создания той или иной идеологии. Мы выделяем следующие: солярные и лунарные мифы; космогонические мифы; мифы о происхождении культурных благ; героические и календарные мифы. Ключевыми смысловыми сюжетами являются: «время», «мессия», «борьба», «герой», «враг». Благодаря их использованию происходит легитимация правящего режима и визуализация пропаганды.

Как правило, любая идеология должна быть ориентирована во времени или на прошлое, или на будущее. Советские идеологии выбрали для себя лозунг: «Вперед, к светлому будущему, товарищи». Следовательно, мы наблюдаем ориентацию на будущее, которая подразумевает готовность стерпеть все невзгоды, чтобы потом насладиться своими плодами. В практической плоскости, мы видим взаимодействие между эстетикой и политической мифологией, в первую очередь речь идет о непосредственном преобразующем влиянии советской идеологии на творческую жизнь в стране.


Большое влияние на советскую идеологию оказала категории «величественное» и «низменное». Которые проявлялись через ритуалы и обряды, а также их легко проследить в процессе мифологизации или же демифологизации культурных героев, которыми зачастую выступали политические лидеры. Портреты вождей мирового пролетариата –



К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и их верных последователей украшали кабинеты официальных учреждений, не сходили со страниц газет и журналов, висели в школьных классах, красных уголках на заводах и фабриках, в домах простых советских граждан. В тоталитарном обществе фигура вождя служит единственным человеческим воплощением всевластия государства. Для традиционного стиля мышления всегда необходим конкретный идеал, зримый, чувственный образ, которому хотелось бы подражать, поклоняться. В.И. Ленин идеально подошел для этой цели. Именно он был помещен в мавзолей, в соответствии с архаическими представлениями о бессмертии души. Советская пропаганда неоднократно подчеркивала, что «Ленин всегда живой»; даже партбилет за номером 001 всегда выписывался на его имя. Перед Мавзолеем несколько раз в год проходили парады и демонстрации, при этом действующие лидеры стояли на трибуне самого Мавзолея, а демонстранты несли портреты вождей, как верующие во время крестного хода несут образа и хоругви. Тем самым показывалась «возвышенность» личности В.И. Ленина и правящей элиты.

Мы наблюдаем, что назначением эстетики, в пространстве политической мифологии в советской культуре, становится пропаганда действующей власти. Следовательно, государство в своем стремлении подчинить плоскость эстетического, а в частности художественное творчество, вынуждено выстраивать стратегии в области искусства. В связи с этим искусство теряет свою утилитарность, становится орудием достижения идеологической и политических целей. Для достижения таких целей в государстве создается специальный аппарат. Существовала единая политика партии и государства, которые определяли основные направления развития страны. Решения партийных съездов и постановления ЦК КПСС, напрямую не связанные с культурой, например в сфере экономики, внешней политики или касающиеся развития сельского хозяйства, тем не менее, оказывали существенное влияние на формирование и реализацию политики в области культуры. Тем самым культура (изобразительное искусство в частности) становилось средством идеологии и инструментом для достижения власти. Мы наблюдаем ситуацию, когда многие формы художественной жизни общества были монополизированы правящей партией. Однако нельзя сказать, что искусство не развивалось. В советский период происходит заметная активизация культурной жизни страны. Ее художественно-творческое наследие и по сегодняшний день обладают огромным культурным и эстетическим потенциалом.

Для советской эстетики характерно два ярко выраженных этапа –




это футуризм и социалистический реализм. Оба этих направления оказали колоссальное значение на советскую культуру.

Футуризм – это отдельное течение авангардного искусства и литературы, развившийся в начале XX века в основном в Италии и СССР. Футуристическая эстетика, в своей сущности, базируется на анти-традиционности. Футуризм отказывается от художественного наследия («Марсельеза» на текст П.Л. Лаврова: «Отречёмся от старого мира! Отряхнем его прах с наших ног нам враждебны златые кумиры; ненавистен нам царский чертог»). Как мы видим, старой культуре противопоставляет новая, которая должна была ответить существовавшим вызовам и удовлетворить потребности пролетариата. Считалось, что развитие техники и технологий приведет к качественному преобразению всего сущего.

Формирование следующего стиля – социалистического реализма, приходится на момент консолидации власти Сталина. Сама же дефиниция «социалистический реализм» была разработана во время литературной дискуссии, которая велась в СССР в конце 20-х - начале 30-х годов. Писатели, что участвовали в обсуждении нового термина, который должен был определять единое направление, предлагали различные названия «нового метода». Были предложены такие варианты: «монументальный реализм» (А. Толстой), «генденциозный реализм» (В. Маяковский), «Пролетарский реализм» (Ф. Гладков, Ю. Либединский) и т.п. Однако лишь в 1932 году, на совещании, которое состоялось на квартире М. Горького, художественным методом советской литературы был назван «Социалистический реализм». Но реалистичной советскую эстетику можно назвать только с точки зрения формы, ее содержание же относительно действительности было глубоко утопическим. Однако в отличие от футуризма, социалистический реализм представлял такую эстетику, которая была понятна почти каждому, а не только узкому творческому кругу.

Язык и инструменты эстетики постоянно развиваются. К началу XX века в арсенале эстетической науки было огромное количество категорий, значительная часть которых была наследием древности. Одной из них является категория «трагическое», которая отражает диалектику свободы и необходимости, при этом показывает наиболее острые жизненные противоречия. Данная категория способствует сакрализации того или иного события или же личности. Смежной же категорией является «комическое», она вызывает процесс десакрализации и начала подмены одного политического мифа другим. Следует также отметить, что уже в эпоху постмодерна, комическое тоже может выступать инструментом именно сакрализации. Это становится возможным из-за «частичной карнавализации» всех сфер человеческой деятельности.



**Выводы.** В условиях жесткой информационной и психологической борьбы за умы людей миф имеет огромное значение. Он управляет человеком, создает для него особую – мифологическую реальность. Бесконечный поток информации, нашествие символов, а также образов способствуют мифологизации сознания. Однако вследствие того, что миф является устойчивой структурой, он позволяет внести определенную упорядоченность и выстроить картину мира, в которую человеку хотелось бы верить. Анализ же политической мифологии с точки зрения эстетики дает новые перспективы для изучения данного феномена. Исследование способов конструирования, а также самой природы политического мифа показывают, что процесс мифотворчества нельзя свести только к направляемым процессам, элементы стихийности в нем сохраняются всегда. Проведенная нами работа способствует дальнейшему познанию взаимосвязи феноменов политическая мифология и эстетики.

### **Л и т е р а т у р а**

1. Барт Р. «Мифология» / Р. Барт. – М.: Гардарики; 2004. : Электронный ресурс – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=9791> (дата обращения 28.04.2019).

2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: «Художественная литература», 1990. – 543 с.

3. Бжезинский З. Идеология и власть в советской политике / З. Бжезинский – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 127с.

4. Бычков В.В. «Эстетика»: [Электронный ресурс] / В.В. Бычков// М.: Академический Проект; 2008 – URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/379443-rolan-bart-mifologii.html> (дата обращения 28.04.2019).

5. Исаев В.Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры / В.Д. Исаев – Луганск: Світлиця, 2003. – 188 с.


6. Лосев А.Ф. «Диалектика мифа»: [Электронный ресурс] /А.Ф. Лосев / / М.: 2001. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=61871&p=53> (дата обращения 28.04.2019).

7. Шелюто В.М. и В.И. Ильченко Духовная культура в пространстве сакрального / В.И. Ильченко, В.М. Шелюто. – СПб: Изд-во «Ъ», Луганск ООО «Пресс-экспресс», 2016. – 676 с.

### **R e f e r e n c e s**

1. Bart R. «Mifologiya» / R. Bart. – М.: Gardariki; 2004. : Elektronnyiy resurs – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=9791> (data obrascheniya 28.04.2019).





2. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa / M.M. Bahtin – M.: «Hudozhestvennaya literatura», 1990. – 543 s.

3. Bzhezinskij Z. Ideologiya i vlast' v sovetskoj politike / Z. Bzhezinskij – M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1963. – 127s.

4. Bychkov V.V. «Estetika»: [Elektronnyj resurs] / V.V. Bychkov/ / M.: Akademicheskij Proekt; 2008 – URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/379443-rolan-bart-mifologii.html> (data obrashcheniya 28.04.2019).

5. Isaev V.D. Chelovek v prostranstve civilizacii i kul'tury / V.D. Isaev – Lugansk: Svitlicya, 2003. – 188 s.

6. Losev A.F. «Dialektika mifa»: [Elektronnyj resurs] /A.F. Losev / / M.: 2001. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=61871&p=53> (data obrashcheniya 28.04.2019).

7. Shelyuto V.M. i V.I. Il'chenko Duhovnaya kul'tura v prostranstve sakral'nogo / V.I. Il'chenko, V.M. Shelyuto. – SPb: Izd-vo «"», Lugansk OOO «Press-ekspress», 2016. – 676 s.

#### **Manaseev D.D. AESTHETIZATION OF THE POLITICAL MYTH IN THE SOVIET CULTURE**

*This article analyzes aesthetic categories and their relationship with political mythology that existed in Soviet culture. Particular attention is focused on the relevance of the methodological justification of the study of political mythology through the prism of aesthetics and its categories.*

**Key words:** *ideology, comedy, political myth, socialist realism, tragedy, futurism, aesthetics.*

**Манасеев Дмитрий Дмитриевич** – аспирант кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

**Manaseev Dmitry Dmitrievich** – postgraduate student of the State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

**E-mail:** manaseev@inbox.ru

**Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

*Гавлицкий Е.М., Смолянинов Д.И.*

## **КРИЗИС МОРАЛИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПО ПУТИ СОЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**


*Исследуются вопросы современного кризиса моральных систем. В свете современных философско-коммуникативных теорий осмысливается сущность традиционных и современных моделей морали, а также возможность создания универсальной морали. Делается вывод, что современный прогресс человечества детерминирует индивидуализацию человеческого бытия, что может привести к разрушению или деформации системы традиционной христианской морали, а также появлению современных эгоцентрических моделей морали.*

**Ключевые слова:** мораль, универсальная мораль, кризис морали, индивидуализация, эгоцентризм.

**Постановка проблемы.** С развалом СССР и формированием многополярной модели мира мораль общества вошла в новую фазу трансформации, причем управляющими параметрами здесь выступают как специфические национально-ментальные факторы, так и имеющиеся сегодня глобальные детерминанты. Действительность уникальна и неповторима, моральные нормативы и ценности подчиняются ей, формируются в процессе ее реализации и динамики. И сами моральные принципы человека являются фактором создания действительности. Мотивы, чувства, убеждения побуждают человека к поступкам, ответственным и осмысленным действиям, что очень важно в условиях глобальной взаимной зависимости.

Сегодня стоит вопрос морального аспекта бытия человека: для того ли Бог выделил человека из природы, чтобы он, вооружившись мышлением и языком, сознанием, средствами коммуникации, а сегодня и современными информационными системами, стал жестоким потребителем природы? Сможет ли человечество найти мудрый баланс в построении своего макромира?

**Анализ научных исследований и публикаций.** Исследования трансформаций ценностных ориентаций личности осуществлялись в работах Л. Архангельского, О. Дробницкого, А. Здравомыслова, В. Тугаринова, В. Ольшанского, В. Бойко, М. Горшкова, Г. Дилигенского,




Н. Журавлева, В. Соколова, Ж. Тощенко, Г. Диснера, М. Долена, Д. Майтона, С. Морриса, С. Николаева, Г. Питса, Х. Христова и др. В последнее время размышления над проблемой влияния глобализационных процессов на мораль нашли широкое отражение в различных публикациях многих ученых, среди них: К.-О. Апель, Ж. Бодрийяр, Ю.Габермас, А. Назарчук, Е. Макинтайр, М. Сендел, Ч. Тейлор, Т. Рокмор, А. Ермоленко, Н. Савельева, В. Надурак, Н.П. Дударь и др. В то же время указанные исследования не раскрывают полноты проблемы трансформаций ценностных установок личности в современном глобализационном процессе.

**Цель исследования.** Целью исследования является проведение анализа морально-этических сдвигов современного общества на фоне развития глобализационных процессов.

**Основная часть.** Интеграционные процессы, охватившие современную цивилизацию, породили немало проблем, среди которых одной из главных является сложность взаимопонимания между различными сообществами, населяющими планету, поскольку они исповедуют часто довольно отличные этические учения. Без базового консенсуса относительно нравственных ценностей и норм успешный ход интеграционных процессов вряд ли возможен. В этом контексте в научных кругах даже идет речь о необходимости появления «новой этики» и «новой морали».

В последнее время размышления над проблемой влияния глобализационных процессов на мораль нашли широкое отражение в различных публикациях многих авторов. Идет много дискуссий о том, какой должна быть мораль в глобализированном обществе, то есть как сосуществовать людям, которые находятся в различных партикулярных этических системах: возникнет единая универсальная этика или мы обречены на перманентный конфликт и непонимание, или возможны другие варианты? [1, с. 513]. Примерно в кругу этих вопросов находится предметное поле нашего исследования.

В начале третьего тысячелетия особую остроту и сложности приобретают глобальные проблемы, с которыми человечество столкнулось впервые. Это проблемы выживания, сохранения жизни на Земле, безопасности, трансформации развития (дальнейшего развития человеческой культуры). Но одними из самых главных в этом перечне являются моральные аспекты глобальных проблем современной цивилизации. Дальнейшее продвижение прогресса человечества невозможно без учета глобальных проблем развития нравственности и отдельного человека, и человечества в целом, носителей и творцов



культуры и моральных ценностей.


475 миллиардеров планеты контролируют сегодня финансы, превышающие половину богатств всего человечества. И это при том, что более 1.5 млрд. людей голодают. Это означает, что пропасть между богатыми и бедными все расширяется. Годовая прибыль криминального мира составляет почти 2 трлн. долларов. Все эти явления имеют морально-нравственный аспект.

Потребительские интересы на протяжении тысячелетий закрепляли в сознании человеческой личности, в ее морали агрессивную доминанту, которая наследуется по принципу социального импринтинга. Это становится основой поведенческой (этической) морали как к себе, так и в отношении близких, всего человечества, природы и Бога. Повсеместно звучат мнения о необходимости согласования партикулярных этических систем, ведь благодаря тотальному сближению народов, вызванному глобализацией, очевидна необходимость согласования деятельности различных частей человечества, нормализации их сосуществования. Глобализация является одним из важнейших факторов, который влияет на развитие современных моральных систем. И ответ, реакция на этот «раздражитель» должна появиться.

Одним из возможных вариантов дальнейшего развития системы является так называемая «универсальная этика» [2, с. 92]. Однако даже в случае развития системы именно в этом направлении, однозначности в прогнозах быть не может – насколько универсальной будет такая этика, как будут согласовываться традиционные и универсальные этические нормы – на эти вопросы нет и не может быть однозначного ответа. Единственным четким фактом является сама необходимость нормативного согласования действий различных частей человечества в той или иной сфере, в которой они сотрудничают, взаимодействуют и неизбежно конфликтуют. На этот запрос должен появиться ответ со стороны общества.

Вопросы взаимодействия различных моральных систем в глобализирующемся мире встраиваются в более широкую проблему межкультурного взаимодействия. Дискуссия о перспективах сосуществования культур в глобальном мире является одной из самых острых в современных гуманитарных науках. В ней сторонами постоянно подчеркивается конфликтность такого сосуществования, в связи с чем делаются пессимистические прогнозы о будущем человечества и, в частности, невозможности существования универсальной этики.

Сегодня, в процессе сближения культур, тесного их взаимодействия происходит взаимопроникновение тех или иных элементов (случайное, целенаправленное, часто даже с силовым оттенком). Некоторые из



чужеродных элементов усваиваются национальной культурой и становятся «своими», другие – отвергаются. Это естественно. Каждая культура имеет свои веками сложившиеся ценности, идеи, традиции, которые являются константами человеческой экзистенции. Поэтому когда происходит попытка их замещения, десакрализации (даже в незначительной степени), то бурная реакция отторжения, неприятия ожидаема.


Срабатывает то, что можно было бы назвать «культурным иммунитетом». Появляется конфликт. В структуре такого взаимодействия обязательно оказываются и те элементы, которые воспринимаются обществом и впоследствии становятся его неотъемлемой частью (этот процесс американский исследователь Томас Л. Фридман назвал «глокализацией») [3, с. 232]. Таким является обычный алгоритм развития любой культуры, каждая из которых развивалась, обогащаясь в диалоге с другими и, с другой стороны, ни одна из них не могла развиваться в «замкнутом пространстве».

Таким образом, у современных моральных систем могут быть два возможных типа аттракторов (вариантов развития) [4, с. 27]. Назовем их традиционным и модерным.

Аттрактор, названный нами «традиционным» предусматривает развитие нравственных систем, основываясь на традиционных, проверенных историческим опытом ценностях, принципах морали с их коррекцией под требования современности. То есть такой сценарий предполагает, что в рамках традиционной этики будут найдены ресурсы, потенциал для адаптации морали к изменению управляющих параметров.

Модерный аттрактор связан с мыслью, которая распространена среди исследователей: те изменения, которые постигли мир, неизбежно потребует значительно более весомой, фундаментальной трансформации морали, чем просто обновление традиции. В этом контексте идет речь о необходимости появления «новой этики» и «новой морали».

Большое количество современных исследователей считает, что новая универсальная этика должна формироваться как коммуникативная этика, ориентированная на рационализм, так как она имеет существенное преимущество – мобильность. Ведь темпы развития современного мира могут быть определены как сверхбыстрые. В данном контексте исследователи отмечают, что мораль не успевает за развитием общества и, в частности, техносферы. В связи с этим делается вывод о необходимости морали быть мобильной, чтобы адекватно реагировать на вызовы современности. А присущий ей консерватизм и традиционализм часто препятствуют этому. Именно здесь обращает на себя внимание рационалистическое течение в этике (Сократ, Кант, Хабермас, Апель и др.),



которое видит основой морали рациональную составляющую, которая может дать возможность оперативно реагировать на актуальные нравственные проблемы [5, с. 73].


Если говорить о тех исследователях, которые скептически смотрят на перспективы универсальной этики, то обстоятельнее проработанными являются научные изыскания постмодернистов и коммунитаристов.

Постмодернизм признает неприемлемым универсалистский взгляд на мораль. По мнению постмодернистов, не единые универсальные стандарты, зафиксированные в максимах, а добродетели отдельных обществ, с их различными практиками – вот единственно возможная точка отсчета для этики. Универсальная этика скомпрометировала себя своими социальными последствиями.

Более последовательную критику универсальной этики находим в трудах коммунитаристов (у постмодернистов она имеет более эмоциональный характер). Коммунитаризм – это направление, сформировавшееся в ходе дискуссий вокруг книги Джона Ролза «Теория справедливости» (1971). Идеи, высказанные в данной работе, претендовали на обоснование универсальной морали и отстаивали в таком качестве принципы либерализма. Главная идея коммунитаризма заключается в том, что только сообщество может быть настоящим источником и носителем моральных идей. Самыми известными представителями этого направления являются Э. Макинтайр, М. Сэндэл, Ч. Тейлор. Именно их монографии, содержащие критику либеральной идеи [6; 7, с. 111], в начале 80-х годов XX века положили начало коммунитаризму.

Э. Макинтайр, проанализировав различные попытки рационального обоснования морали, в которых учёные стремились выявить универсальные составляющие морали, в конце концов, делает вывод, что мораль не может быть обоснованной вне исторического и культурного контекста. Моральные принципы могут быть поняты только как результат анализа практики в конкретном обществе. Он пишет, что мораль «вытекает из конкретной практики реально существующей общины, поэтому любые поиски абстрактных принципов морали – пустая работа» [4, с. 221]. В качестве одной из главных угроз морали в либеральном обществе Э. Макинтайр видит процесс индивидуализации нравственной жизни, потому что «мораль является голосом общества в индивиде», соответственно, индивидуализм с моралью не совместим. В связи с этим усиление индивидуализма порождает такие явления, как потребительство, бегство в личную жизнь, нарциссизм, отчужденность и т.д.

Резюмируя такие взгляды, можно утверждать, что коммунитаризм, критикуя одну форму обособленности – индивидуальную, которая ведет к



либеральному эгоизму, порождает другую – коллективную, и коллективный эгоизм соответственно. Такая позиция тоже может привести к этнической неприязни и конфликтам (что, собственно, сегодня часто и происходит).


**Выводы.** Большинство исследователей констатируют, что мы сегодня переживаем период значительных изменений в моральных системах. По нашему мнению, они, среди прочего, проявляются в разрушении старых форм морали (коллективистских, основанных на традиции, общинности и бессознательной рецепции). Им на смену идут «новые». Какие они будут – определить трудно. Однако вполне возможно, что они будут носить личностное измерение, то есть основываться на сознательном выборе индивидов индивидуалистского эгоцентрического пути развития, что справедливо предсказывалось коммунитаристами.

### Литература

1. Академическое религиоведение. – М.: Мир знаний, 2000. – 862 с.
2. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Очерк II – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Nasar Ocherk2.htm>)
3. Надурак В.В. Эволюция морали: синергетический подход // Вестник Государственной академии руководящих кадров культуры и искусств. – Киев, 2006. – С. 25-31.
4. Макинтайр Э. После добродетели: Исследования по теории морали. / Пер. с англ. – М.: Дух и буква, 2002. – 436 с.
5. Ермоленко А.М. Взаимодействие стратегического и коммуникативной рациональности // Человек и культура в условиях глобализации. – М.: Изд. ПАРАПАН, 2003. – С.71-79.
6. Структура дискурсивной этики // Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. – Режим доступа: <http://www.nazarchuk.com/0160.html>
7. Кьелл А. Бизнес в стиле фанк / Кьелл А., Нордстрем Й. – Режим доступа: <http://ariom.ru/litera/2003-html/funki/funki.htm>

### References

1. Akademicheskoe religiovedenie. – M.: Mir znaniy, 2000. – 862 s.
2. Nazaretyan A.P. Tsvivilizatsionnyie krizisyy v kontekste universalnoy istorii (Ocherk II – Rezhim dostupu: <http://spkurdyumov.narod.ru/Nasar Ocherk2.htm>)



3. Nadurak V.V. Evolyutsiya morali: sinergeticheskiy podhod // Vestnik Gosudarstvennoy akademii rukovodyaschih kadrov kulturyi i iskusstv. – Kiev, 2006. – S. 25-31.

4. Makintayr E. Posle dobrodeteli: Issledovaniya po teorii morali. / Per. s angl. – M.: Duh i bukva, 2002. – 436 s.

5. Ermolenko A.M. Vzaimodeystvie strategicheskogo i kommunikativnoy ratsionalnosti // Chelovek i kultura v usloviyah globalizatsii. – M.: Izd. PARAPAN, 2003. – S.71-79.

6. Struktura diskursivnoy etiki // Nazarchuk A.V. Etika globaliziruyushegosya obschestva. – Rezhim dostupa: <http://www.nazarchuk.com/0160.html>

7. Kell A. Biznes v stile fank / Kell A., Nordstrem Y. – Rezhim dostupa: <http://ariom.ru/litera/2003-html/funki/funki.htm>

### **Gavlitsky E.M, Smolyaninov D.I. THE CRISIS OF MORALITY IN THE EPOCH OF GLOBALIZATION: ON THE WAY OF CREATING A UNIVERSAL MORAL SYSTEM**

*We study the current crisis of moral systems. In the light of modern philosophical and communicative theories, the essence of the traditional and modern models of morality, as well as the possibility of creating a universal morality, is understood. It is concluded that the modern progress of humanity determines the individualization of human existence, which can lead to the destruction or deformation of the system of traditional Christian morality, as well as the emergence of modern egocentric models of morality.*

**Key words:** *morality, universal morality, morality crisis, individualization, egocentrism.*


**Гавлицкий Евгений Михайлович** – аспирант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета им. В.И. Даля.

**Gavlitsky Evgeniy Mikhaylovich** – postgraduate student of the Department of World Philosophy and Theology of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl.

**E-mail:** Gavlickii@yandex.ru

**Смолянинов Дмитрий Михайлович** – магистрант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета им. В.И. Даля.





**Smolyaninov Dmitriy Mikhaylovich** - master's student of the Department of World Philosophy and Teology of the Lugansk National University named after Vladimir Dahl.

**E-mail:** smol\_d@yandex.ru

**Рецензент: Исаев Владимир Данилович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой философии и теологии Луганского национального университета им. В.И. Даля.



# АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

УДК 37.035.4:342.742

*Ильченко В.И., Токмачева М.А.*

## ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО МИРА


*Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.*

**Иоан.4:24**

*Русский и православный слова синонимы. Русский без православия и без Бога дрянь, а не человек.*

**Ф.М. Достоевский**

*Кто не имеет религии и не чувствует ее потребности, тот не должен воспитывать детей. Всякое религиозное чувство выше всех остальных и само по себе почтенно; но должно воспитывать в почтении к той религии, к которой принадлежит воспитатель, и в этом отношении мы поставлены очень счастливо, ибо наша религия соответствует самым*



высоким требованиям  
воспитания.

**К.Д. Ушинский**

*Нравственность связана с потенциальной универсальностью человека как трансцендирующего бесконечного существа, потому её принципы безусловны, безоговорочны и всеобщы.*


*Мораль связана с актуальной ограниченностью человека как члена какой-либо социальной группы и представляет собой конечную систему норм и правил. Она не общечеловеческая, а всегда групповая (сословная, классовая, национальная, партийная и т.д.).*

**А.С. Арсеньев**

*Статья апеллирует к необходимости решения проблем духовно-нравственного воспитания в ЛНР в духе педагогической антропологии Христоцентризма как единственно правильного учения о человеке, основанном на Священном Писании и Предании и подтвержденном тысячелетним духовным опытом наших православных предков. Указывая на юридические и содержательные упущения в современной образовательной парадигме, авторы предлагают свой замысел формирования необходимых условий для целостного развития как отдельно взятой личности, причастной к Русскому Миру, так и всего народа.*

**Ключевые слова:** педагогическая антропология Христоцентризма, Русский Мир как среда духовно-нравственного развития, смена образовательной парадигмы, воспитание народа.

**Постановка проблемы.** Когда человек или целый народ попадает в беду или другие остросюжетные политико-государственные и кроваво-боевые коллизии, всегда ведется активный поиск оптимального пути




выхода из сложившейся ситуации. Разнообразные и даже взаимоисключающие предложения, рецепты, теоретические модели и концепции могут предлагаться из многих источников, но выбрать нужно один, истинный. Сущностно, такая итоговая концепция должна резонировать с высшими духовными и нравственными ценностями данного народа, с его многовековыми идеалами, культурой, верой и обычаями. Для нас – это Русский Мир, а Русский Мир – это Православие. А Православие – это всемирная, наднациональная религия, где нет уже ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, ни язычника, ни варвара, ни мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе (Гал.3:28; Колос. 3:11).

В своей инаугурационной речи 21 ноября 2018 года вновь избранный Глава Луганской Народной Республики Леонид Пасечник заявил, что годы неопределенности на Донбассе прошли. Избрано направление развития Республики и наших стратегических партнеров, которые будут помогать нам идти по намеченному пути. Мы вместе проголосовали за единый вектор развития, направленный на интеграцию с Российской Федерацией. В свете такой парадигмы встаёт важнейший вопрос, относящийся не только к социальной, политической, но и к сугубо педагогической сфере: как, какими средствами воспитать не только требуемую личность, но и весь народ, кто будет реализовывать этот грандиозный проект, и при помощи каких концептуальных оснований и каких организационных структур он будет осуществляться?


Вопросы духовно-нравственного воспитания привлекали внимание выдающихся философов древности. Весомый вклад в разработку проблем духовности внесли отечественные мыслители (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.С. Гогоцкий, И.А. Ильин, Л.Ф. Каптерев, Н.И. Пирогов, В.С. Соловьёв, К.Д. Ушинский, П.Д. Юркевич и др.). В настоящее время эта проблема получила развитие в работах А.Г. Адамовой, Е.П. Белозерцева, Е.В. Бондаревской, Р.Х. Лепехиной, С.В. Пашкова и других ученых. Однако, несмотря на то, что исследования феномена духовно-нравственного воспитания велись довольно широко и на разных уровнях, они представляют собой некую фрагментарную картину, состоящую из набора разрозненных элементов, лишенную системного единства и цельности. Эти элементы не могут быть сшиты идеологическими скрепами научно-материалистической доктрины, ибо понятия духовности и нравственности в своём онтологическом содержании далеко уходят в вечное пространство трансцендентного, метафизического и сверхъестественного.

**Цель исследования.** Исходя из методологического принципа дополнительности, для эффективного решения поставленных задач



необходимо создание теоретического инструментария, построенного на основании диалектического единства богословия, философии, науки, педагогики, сакральной педагогики [2, с. 24–30; 3, с. 56–69; 12, с. 432–604], психологии, православной антропологии, т.е. всего того, что ранее разъединялось и противопоставлялось, а теперь диалектически и синергично должно восстать в единую резонирующую системность. Но эта системность может оптимально и эффективно работать только в том случае, когда мистические и трансцендентное будет доминантным над научно-материалистическим и когда, наконец, закончится эксплуатация совершенно абсурдной гипотезы о происхождении человека от обезьяны. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс полтора столетия назад уверенно заявили, что «анатомия человека есть ключ к пониманию анатомии обезьяны» (более сложная и развитая система является основой понимания более простой, потому земной, внешний человек может быть понят только с позиции осознания человека внутреннего, святого и сакрального, а он, в свою очередь, – через познание Богочеловека – Иисуса Христа). Именно такая концепция, основанная на понимании педагогической антропологии Христоцентризма [1; 4, с. 208–212; 5, с. 183–186; 13, с. 241–259; 16], позволит теоретически разработать и практически осуществить заявленную цель современного *духовно-нравственного воспитания во всей полноте и истине*.

**Основная часть.** Как известно, воспитание невозможно без наличия и манифестации духовных ценностей, без стержневых идей веры, культуры и традиций данного народа, без личностного идеала, без которого процесс воспитания эффективно не может осуществляться в принципе. Что же может быть положено в основание этих ценностей? Существует два варианта. Во-первых, ценности могут браться из мира дольного, естественного, телесно-человеческого, конкретного, обыденного, смертного, профанного, земного. Такие ценности ощущаются, воспринимаются, осознаются и закрепляются в нашем сознании нашими естественными пятью органами чувств, посредством которых человеческое сознание способно воспринимать некоторую информацию о естественном, материальном мире. Во-вторых, из мира Горнего, сверхъестественного, Божественного, мистического, вечного, духовного. Для их восприятия Господь дал человеку такой системный орган как сердце, которое может использоваться не только и не столько как своеобразный и неутомимый насос для перекачки крови, но и как сердечные очи и слух, для восприятия Истины, обьятой в мистические формы [18]. Иисус Христос в Нагорной проповеди уведомил всех нас: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5:8). Первые ценности можно назвать морально-душевыми,



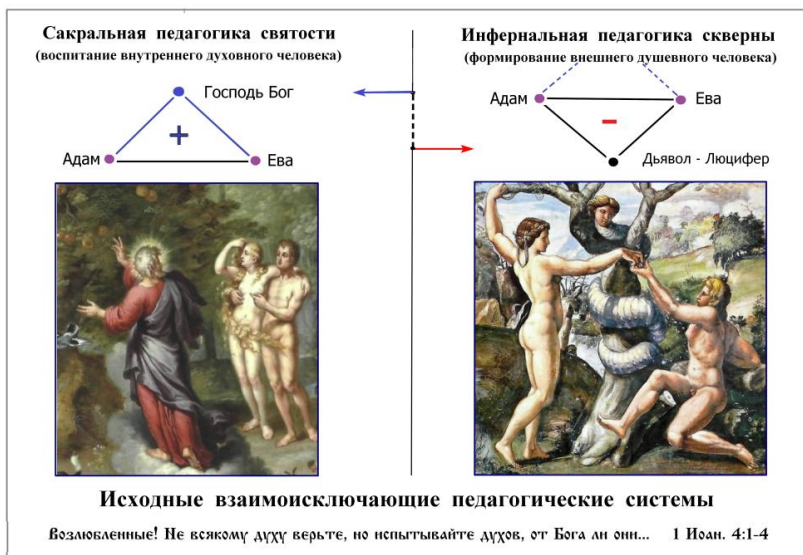
общечеловеческими (на их базе в Советском Союзе был создан документ под названием «Моральный кодекс строителя коммунизма»). Но данные ценности, построенные на идеологическом основании коммунистической доктрины, оказались относительными, релятивными и несостоятельными, ибо развалилась могучая держава как карточный домик (практика – критерий истины). Вторые можно обозначить как духовно-нравственные, то есть Абсолютными, Божественными, ибо «Бог есть дух» (Ин. 4:24). Но они требуют для своего исполнения предельной концентрации, силы воли и неперемennого религиозного соработничества с Богом (Re-ligare).

Чтобы правильно и эффективно заниматься духовно-нравственным воспитанием, требуется осознать *необходимость смены парадигмы* [10, с. 4–50; 11, с. 134–145; 14, с. 41–48; 15, с. 75–86] в представлениях о природе феномена человека в пространстве богословия, философии, социологии, педагогики и психологии, приняв за основу концептуальную библейскую идею Божественного сотворения человека по Образу Создателя: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию» (Быт. 1:27). Человек создан с великим чувством Божественно любви, как уникальная, двухуровневая (естественное – сверхъестественное, человеческое – божественное, телесное – духовное, материя – сознание, конечное – вечное) и сверхсложная система высшего Божественного качества, и ему предопределена высшая цель, смысл и сверхзадача земного бытия – обрести богоподобие (теозис, обожение) по благодати [6, с. 241–254; 7, с. 10; 8, с. 8; 9; 19]. Недаром на протяжении веков святые Отцы не только констатировали тезис, но и призывали к его практическому осуществлению: «Господь вочеловечился, чтобы человек обожился». На этот процесс «обожения» человеку и предоставляется весь его жизненный спектр добротворческих деятельно-содержательных средств и возможностей. Это и есть стратегическая сверхцель. Когда человек осознает эту сверхцель как интенцию и мотив к деятельности по осуществлению, тогда это становится высшим смыслом его земной жизни.


Библейская истина раскрывает и фиксирует вселенскую гуманитарную катастрофу, происшедшую с человеком – акт грехопадения от непослушания, разрушивший общность человека и Бога. Был потерян тот Центр Абсолютного духовного притяжения, в сфере которого только и могло происходить обожение (богоподобие, теозис). Утрата высших Абсолютных ценностей обозначала качественную смену ориентиров, а значит – движение по мнимым, виртуальным траекториям, ведущим к губительному падению в пространство inferнального и соработничеству с дьяволом.

Человек не обладает соответствующим потенциалом собственной

энергии для выхода из этой духовной «потенциальной ямы», потому нужна мощь благодати Божией, которую можно стяжать, разорвав укоренившуюся связь с источником зла и подключившись к божественным энергиям Святого Духа через молитву, литургическое богослужение, исполнение законов Божьих, покаяние, исповедь, участие в таинствах Евхаристии и добродетели. Так начнется целенаправленное, осмысленное и усердное, с великим напряжением воли, движение ко Господу и превращение самого себя в процессе самовоспитания и самообразования из Образа в Подobie Божие.



Из вышеизложенного становится ясно, что понятие «духовное» связано не столько с земным и культурологическим, не только с материально-человеческим и естественным, сколько со святым, вечным, сверхъестественным, мистическим, Божественным. И к такой необычной работе все субъекты воспитательной деятельности должны быть серьезно подготовленными, поскольку осуществление такого воспитания есть сотрудничество родителей и педагогов с самим Богом. Осознание величия столь святого дела должно вызывать трепет у родителей и педагогов. Вне такого подхода *нет смысла* заниматься духовно-нравственным воспитанием, ибо финальная часть его будет губительной на Страшном Суде Божиим.



Грандиозная деятельность духовно-нравственного воспитания должна планироваться не на год, не на десятилетия и не на столетия, а до окончания века и в обязательном и постоянном сотрудничестве с Богом. Ведь сказал же Господь всем нам в назидание: «Без Меня не можете делать ничего» (Иоан. 15:5). Потому в основании предлагаемой стратегии должно быть положено мистическое содержание Книги Книг (Библии), а значит – Священного Писания (Закон Божий) и Священного Предания. Н.И. Пирогов в своей знаменитой статье «Вопросы жизни» еще раз очень точно определил, что мы, в основе своей, православные христиане, и, следовательно, главной основой нашего воспитания служит *Откровение*.

Воспитывать необходимо не только отдельные личности, но и народ в целом. Современная система образования никогда не ставила своей задачей созидание народа. Она занималась только научением человека содержанию тех или иных школьных предметов, для выполнения в будущем тех или иных профессиональных функций, чтобы быть полезным в пространстве цивилизации. Народ же, в основном, был средством решения партийно-государственных проблем. При советской власти эта задача была прерогативой партийно-идеологической деятельности КПСС. Народ это не просто общность людей, проживающих на одной территории, это не электорат. Это та уникальная соборность, которая литургийно объединяет людей в Церкви Святым Духом, которым освящается Погир – Чаша с великими Дарами Тела и Крови Христовых. Вне действия Святого Духа любая нация – толпа. Иеромонах Роман в поэтической форме четко обозначил эту проблему:

Без Бога нация – толпа, объединенная пороком,


Или слепа, или глупа, или что еще страшней – жестока.

И пусть на трон взойдет любой, глаголющий высоким слогом.

Толпа останется толпой, пока не обратится к Богу!

Рассматривая в историческом контексте духовно-воспитательные системы у *некоторых древних народов* (Израиль, Византия, Русь), отмечаем, что по мере возрастания в понимании законов и их практическом исполнении, умножалось развитие и могущество народа. Причем, если три тысячи лет назад закон для богоизбранного еврейского народа состоял из 613 заповедей (по Торе), то позже Моисей получил от Бога на горе Синай на скрижалях 10 основных заповедей (декалог), которые уже предназначались для всех народов мира как свод общечеловеческих Законов, обязательных для исполнения, ибо они составляли основу духовной безопасности планетарного уровня. Вочеловечившись, Иисус Христос заявил, что Он пришел не нарушить Закон, но исполнить! Но Закон Декалога – бездушен, буква закона убивает, а дух животворит» (2





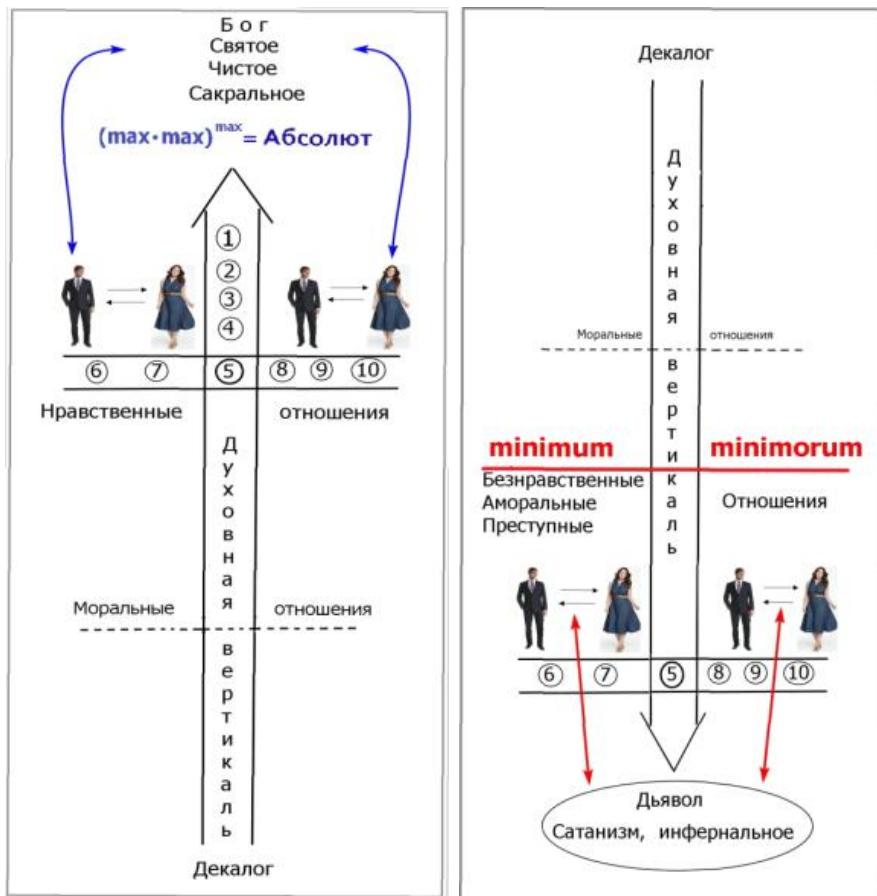
Кор. 3:6), Потому, исполнив Закон, Иисус Христос принёс Новую Заповедь животворящей и жертвенной любви: «Иисус сказал: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Матф. 22:37–40). Смысловой и содержательный перечень ветхозаветного десятословия, нанизанный на ось заповедей любви к Богу и ближнему, проявился своей внешней формой в виде креста, в котором духовная императивная вертикаль образована посредством первых четырех заповедей, славящих Бога. Они требуют своего безусловного исполнения, ибо Бог глава всему и во всём. Пятая заповедь (Почитай отца твоего и мать твою...) – точка пересечения духовной вертикали с горизонталью нравственных человеческих отношений, которые можно выстраивать в совершенно различных религиозно-этических и идеолого-политических системах или на базе общечеловеческих ценностей.

Если в народе наличествовало безусловное выполнение первых четырех (духовных) заповедей, то и нравственная горизонталь по благодати устремлялась вверх, к Абсолюту, образуя правильный крест. Тогда народ укреплялся благодатью Божией и был непобедим. И наоборот, неприятие Бога, атеизм и богоборчество неизбежно занижало нравственные критерии человеческой жизни, опуская их до inferнальных глубин (подобное тянется к подобному). Яркие примеры таких событий, связанных с «перевернутым крестом» мы наблюдаем в древнюю эпоху (рассеяние еврейского народа, гибель Содома и Гоморры, крушение Византийской империи), в богоборческие периоды истории России (Смута, Декабрьское восстание, октябрьский переворот) и сегодня в секулярном западном обществе, пропагандирующем извращения разного толка под видом гуманизма.


Этот планетарный опыт народов нужно знать и помнить нам сегодня, в 2019 году, чтобы не повторять исторических ошибок, а, значит, нацеливать духовно-нравственное воспитание на исполнение двух главных заповедей, представляющих собой спасительный крест для всего человечества.

Для реализации духовно-нравственного воспитания «в Духе и Истине» в ЛНР необходимо преодолеть документально-юридические ограничения и содержательно-профессиональные издержки, затрудняющие возможность достижения истинных результатов. Вот некоторые из них:

– Во временном Основном Законе (Конституции) ЛНР в статье № 3 человек удостоверяется как высшая ценность, чем, во-первых, низвергается статус Бога, а во-вторых, акцентируется доминанта антропоцентризма, что зачастую приводит к эгоцентризму.



– Статья № 9 утверждает, что в ЛНР признается идеологическое многообразие, религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Однако именно православие стало государствообразующей религией и сыграло особую роль в культурно-исторической судьбе нашего народа (о чем сказано в преамбуле Закона ЛНР «О свободе совести и религиозных объединениях» № 252-П от 20.08. 2018).



– В «Законе об образовании» ЛНР от 30.09.2016 г. в 87 статье прописана технология особенностей изучения основ духовно-нравственной культуры ЛНР, однако в 34 пунктах «Основных понятий, используемых в настоящем Законе» нет отдельного полноценно-концептуального пункта о духовно-нравственном воспитании, коль оно заявлено как важнейшее и актуальное.

– В Постановлении Совмина ЛНР «Об утверждении программы духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов ЛНР на 2016-2020 годы» № 532 от 04.10.2016 г. справедливо заявлено о необходимости создания единой системы духовно-нравственного воспитания молодежи ЛНР, однако Бог, Святая Троица, Иисус Христос, Православная Церковь не употребляются в Постановлении как Абсолютные ценности.

– Практическое и системное осуществление процесса духовно-нравственного воспитания затруднено в результате отсутствия целостной философско-научно-богословской теоретической концептуальной модели. Для этой работы можно привлечь кадры соответствующей квалификации вузов ЛНР и священников Луганской епархии.

– Самые узкие звенья процесса реализации духовно-нравственного воспитания – это воспитатели детских садов, учителя школ, преподаватели средних специальных учебных заведений и вузов, которые в большинстве своем совершенно не подготовлены для такой работы. Необходима системная перезагрузка и переформатирование сознания педагогических работников, ведь двуглавый орёл, главный государственный символ Российской Федерации, указывает на пролонгированную синергию в совместной и эффективной жизнедеятельности государства и церкви.

– Для полноценного сотрудничества системы образования и Церкви необходимо привлечение к духовно-нравственному воспитанию настоятелей храмов и часовен, построенных при вузах, превращение их в истинные эпицентры духовности и воцерковления студентов и преподавателей.

– Важно содействовать созданию духовно-просветительских центров при учебных заведениях Республики (подобно ДПЦ имени св. прп. Нестора Летописца при ЛНУ им. Т.Шевченко) для создания системного духовно-педагогического инструмента (Университет – Храм – Духовно-просветительский Центр – Лаборатория) для эффективной реализации задач духовно-нравственного воспитания.


– Необходимо комплексное реформирование образовательной парадигмы с переходом от предметоцентричной и лично-ориентированной на Христороцентричную с целью формирования целостного (научно-религиозного, рационально-метафизического, научно-сердечного,

т.е. рационально-образно-чувственного по Б.В. Раушенбаху [17, с. 89–97]) мировоззрения подрастающих поколений для адекватного представления о современной картине мира и места человека в ней. Для практического осуществления предложенного подхода на кафедре мировой философии и теологии Луганского национального университета им. В. Даля готовятся соответствующие кадры как светского, так и священнического состава.



Эффективно созидать народ ЛНР можно только в лоне жертвенной любви Христовой. Ведь Иисус Христос и Бог, и Царь, и Первосвященник, и Отец, и Учитель, и Воспитатель, и Посредник между Троицей и людьми (Матф. 23:8–10; 1Тим. 2:5–6). Всё в Его власти, в том числе, и созидание народа. Когда люди обретут *статус народа*, тогда только и могут общаться друг с другом как братья и сестры. А начинать нужно созидание народа уже со школьной скамьи, используя принцип деятельностного воспитания и системы коллективной учебно-познавательной деятельности. Пример для этого существует в ряде школ города Луганска ЛНР, например, СОШ № 27, гимназия № 30 и др.

**Выводы.** Философы разных уровней и из разных эпох донесли до нас важную на сегодняшний день весть: «Целься в вершину, а будешь иметь средину», и «отойти, чтобы вернее попасть». Данная работа о духовно-нравственном воспитании в педагогических вузах Русского Мира написана в жанре максимализированного эссе у дорожного камня на



преткновении богословских, научных, педагогических, психологических, философских и иных дорог. Это та идея, в которую пока нужно целиться, чтобы выверить педагогический прицел и свои возможности в правильности понимания понятий, а тем более по реализации той практики, которую детерминируют эти понятия.


Понимая стратегическую серьезность заявленной темы, авторы хотели привлечь внимание читателей, а, тем более, возможных практических исполнителей, к необходимости качественного переосмысления всей педагогической парадигмы, связанной с духовно-нравственным воспитанием, перезагрузки и реформатирования сознания всех педагогических работников и создания для этой цели «Педагогической антропологии Христоцентризма».

Теоретические основания и блоки, которые лягут в фундамент данной концепции, уже есть. Есть в наличии и тот Главный Камень, который безрассудно отрунули строители. Но именно на Нем и будет построено то здание, которое выстоит при любых социальных катаклизмах. И камень этот – Христос.

А куда нужно отойти, чтобы вернее попасть? Отойти нужно в вечность, в Царство Божие, в засмертную точку, чтобы с Божественной высоты увидеть тот путь, по которому нужно пройти каждому человеку, явленному на Земле.


Над этой проблемой много и долго размышлял учитель учителей русских К.Д. Ушинский [20, т. 8–10]. Он писал, что педагогов численно нужно не менее, а даже еще более, чем медиков. И если медикам мы вверяем наше здоровье, то воспитателям вверяем нравственность и ум детей наших, вверяем их душу и дух, а вместе с тем и будущность нашего Отечества.

Вот и у авторов болят души и сердца за будущность нашего Духовно-Православного Отечества. Потому мы не только можем, но и должны построить такую систему духовно-нравственного воспитания в педагогических вузах, которая будет синергетически резонировать с главной Божественной Идеей, которую должен осуществить человек – стать Подобием Божиим по благодати. Педагог-человековед, подготовленный в педагогическом вузе Русского мира, помни мудрость преподобного Серафима Саровского, наставлявшего: стяжай Дух Святой – и тысячи учеников вокруг тебя спасутся! Спасём наш народ, ведя его по дороге в немеркнущее Царствие Божие.



## Л и т е р а т у р а

1. Ильин В.В. Философская антропология: учебное пособие для вузов. 2-е издание. – М.: Книжный дом Университет, 2006. – 232 с.
2. Ильченко В.И. Сакральная педагогика в духовном пространстве культуры восточных славян // Релігія. Особистість. Громадянське суспільство: зб. наук. праць. – Луганськ: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2003. – С. 24–30.
3. Ильченко В.И. Сакральная педагогика: воспитание совершенного человека // Філософські дослідження: зб. наук. праць. – Луганськ: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2007. – С. 56–69.
4. Ильченко В.И. Феномен внутреннего человека в архитектонике Христоцентризма / В.И. Ильченко. Філософські проблеми людини // Матеріали науково-практичної конференції. – Луганськ: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2011. – С. 208–212.
5. Ильченко В.И. Человек в координатах Христоцентризма // Зб. Філософські проблеми людини за матеріалами 11 наукової конференції. – Луганськ: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2012. – С.183–186.
6. Ильченко В.И. Смена образовательной парадигмы Донбасса // Філософська та релігійна антропология: зб. наукових праць.– Луганськ: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2014. – №3–4. – С. 241–254.
7. Ильченко В.И. Восхождение к одухотворенной нравственности (интервью 1) / газета XXI век. – № 19 от 20.01.2016. – С. 10.
8. Ильченко В.И. Восхождение к одухотворенной нравственности (интервью 2) / газета XXI век. – № 21 от 01.02.2016. – С. 8.
9. Ильченко В.И. Восхождение к одухотворенной нравственности (интервью 3) [Электронный ресурс] // Литературный журнал «Свете Тихий». 05.11.2016. – Режим доступа: <https://pravlitlug.ru/index.php/publitsistika1/item/3599-voskhozhdenie-k-odukhotvorennoj-nravstvennosti-3>
10. Ильченко В.И. Духовно-нравственное воспитание в педагогических вузах пространства Русского Мира // Научно-творческие поиски в духовно-нравственном воспитании: сб. ДПЦ им. св. прп. Нестора Летописца при ГОУ ВПО ЛНР ЛГУ им. Т. Шевченко. – Луганск: Ноулидж, 2016. – С. 4–50.
11. Ильченко В.И. Духовно-нравственные основы возрождения системы образования в Луганской Народной Республике // Антропос: Логос и Теос: сб. научн. трудов. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2016. – С.134–145.



12. Ильченко В.И. Сакральная педагогика святости // Духовная культура в пространстве сакрального. – СПб: Изд-во «Ъ», Луганск: Пресс-экспресс, 2016. – С. 432–604.

13. Ильченко В.И. Святость Христоцентрической личности как императив социальной безопасности // Антропос: Логос и Теос: сб. научн. трудов. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2017. – №3. – С.241–259.

14. Ильченко В.И., Токмачева М.А. Личностно ориентированная педагогика лидерства. Часть I. Методология образовательной парадигмы в пространстве теоса культуры // Interial: научный журнал. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2017. – № 2–3 (3). – С. 41–48.

15. Ильченко В.И., Токмачева М.А. Педагогика лидерства как средство формирования личности управленца-патриота и развития его коммуникативного потенциала // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2018. – № 3. – Т. 5. – С. 75–86.

16. Православное учение о человеке: избранные статьи – Клин: Христианская жизнь, 2004. – 430 с.

17. Раушенбах Б.В. К рационально-образной картине мира // Коммунист. – 1989. – № 8. – С.89–97.

18. Сакральная педагогика сердца Памфила Юркевича / Сост. и введ. В.И. Ильченко // Хрестоматия научно-христианской педагогики. – Луганск: ОАО «ЛЮТ», 2000. – 400 с.

19. Сержантов П.Б. Исихастская антропология о временном и вечном. – М.: Православный паломник, 2010. – 320 с.

20. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. В 11 т. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. – 6948 с.


## References

1. Ilin V.V. Filosofskaya antropologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izdanie. – М.: Knizhnyiy dom Universitet, 2006. – 232 s.

2. Ilchenko V.I. Sakralnaya pedagogika v duhovnom prostranstve kulturyi vostochnyih slavyan // ReIglya. OsobistIst. Gromadyanske suspIststvo: zb. nauk. prats. – Lugansk: Vid. SNU im. V. Dalya, 2003. – S. 24–30.

3. Ilchenko V.I. Sakralnaya pedagogika: vospitanie sovershennogo cheloveka // FilosofskI dosIldzhennya: zb. nauk. prats. – Lugansk: Vid. SNU im. V. Dalya, 2007. – S. 56–69.

4. Ilchenko V.I. Fenomen vnutrennego cheloveka v arhitektonike Hristotsentrizma / V.I. Ilchenko. FIlosofskI problemi lyudini // MaterIali naukovopraktichnoYi konferentsIYi. – Lugansk: Vid. SNU Im. V.Dalya, 2011. – S. 208–212.



5. Ilchenko V.I. Chelovek v koordinatah Hristotsentrizma // Zb. Filosofski problemi lyudini za materlalami 11 naukovoyi konferentsiyi. – Lugansk: Vid. SNU im. V. Dalya, 2012. – S.183–186.

6. Ilchenko V.I. Smena obrazovatelnoy paradigmyi Donbassa // Filosofska ta relligiyana antropologiya: zb. naukovih prats.– Lugansk: Vid. SNU im. V. Dalya, 2014. – № 3–4. – S. 241–254.

7. Ilchenko V.I. Voshozhdenie k oduhotvorennoy npravstvennosti (intervyu 1) / gazeta XXI vek. – № 19 ot 20.01.2016. – S. 10.

8. Ilchenko V.I. Voshozhdenie k oduhotvorennoy npravstvennosti (intervyu 2) / gazeta XXI vek. – № 21 ot 01.02.2016. – S. 8.

9. Ilchenko V.I. Voshozhdenie k oduhotvorennoy npravstvennosti (intervyu 3) [Elektronnyiy resurs] // Literaturnyy zhurnal «Svete Tihiy». 05.11.2016. – Rezhim dostupa: <https://pravlitlug.ru/index.php/publitsistika1/item/3599-voskhozhdzenie-k-odukhotvorennoj-npravstvennosti-3>

10. Ilchenko V.I. Duhovno-npravstvennoe vospitanie v pedagogicheskikh vuzah prostranstva Russkogo Mira // Nauchno-tvorcheskie poiski v duhovno-npravstvennom vospitanii: sb. DPTs im. sv. prp. Nestora Letopistsa pri GOU VPO LNR LGU im. T. Shevchenko. – Lugansk: Noulidzh, 2016. – S. 4–50.

11. Ilchenko V.I. Duhovno-npravstvennyie osnovyi vozrozhdeniya sistemyi obrazovaniya v Luganskoy Narodnoy Respublike // Antropos: Logos i Teos: sb. nauchn. trudov. – Lugansk: Izd-vo LGU im. V. Dalya, 2016. – S.134–145.

12. Ilchenko V.I. Sakralnaya pedagogika svyatosti // Duhovnaya kultura v prostranstve sakralnogo. – SPb: Izd-vo «Б», Lugansk: Press-ekspress, 2016. – S. 432–604.


13. Ilchenko V.I. Svyatost Hristotsentricheskoy lichnosti kak imperativ sotsialnoy bezopasnosti // Antropos: Logos i Teos: sb. nauchn. trudov. – Lugansk: Izd-vo LGU im. V. Dalya, 2017. – №3. – S.241–259.

14. Ilchenko V.I, Tokmacheva M.A. Lichnostno orientirovannaya pedagogika liderstva. Chast I. Metodologiya obrazovatelnoy paradigmyi v prostranstve teosa kulturyi // Interia: nauchnyy zhurnal. – Lugansk: Izd-vo LNU im. V. Dalya, 2017. – № 2–3 (3). – S. 41–48.

15. Ilchenko V.I., Tokmacheva M.A. Pedagogika liderstva kak sredstvo formirovaniya lichnosti upravlentsa-patriota i razvitiya ego kommunikativnogo potentsiala // Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal. – 2018. – № 3. – T.5. – S. 75–86.

16. Pravoslavnoe uchenie o cheloveke: izbrannyye stati – Klin: Hristianskaya zhizn, 2004. – 430 s.





17. Raushenbah B.V. K ratsionalno-obraznoy kartine mira // Kommunist. – 1989. – № 8. – S.89–97.

18. Sakralnaya pedagogika serdtsa Pamfila Yurkevicha / Sost. i vved. V.I. Ilchenko // Hrestomatiya nauchno-hristianskoy pedagogiki. – Lugansk: OAO «LOT», 2000. – 400 s.

19. Serzhantov P.B. Isihastskaya antropologiya o vremennom i vechnom. – M.: Pravoslavnyi palomnik, 2010. – 320 s.

20. Ushinskiy K.D. Sobranie sochineniy. V 11 t. – M.: Izd-vo APN RSFSR, 1950. – 6948 s.

### **Ilchenko V.I. Tokmacheva M.A. SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION IN THE SPACE OF RUSSIAN WORLD**

*The article appeals to the need to solve the problems of spiritual and moral education in the LPR in the spirit of pedagogical anthropology of Christcentrism as the only correct teaching about man, based on the Holy Scripture and Tradition and confirmed by thousands of years of spiritual experience of our Orthodox ancestors. Pointing to juridical and content omissions in the modern educational paradigm, the authors propose their idea of forming the necessary conditions for the holistic development of both a single person involved in the Russian world and the entire nation.*

**Key words:** *pedagogical anthropology of Christcentrism, Russian World as an environment of spiritual and moral development, change of educational paradigm, nation upbringing.*

**Ильченко Валерий Иванович** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета им. В. Даля», г. Луганск.


**Ilchenko Valery Ivanovich** – candidate of pedagogical sciences, assistant professor of the Department of World Philosophy and Theology of State Educational Establishment of Higher Professional Education of LPR «Lugansk National University named after Vladimir Dahl», Lugansk.

**E-mail:** [ivi.sacra777@gmail.com](mailto:ivi.sacra777@gmail.com)

**Токмачева Марина Алексеевна** – аспирант кафедры педагогики Луганского национального университета им. Тараса Шевченко, г. Луганск.

**Tokmacheva Marina Alekseevna** – postgraduate student of the Department of Pedagogy of the State Educational Establishment of Higher Professional Education of LPR «Lugansk National University named after Taras Shevchenko», Lugansk.

**E-mail:** [tok\\_marina@mail.ru](mailto:tok_marina@mail.ru)



**Рецензент:** Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 37.014.52:342 (477.61-ЛНР)

*протоиерей Дмитрий Кузнецов*

## **ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО КОМПОНЕНТА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛНР**


*В статье дается краткий анализ ряда законодательных актов Луганской Народной Республики на предмет реализации прав и свобод человека и гражданина в религиозной и образовательной сферах с целью выявления правовых предпосылок и коллизий, способствующих или препятствующих введению православного компонента в общеобразовательное пространство ЛНР. На примере организации экспериментальной педагогической деятельности в Луганской средней общеобразовательной школе № 27 имени княгини Ольги представлен организационно-практический опыт введения православного компонента в учебно-воспитательный процесс общеобразовательной школы.*

**Ключевые слова:** закон, православный компонент, духовность, религиозное воспитание, образование, общеобразовательное пространство, эксперимент.

**Введение.** Вопросы свободы совести, религиозного воспитания и образования всегда и во всех государствах обращают на себя особое внимание общества и законодателей. Во многом именно степень разработанности таких вопросов, их согласованности с иными нормативно-правовыми актами государства характеризует уровень духовно-нравственного состояния как органов государственной власти, так и самого общества.

**Целью** нашего исследования является изучение возможности введения православного компонента в общеобразовательное пространство ЛНР посредством анализа имеющейся законодательной базы и современной экспериментальной практики ЛНР в этой сфере.

**Основная часть.** Луганская Народная Республика провозгласила свою независимость 12 мая 2014 года, приступив тем самым к




формированию собственного правового поля. Начало этому было положено в создании государственных символов власти и народности. Этим были заложены, как мы убедимся ниже, первые и потому особенно важные предпосылки к формированию внутригосударственных православно ориентированных духовно-нравственных ценностей и социальных отношений.

Первым государственным символом стал государственный флаг ЛНР, Закон о котором был принят 24 сентября 2014 года. В сущности, этот флаг использовался уже с мая 2014 года как символ Луганского противостояния, символ Новороссии.

По официальной трактовке цветов флага, голубой цвет верхней, как бы главенствующей, горизонтальной полосы символизирует (в т.ч. и по законам геральдики) цвет Богородицы [1]. Таким образом, верхняя часть флага провозглашает, что вся республика находится как бы под покровом святого омофора Царицы Небесной.

Эти же полосы флага отображены и на государственном гербе, утвержденном законом ЛНР 28 октября 2014 года. Но на гербе молодой республики, помимо символа государственного флага, ещё как минимум два символа указывают на выбор христианских ценностных ориентиров в развитии молодого государства. В первую очередь – восьмиконечная золотая звезда в самой верхней части герба, к которой смыкаются обе группы пшеничных колосьев, символизирующей, как и указано в официальной трактовке, Вифлиемскую звезду и опять же Богородицу. Немаловажно, что в официальной трактовке герба подчеркивается, что «число «восемь» в православии имеет значение будущего века, так как после шестидневного творения мира Богом и до Страшного суда длится Седьмой день Господень. После Страшного суда будет день восьмой – Жизнь Вечная». Следующий, центральный символ герба ЛНР, – пятиконечная звезда, главное значение которой, как указано, – человеческая часть природы Христа [1]. Безусловно, данный символизм пятиконечной красной звезды достаточной спорный. В сознании большинства наших сограждан такая звезда в большей степени ассоциируется с советским богоборческим прошлым, во время которого русские православие претерпело самые тяжелейшие и масштабные гонения. Однако для нашего исследования остается важным сам факт попытки на государственном уровне даже этот символ богоборческой власти под воздействием общенародного стремления граждан республики к православному духовно-нравственным ценностям наполнить христианским смыслом!



Важно, что заложенные в первых государственных символах христианские идеи нашли свое отражение и в тексте Государственного гимна ЛНР, где торжественно подчеркивается, что «с нами Бог!» [2].


Такой яркий христианский символизм молодой республики мог быть сформирован лишь под влиянием волеизъявления народа, видевшего в имеющей доминирующее положение на Донбассе православной церкви реальные духовные основы для дальнейшего возрождения и развития своих государственности и права.

И всё же при неоспоримом смысловом унисоне государственных символов наблюдается некоторая несогласованность, а порой даже конфликтность, последующих государственных нормативно-правовых актов. В своем исследовании, в соответствии с заявленной темой, мы аналитически рассмотрим лишь некоторые положения фундаментальных законов в сфере обеспечения свободы совести и права религиозного выбора в их приложении к общеобразовательной системе ЛНР.

Статья 21 Временного Основного Закона (Конституции) ЛНР закрепляет свободу вероисповедания. Статья 9 этого же Закона провозглашает, что «религиозные объединения отделены от государства» и «никакая религия и идеология не могут устанавливаться в качестве государственных или обязательных» [3]. Закон ЛНР «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятый 2 февраля 2018 года, дублирует данное постановление в области религии (ст.4 п.1).

На фоне вышеизложенного возникает правовая коллизия: ныне действующую государственную символику вполне законно можно расценить как попытку навязывания христианской идеологии или даже государственной религии.

На фоне этой правовой коллизии Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» пытается как бы оправдать возникшую ситуацию, провозглашая в своей преамбуле, что «Луганская Народная Республика является государством, которое признает особую роль православия в своей истории, в становлении и развитии духовности и культуры в государстве» [4]. Здесь же, согласно ст.3 п.1 «гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право [...] осуществлять обучение религии и религиозное воспитание, [...] распространять религиозные и иные убеждения». Важное и справедливое не только для системы образования замечание предусматривает п.5 этой же статьи, в котором говорится, что «никто [...] не может подвергаться какому-либо принуждению при [...] обучении религии. Запрещается [...] обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих».



На фоне предыдущих статей невольно заставляет задуматься норма Закона, которая устанавливает, что государство «обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных организациях (учреждениях)» (ст.4, п.2.4). К тому же эта формулировка абсолютна созвучна со ст.3 п. 1.6. Закона ЛНР «Об образовании» от 30 сентября 2016 года.

Возникает вопрос: что законодателями понимается, а законом устанавливается как *светское образование*?


В законах ЛНР разъяснения на этот вопрос мы не находим.

Однако бытует устойчивое мнение, что светскость образования предусматривает, по принципу советского права, полный отказ от каких-либо религиозных, в т.ч. и христианских, мировоззрений в образовании. Т.е. в наиболее частом понимании: светское – значит атеистическое.

Но это в корне ошибочное мнение! Мнение, искусственно созданное в советский период всяческого попрания каких-либо прав человека и в первую очередь его религиозного выбора.

«*Светский*» - не значит атеистический, а значит не клерикальный» [5], подчеркивает епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан в своем докладе об образовании и православной культуре. Эту же формулировку предлагает нам Энциклопедический словарь педагога по Основам духовной культуры [6]. «В стране, где больше половины населения заявляет себя верующими, нет разумных оснований для того, чтобы атеизм занимал господствующее положение в образовании и воспитании. Атеизм, отрицая онтологическое существование добра и зла, не способен логически непротиворечиво обосновать необходимость и обязательность морали. Сегодня Православие - главная духовная и нравственная опора очень большой части русского населения нашей страны. Поэтому, религиозно ориентированные дисциплины справедливо было бы включить в сетку обязательных предметов по принципу равноправной альтернативы» [5].

Законом ЛНР «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусмотрено, что «каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими» (ст. 5 ч. 1) и «по письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, [...] общеобразовательные организации (учреждения) [...] могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы» (ст. 5 ч. 4) [4]. Но при этом вновь создано некое противоречие статьей 5 (ч. 5) этого же Закона: «Обучение религии и религиозное воспитание не являются образовательной деятельностью».



Вновь на лицо явный правовой и, пожалуй, социальный конфликт: общеобразовательные учреждения могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии (обратим внимание, что понятие «обучение», равно как и «воспитание», согласно закону ЛНР «Об образовании» входит в состав правовой характеристики понятия «образование» (см. ст. 2 ч. 12), но при этом обучение религии и религиозное воспитание не являются образовательной деятельностью, т.е. должны находиться вне реализации образовательных программ (ст. 2 ч. 13).


Не менее проблематичными с нашей точки зрения в свете прав и социально-педагогической деятельности являются также положения ч. 4.2. и ч. 4.11. статьи 6, а также ч. 2.6. статьи 12 Закона ЛНР «О свободе совести и о религиозных объединениях», которые, в частности, указывают основания для запрещения деятельности религиозных объединений, если последние «при осуществлении служений [...] практикуют культово-обрядовые действия, нарушающие моральные нормы, установленные в обществе», или «осуществляют деятельность, противоречащую моральным ценностям и устоям общества».

Возникает вопрос: «Что имеется ввиду под моральными нормами, установленными в обществе, а также моральными ценностями и устоями общества?»

На сегодняшний день в ЛНР отсутствует какая-либо правовая квалификация подобных нравственных категорий!

Более того, закрепив юридически невозможность создания общегосударственной идеологии и принимая во внимание широчайший спектр моральных норм и ценностей, предложенных обществу и бытовавших в обществе в разные периоды развития государственности на Руси, каким образом определить сегодняшние общественные моральные устои? Для этого они, как минимум, должны быть провозглашены государством! А это как раз не только не наблюдается, но и запрещено законом (см. ст. 9 Временного Основного Закона (Конституции) ЛНР).

И всё же в ЛНР есть такой закон, который уверенно закрепил приоритет православного мировоззрения граждан республики. Это – Трудовой Кодекс, законодательно закрепляющий праздничными особо важные и памятные для общества и государства дни. В Трудовом Кодексе ЛНР из десяти установленных государственных праздников – треть не просто христианские, – православные: Рождество Христово, Пасха и Троица [7, ст. 115]. Причем остальные, если не считать Новогодних каникул (которые сами по себе не несут никакого духовно-нравственного содержания, а лишь отображают устоявшуюся традицию празднования




смены календаря), это праздники социально-патриотического содержания, не противоречащие православному мировосприятию.

Таким образом, несмотря на противоречивость некоторых положений законодательства, мы уверенно можем сделать вывод, что именно православные ценности, а значит, православная нравственность, православная идеология, лежат в основе общегосударственных социальных отношений в Луганской Народной Республике. И это не удивительно, ведь именно «Русская Православная Церковь является хранительницей традиционных для государств ее канонического присутствия целей, идеалов и ценностей» [8].

Во многом это подтверждает и внутренняя политика органов государственной власти в сфере образования, поддерживающих на современном этапе экспериментальную педагогическую деятельность по возрождению отечественных традиций духовно-нравственного воспитания школьников, основанных на православном мировосприятии.

Ярким примером этого является опыт Луганской общеобразовательной школы № 27 имени княгини Ольги, которой приказом Министерства образования и науки ЛНР от 16.04.2015 № 149 предоставлен статус экспериментального учебного учреждения республиканского уровня с проведением на ее базе исследовательско-экспериментальной работы по теме: «Возрождение традиций Отечества духовно-нравственного воспитания в полном цикле общеобразовательной школы». Проведение такого эксперимента всесторонне поддержало управление образования Администрации города Луганска, издав приказ № 3\271 от 22.05.2015 «Об организации экспериментальной деятельности в учебных учреждениях г. Луганска в 2015 году», в который наряду с другими учреждениями города была включена и Луганская школа № 27, начавшая свой 7-летний эксперимент в указанном году.

Необходимо отметить, что эксперимент зарождался благодаря стремлению педагогического коллектива данной школы совместно с родителями учащихся создать новую педагогическую парадигму воспитания, основанную на отечественных православных традициях. Активную поддержку эксперименту оказала Луганская епархия Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, кафедра мировой философии и теологии института философии и социально-политических наук Луганского национального университета имени Владимира Даля и православные педагоги Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Такое практическое взаимодействие педагогов-практиков и ученых-теологов предопределило не только уникальность школы, но и новаторство педагогических форм и методов




учебно-воспитательной работы, обеспечило органическое введение в концепцию развития школы и программы экспериментальных учебных курсов, наравне с нормами международного права и законодательства ЛНР, положений современных социально важных постановлений и решений Русской Православной Церкви: Стандарта православного компонента начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования для учебных заведений, который рекомендован Святейшим Синодом РПЦ для реализации на всей канонической территории Русской Православной Церкви (журнал № 76 от 27.07.2011), Основ социальной концепции Русской Православной Церкви, принятые юбилейным архиерейским собором РПЦ 13-16 августа 2000 года; Постановления Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (29 ноября – 2 декабря 2017 года).

Сегодня в развитие этого школьного эксперимента активно включились Союз православных женщин России, Ольгинское общество г. Москвы, Свято-Вознесенский мужской монастырь Луганской епархии.

Благодаря общим усилиям, в текущем 2019 году эксперимент в Луганской общеобразовательной школе № 27 имени княгини Ольги выходит на качественно новый организационно-педагогический уровень. К 100-летию мученического подвига Царской семьи Романовых, 1050-летию памяти святой равноапостольной великой княгини Ольги, совместно с управлением образования Администрации г. Луганска и Луганской епархией развернута активная организационно-практическая работа по открытию экспериментального «Ольгина класса» для девочек (на базе 5 класса). Таким образом, на фоне одновременно развивающегося общереспубликанского проекта кадетских классов, предпринимается экспериментальная попытка современного возрождения отечественных православных педагогических традиций школьного воспитания женского благочестия.

**Выводы.** Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на несовершенство законодательной базы, в республике поступательно создаются условия и реализуются экспериментальные проекты по введению православного компонента в общеобразовательное пространство. Тем не менее остается острая необходимость дальнейшего совершенствования законодательства ЛНР в сфере образования, свободы совести и религиозных объединений с учетом изложенных правовых противоречий. Требуется неотложные законодательные меры по формированию нормативно-правовых актов, провозглашающих или закрепляющих общественные морально-нравственные ориентиры и ценности, главным и неоспоримым источником которых для нашего





общества, безусловно, является Православие. Без соответствующих изменений и дополнений законодательства с правовым обозначением морально-нравственных ориентиров, введение православного компонента в общеобразовательное пространство не имеет масштабных перспектив выхода за рамки экспериментальной деятельности, а законодательно-управленческие усилия в этой сфере так и останутся лишь организационно-правовыми предпосылками.

### Л и т е р а т у р а

1. Государственная символика. [Электронный ресурс]// Режим доступа к журн.: <https://glava-lnr.info/struktura/luganskaya-narodnaya-respublika/gosudarstvennaya-simvolika>

2. Закон ЛНР «О Государственном гимне Луганской Народной Республики». [Электронный ресурс] / Закон ЛНР «О Государственном гимне Луганской Народной Республики» // Режим доступа к журн.: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/2845>

3. Временный основной закон (конституция) Луганской Народной Республики. [Электронный ресурс] / Временный основной закон (конституция) Луганской Народной Республики // Режим доступа к журн.: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>


4. Закон ЛНР «О свободе совести и о религиозных объединениях». [Электронный ресурс] / Закон ЛНР «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Режим доступа к журн.: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/5741/>

5. Образование и православная культура. Доклад епископа Ставропольского и Владикавказский Феофана. [Электронный ресурс] / Образование и православная культура // Режим доступа к журн.: <http://www.pravoslavie.ru/445.html>

6. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Светскость образования. Толкование [Электронный ресурс] / Светскость образования // Режим доступа к журн.: [https://spiritual\\_culture.academic.ru/1970/Светскость\\_образования](https://spiritual_culture.academic.ru/1970/Светскость_образования)

7. Трудовой кодекс Луганской Народной Республики. [Электронный ресурс] / Трудовой кодекс Луганской Народной Республики // Режим доступа к журн.: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/980/>


8. Стандарт православного компонента начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования для учебных заведений, который рекомендован Святейшим Синодом РПЦ для реализации на всей канонической территории Русской Православной



Церкви (журнал № 76 от 27.07.2011) [Электронный ресурс] / Православный компонент Стандарт // Режим доступа к журн.: [http://sormgimn.narod.ru/olderfiles/2/standart\\_pravoslavnogo\\_komponenta.pdf](http://sormgimn.narod.ru/olderfiles/2/standart_pravoslavnogo_komponenta.pdf)

### References

1. Gosudarstvennaya simbolika. [Elektronnyiy resurs] // Rezhim dostupa k zhurn.: <https://glava-lnr.info/struktura/luganskaya-narodnaya-respublika/gosudarstvennaya-simvolika>
2. Zakon LNR «O Gosudarstvennom gimne Luganskoj Narodnoy Respubliki». [Elektronnyiy resurs] / Zakon LNR «O Gosudarstvennom gimne Luganskoj Narodnoy Respubliki» // Rezhim dostupa k zhurn.: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/2845>
3. Vremennyiy osnovnoy zakon (konstitutsiya) Luganskoj Narodnoy Respub-lik. [Elektronnyiy resurs] / Vremennyiy osnovnoy zakon (konstitutsiya) Luganskoj Narodnoy Respubliki // Rezhim dostupa k zhurn.: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>
4. Zakon LNR «O svobode sovesti i o religioznyih ob'edineniyah». [Elektronnyiy resurs] / Zakon LNR «O svobode sovesti i o religioznyih ob'edineniyah» // Rezhim dostupa k zhurn.: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/5741/>
5. Obrazovanie i pravoslavnyaya kultura. Doklad episkopa Stavropolskogo i Vladikavkazskiy Feofana. [Elektronnyiy resurs] / Obrazovanie i pravoslavnyaya kultura // Rezhim dostupa k zhurn.: <http://www.pravoslavie.ru/445.html>
6. Osnovy duhovnoy kulturyi (entsiklopedicheskiy slovar pedagoga). Svetskost obrazovaniya. Tolkovanie [Elektronnyiy resurs] / Svetskost obrazovaniya // Rezhim dostupa k zhurn.: [https://spiritual\\_culture.academic.ru/1970/Светскость\\_образования](https://spiritual_culture.academic.ru/1970/Светскость_образования)
7. Trudovoy kodeks Luganskoj Narodnoy Respubliki. [Elektronnyiy resurs] / Trudovoy kodeks Luganskoj Narodnoy Respubliki // Rezhim dostupa k zhurn.: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/980/>
8. Standart pravoslavnogo komponenta nachalnogo obschego, osnovnogo obschego, srednego (polnogo) obschego obrazovaniya dlya uchebnyih zavedeniy, kotoryiy rekomendovan Svyateyshim Sinodom RPTs dlya realizatsii na vsey kanonicheskoy territorii Russkoj Pravoslavnoy Tserkvi (zhurnal # 76 от 27.07.2011) [Elektronnyiy resurs] / Pravoslavnyiy komponent Standart // Rezhim dostupa k zhurn.: [http://sormgimn.narod.ru/olderfiles/2/standart\\_pravoslavnogo\\_komponenta.pdf](http://sormgimn.narod.ru/olderfiles/2/standart_pravoslavnogo_komponenta.pdf)



**Archpriest Dmitry Kuznetsov. ORGANIZATIONAL RIGHTFUL PREMISES OF INTRODUCTION OF ORTHODOX COMPONENT IN COMPREHENSIVE SPACE OF LPR**

*In the article it is given a short analysis of a range of legislative acts of Lugansk Public Republic on the subject of the realization of human rights and freedoms of citizen in the religious and educational spheres. The purpose of it is revelation of rightful premises and conflicts that promote or put obstacles in introduction of orthodox component in comprehensive space of LPR. On the example of the organization of experimental teaching activities in the Lugansk comprehensive school number 27 named after Princess Olga it is presented the organizational and practical experience of the introduction of the Orthodox component in the educational process of comprehensive school.*

**Key words:** law, Orthodox component, spirituality, religious education, education, comprehensive space, experiment.

**Протоиерей Дмитрий Сергеевич Кузнецов** – магистр богословия, магистр права, учитель ГУ «ЛОУСОШ № 27 имени княгини Ольги», клирик храма Всех Святых г. Луганска.

**Archpriest Dmitry Sergeevich Kuznetsov** – Master of Theology, Master of Law, teacher of the PI «LEISS № 27 name of Duchess Olga», Cleric of the Church of All Saints, Lugansk.

**E-mail:** d.kuznetcov@mail.ru

**Рецензент: Ильченко Валерий Иванович** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой философии и теологии Института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

*Протоиерей Алексей Слюсаренко*

## **НЕРУКОТВОРНЫЙ ОБРАЗ СПАСИТЕЛЯ: ИСТОРИКО-ЛИТУРГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

*Наш очерк о первой христианской иконе – Нерукотворном образе Спасителя, его происхождении и дальнейшей судьбе. Почему православие невозможно без иконопочитания? Почему Нерукотворный образ оказался в Константинополе? Что говорят о Нерукотворном образе богослужебные тексты? Ответы на эти и другие вопросы читатель найдёт в нашем очерке.*


**Ключевые слова:** *икона, предание, Искушение, Боговоплощение, Спаситель.*

К числу основных исторических источников по истории Нерукотворного образа Спасителя относятся: «Учение Агдаи», епископа Эдессы (†541), авторство которого подвергается сомнению; «Церковная история» Евагрия (VI в.); ссылались на Нерукотворный образ преп. Иоанн Дамаскин и отцы VII Вселенского Собора. Император Константин Багрянородный в X в. описал перенесение Нерукотворного образа из Эдессы в Константинополь.

История происхождения Нерукотворного образа подробно излагается в Четьи Минее, месяцесловах. В нашей работе мы использовали исследование Леонида Ивановича Денисова (†1942), впоследствии епископа Каширского Арсения, «История Нерукотворенного образа Спасителя»; труд профессора Леонида Александровича Успенского (†1987) «Богословие иконы Православной Церкви»; а так же работу инока Григория Круга (†1969) «Мысли об иконе». Кроме того, для богословско-литургического осмысления Нерукотворного образа Спасителя мы прибегаем к августовской Минее.

Историки не имеют в своём распоряжении письменных сведений о Нерукотворном образе, которые были бы древнее VI в. по Р.Х. Л.А.Успенский объясняет это тем, «что образ оставался ещё замураванным, местонахождение его не было известно и о нём забыли» [1, с.21].

Во время земной жизни Иисуса Христа Эдесса была столицей небольшого месопотамского государства Озроэны. С 8-го по 45-й годы от. Р.Х. там царствовал царь Авгарь V Чёрный. Население его страны говорило




на диалекте арамейского языка, и было культурно близко Израилю. Неудивительно поэтому, что весть о чудесах Христа довольно скоро достигла Эдессы. Авгарь уже семь лет страдал тяжким недугом – «чёрной проказой». Он уверовал во Христа как в Сына Божьего и отправил в Израиль Ананию, живописца, который, возможно, был и высоким чиновником в государстве Авгаря. Посланник Авгаря должен был передать Христу письмо с приглашением в Эдессу. Текст этого письма приводит в своей «Церковной истории» Евсевий Памфил:

«Авгарь, сын Ухамы, топарх, шлёт приветствие Иисусу, Спасителю благому, явившемуся в пределах Иерусалимских. Дошёл до меня слух о Тебе и об исцелениях Твоих, что Ты творишь их без лекарств и трав. Ты, рассказывают, возвращаешь слепым зрение, хромым хождение, очищаешь прокаженных, изгоняешь нечистых духов и демонов. Ты излечиваешь страдающих долгими болезнями и воскрешаешь мёртвых. Слушал я всё это о Тебе и усвоил умом одно из двух: или Ты Бог и, сойдя с неба, творишь такие чудеса, или Ты Сын Божий, творящий чудеса. Поэтому я и написал Тебе и прошу Тебя: потрудись, приезжай ко мне и болезнь мою исцели. Слышал я ещё, что иудеи ропщут на Тебя и против Тебя злоумышляют. Город мой очень маленький, но почтенный, и его нам двоим хватит» (I.13); [2, с.42].

Прибыв в Израиль, Анания довольно долго не мог даже приблизиться ко Христу. Однажды он попытался издала, со скалы запечатлеть лик Спасителя на холсте. Но и эта его попытка оказалась безуспешной: лицо Его «беспрерывно менялось божественной и непостижимой силою» [3, с.11]. В конце концов, Господь Сам, через апостола Фому призвал Ананию, наперёд зная о его миссии. Во время встречи с Ананией Спаситель омыл Свой лик водой, которая чудесным образом превратилась в краски и отёрся поданным Ему убрисом. После этого на убрисе остался Нерукотворный образ Спасителя. Христос передал убрис Анании, а вместе с ним передал и ответное письмо:

«Блажен ты, если уверовал в Меня, не видев Меня. Написано обо Мне: видевшие Меня не уверуют в Меня, чтобы неувидившие уверовали и ожили. А что ты приглашаешь Меня к себе, то надлежит Мне исполнить здесь всё, ради чего Я послан; а когда исполню, то вознесусь к Пославшему Меня. Когда же вознесусь, то пошлю к тебе одного из учеников Моих, чтобы он исцелил болезнь твою и даровал жизнь тебе и тем, кто с тобой» [2, с.42].


Хотя тексты этих писем, по всей видимости, и являются апокрифическими, сам факт переписки между Авгарем и Христом вполне может быть признан реальным. Далее предание сообщает, что Анания



вернулся в Эдессу и передал убрूस и письмо царю. Когда Авгарь развернул убрूस, то увидел, что от лика Спасителя исходит сияние. Он поклонился образу, и болезнь его заметно ослабела. Как и обещал Христос, после Вознесения, Авгаря посетил апостол Фаддей и крестил царя и его семейство. Болезнь окончательно оставила Авгаря. Благодарный царь поместил Нерукотворный образ для всеобщего поклонения над городскими воротами в специальной нише, где прежде находился языческий идол. Вокруг иконы Авгарь сделал надпись: «Христе Боже! Никто из надеющихся на Тебя не погибнет».

В середине II века один из потомков Авгаря, будучи убеждённым язычником, решил убрать Нерукотворный образ с городских врат. Однако поспрашивая святыни помешал епископ Эдессы. Ночью ему было видение, в котором он был предупреждён о готовящемся кощунстве. Той же ночью епископ вместе с клиром подошёл к вратам, поднялся по лестнице к Нерукотворному образу, поставил около него лампаду и заложил его глиняной керамидой. С тех пор, о Нерукотворном образе Спасителя надолго забыли. Вновь он был обрётён православными лишь в середине VI века, когда император Юстиниан воевал с персидским царём Хозроем I Ануширваном. Эдесса входила в состав Византийской империи и была осаждена персами. У защитников города оставалось слишком мало сил для отражения всё возрастающего натиска врага. И в этот драматический момент епископу Эдесскому Евлалию было видение. Некая жена указала ему место, где скрыта великая христианская святыня. Епископ в том месте нашёл Нерукотворный образ Спасителя, перед которым всё горела, поставленная во II веке лампада. На керамиде, заслонявшей Нерукотворный образ, образовался его отпечаток. Воодушевлённые находкой воины Эдессы, сумели переломить ход битвы в свою пользу – персы вынуждены были снять осаду. Нерукотворный образ вновь стал главной святыней жителей Эдессы.

В VII веке Эдесса перешла сначала под контроль персов, а затем арабов. Всё это время Нерукотворный образ продолжал оставаться у эдесских христиан. После VII Вселенского собора Нерукотворный образ Спасителя почитался на всём Православном Востоке. В X веке византийским императорам Константину Багрянородному и Роману I Лекапену после долгих и трудных переговоров с арабскими и эдесскими властями, удалось купить Нерукотворный образ и перевезти его в Константинополь. Перенесение состоялось в 944 г. В память о нём и установлено празднование 16/29 августа. Видимо, в то время была составлена и первая служба Нерукотворному образу, подписанная Евстафием. Второй канон Нерукотворному образу был составлен в XIII в.




патриархом Германом II. Образ был помещён в константинопольском храме Пресвятой Богородицы Фарос. Там он находился вплоть до IV Крестового похода (1199-1204), во время которого латиняне разграбили византийскую столицу. Исчез и Нерукотворный образ Спасителя.

Ныне Православная Церковь располагает лишь списками Нерукотворного образа. Об одном из древних списков рассказывает священник Василий Владимирский (XIX в.). Во второй половине XIV в. император Иоанн Палеолог подарил список Нерукотворного образа Спасителя начальнику генуэзской эскадры Леонардо Монтальдо за услуги Византии. Ныне он находится в кафедральном соборе Генуи [см. 4, с.172]. В том же XIV ст. список Нерукотворного образа Спасителя привёз в Москву из Константинополя святитель Алексей. С 1360-го года он находился в Спасо-Андрониковом монастыре. Наиболее удачным русским списком иконы является, на наш взгляд, Спас Нерукотворный, написанный неизвестным новгородским иконописцем в XII веке. Ныне он хранится в Государственной Третьяковской галерее.

Упомянем и о западной версии происхождения Нерукотворного образа Спасителя. По католическому преданию, одна иерусалимская женщина, по имени Вероника, оплакивала страдания Христа. По дороге на Голгофу, она подала Спасителю платок и, когда Он отёрся им, то Вероника увидела на платке Его лик. Эта легенда возникла в XV веке и не подтверждается никакими древними источниками. Предметом легенды стала икона балканского происхождения, подаренная в XII в. Папе Целестину III. Называлась икона «Vera icon». В XV в. она была переименована в «Veronike», а в XVI в. она была уничтожена во время одной из войн [см. 5, с.56].

Обратимся теперь к богословскому анализу иконы. Само выражение «Нерукотворный образ», по мнению профессора Л.А. Успенского, «следует понимать в свете Евангелия от Марка, гл.14, ст. 58: Образ этот – прежде всего Сам Христос, воплощённое Слово явленное «в храме тела Его» (Ио.2.21). Со времени Его явления Моисеев запрет образа (см. Исх. 30.4) теряет смысл, и иконы Христовы становятся неопровержимыми свидетельствами воплощения Бога. Здесь не образ Бога, сделанный по домыслу человеческого, а подлинный лик ставшего Человеком Сына Божия, который Предание Церкви возводит к непосредственному соприкосновению с живым Его ликом. В день Нерукотворного Спаса Церковь почитает первую икону Бога, ставшего Человеком» [1, с.22].

Итак, Нерукотворный образ – есть свидетельство Боговоплощения. Эта мысль ясно выражена и в богослужебных текстах на 16 августа – дня воспоминания перенесения Нерукотворного образа в Константинополь.



Так, в стихире на малой вечерне, глас 1-й, говорится:

«Обновляет тварь обветшавшую Спас, в рабий образ облечеса истинно, а не привидением, и самообразное начертание любящим предаде на поклонение» [6, с.326].

О цели дарования верующим Нерукотворного образа говорится в иконе:


«Уверяя человеком Господь вочеловечения Своего тайну ужасную, самописует богомужный Свой образ на убрусе, и первообразное убо вознес от горы Елеонския, на престоле спосаждает очи, поклонятися от безтелесных ангел. Подобию же и первообразного нам дарова поклонятися: егоже объемлюще душею же и сердцем, почитаем того лобызающе» [6, с.314].

Л.А.Успенский обращает наше внимание на смысл библейских чтений на богослужении 16 августа. Первые две паремии (Втор.4-6) предостерегают израильтян от поклонения другим богам, а также от их изображений. Земля Обетованная (в прообразовательном смысле Царство Небесное) может быть достигнута только при строгом исполнении Закона. Ветхозаветный запрет на изображения Бога (2-я заповедь декалога) был естественным и необходимым для дохристианской эпохи. Если Бога никто не видел, то как можно Его изображать? Как можно изобразить непостижимое и абсолютное существо Всевышнего? Всякая такая попытка до Боговоплощения была бы абсурдной. В то же время языческий мир, окружавший иудеев, был наполнен изображениями идолов и кумиров. Широко известны, например, изваяния и изображения Ваала и Астарты. В этом контексте и следует понимать вышеупомянутую заповедь. Те, кто и сегодня ссылаются на неё – иудеи, магометане, т.н. «свидетели Иеговы», делают это потому, что не приняли самого Воплощения Сына Божия. Для них Богоявления не было и, следовательно, актуальность заповеди сохраняется.

В 3-й паремии (3Цар.8.22-23; 27-30) говорится о будущем Пришествии Бога на землю. Об исполнении ветхозаветных пророчеств о Христе повествуется в апостольском чтении на литургии:

«...благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете, избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искушение Кровию Его и прощение грехов, Который есть образ Бога невидимого, рождённый прежде всякой твари; ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит» (Кол.1.12-17).





Наконец евангельское чтение (и на утрени и на литургии Лк.9.52-56; 10.22-24) заключается словами в полной мере раскрывающими смысл праздника:

«...блаженны очи, видящие то, что вы видите! Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали».

Об искупительной миссии Христа говорится и в тропаре праздника:

*«Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на крест, да избавиши яже создал еси от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир».*

Интересно, что в Русской Церкви есть благочестивый обычай при входе верующего в храм читать вместе с другими молитвами тропарь Нерукотворному образу Спасителя [см.7, т.3, с.726].

Таким образом, Спас Нерукотворный почитается Церковью и как свидетельство Искупления мира. Размышляя о значении этой иконы, инок Григорий Круг писал:


«Нерукотворный образ Христов является как бы первопечатью и источником всякого образа, и от него всякий образ исходит и рождается в нём. Является как бы источником реки, стремящей свои воды в бесконечную жизнь. Воды эти – бесчисленное богатство икон, порождённых и берущих своё начало от Нерукотворного образа Христова и наполняющих Церковь в её неустанном движении к концу времён и царству Будущего Века» [8, с.316]

На основании сказанного мы вправе сделать вывод, что Нерукотворный образ Спасителя стал результатом Боговоплощения, Искупления и любви Бога к Своему творению. Поскольку Нерукотворный Спас стал началом иконописания и иконопочитания, то и каждая православная икона имеет те же великие основания. Отказ от иконопочитания стал бы для нас, в конечном счёте, отказом от Христа. Вот почему Православие невозможно представить без иконопочитания. Икона, находясь на рубеже материального и духовного мира, являет нам путь восхождения ко Христу.

### **Л и т е р а т у р а**

1. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. – Париж: Изд. Зап.-Европ. Экзархата, 1989. – 475 с.

2. Евсевий Памфил. Церковная история. – М.: Изд. Валаамского м-ря, 1993. – 448 с.

- 
3. Денисов Л.И. История Нерукотворенного образа Спасителя. – СПб.: Сатис, 2000 – 192 с.
  4. О церковной живописи: сб.ст. – СПб.: Общ. Василия Великого, 1998. – 380 с.
  5. Креховецький Я. Богослов'я та духовність ікони. – Львів: Свічадо, 2000 – 184 с.
  6. Минея. Месяц август. – М.: Изд. Сретенского м-ря, 1996 – 784 с.
  7. Настольная книга священнослужителя в 7 томах. Т.3. – М.: Изд. Отдел МП, 1992 – 800 с.
  8. Православная икона. Канон и стиль: сб.ст. – М.: Паломник, 1998 – 495 с.

### References


1. Uspenskiy L.A. Bogoslovie ikonyi Pravoslavnoy Tserkvi. – Parizh: Izd. Zap.-Evrop. Ekzarhata, 1989. – 475 s.
2. Evseviy Pamfil. Tserkovnaya istoriya. – М.: Изд. Valaamskogo m-rya, 1993. – 448 s.
3. Denisov L.I. Istoriya Nerukotvorennoogo obraza Spasitelya. – SPb.: Satis, 2000 – 192 s.
4. O tserkovnoy zhivopisi: sb.st. – SPb.: Obsch. Vasiliya Velikogo, 1998. – 380 s.
5. Krehovetskiy Ya. Bogoslov'ya ta duhovnst Ikoni. – LvIv: SvIchado, 2000 – 184 s.
6. Mineya. Mesyats avgust. – М.: Изд. Sretenskogo m-rya, 1996 – 784 s.
7. Nastolnaya kniga svyaschennosluzhitelya v 7 tomah. T.3. – М.: Изд. Otdel MP, 1992 – 800 s.
8. Pravoslavnaya ikona. Kanon i stil: sb.st. – М.: Palomnik, 1998 – 495 s.

### **Slusarenko A.V. THE ICON OF THE SAVIOR «NOT MADE BY HANDS»: HISTORICO-LITURGICAL ESSAY**

*Our sketch of the first Christian icon - Acheiropoieta, its origin and fate. Why Orthodoxy is impossible without the veneration of icons? Why is the Icon of the Savior, Image Not-Made-By-Hands was in Constantinople? What is said about the icon in the liturgical texts? Answers to these and other questions the reader will find in our essay.*

**Key words:** *icon, tradition, Expiation, the Incarnation (of God), the Savior.*

**Протоиерей Алексей Владимирович Слюсаренко** – кандидат богословия, старший преподаватель кафедры мировой философии и



теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

**Archpriest Alexiy Vladimirovich Slyusarenko** – candidate of theology, a senior lecturer of the Chair «The world philosophy and theology», State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

**E-mail:** slusarenkoa@mail.ru

**Рецензент:** Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 32:008

**Сабина К. Б.**

## **СЕКТОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ**


*Сложно сказать, в какой момент появились первые секты. Можно предположить, что они существуют с момента возникновения традиционных верований как противовес им. В широком смысле слова, сектой можно называть любую группу (религиозную или нерелигиозную, отделившуюся или новую), имеющую своё учение и свою практику, отличные от господствующей церкви или идеологии.*

*Серьезно проблемой сект занялись только в середине XX века. Специалисты в данной области обоснованно заявляют, что секты несут опасность не только для человека, попавшего в ту или иную сектантскую организацию или для его родственников, но и для целых государств.*

*В статье автор рассматривает роль сектантских организаций в социально-политических конфликтах. Прослеживается вовлеченность сектантов в подготовку и проведение революции 1917 г. в России и государственного переворота 2013-2014 гг. на Украине. Используя сектантов и методы их вербовщиков для контроля сознания своих адептов, революционные идеологи смогли добиться свержения законной власти и узурпации ее в своих руках.*

**Ключевые слова:** революция, сектантская организация, тоталитарная секта, идеология, контроль сознания, манипуляция сознанием.

**Постановка проблемы.** После распада Советского Союза и обретения Украиной независимости, ее народ оказался в заложниках у собственных властей, которые не смогли реализовать высокий




экономический потенциал, доставшийся в наследство от СССР. Вместо этого страна погрязла в политических кризисах, внешних долгах и, в конце концов, оказалась в состоянии гражданской войны. Ситуация на Украине начала XXI века очень напоминает ситуацию в Российской Империи 100-летней давности: в частности в том, что касается деятельности различных сектантских движений, которые сыграли не последнюю роль как в революции 1917 г. в России, так и в революции 2014 г. на Украине. В связи с этим возникает проблема выяснения роли сектантских организаций в развитии социальных и политических конфликтов.

**Анализ последних исследований и публикаций.** Философы, религиоведы и политологи давно обратили внимание на то, что концептуальный анализ философии религии и религиоведения можно успешно применять для изучения всех значимых, распространенных и влиятельных идеологий мира – как религиозных, так и светских. Это мнение наиболее четко сформулировано и детально проанализировано в книге видного англо-американского религиоведа XX века Н. Смарта «Религии мира». В предисловии ко второму изданию книги профессор А.П. Забияко отмечает, что важным является определение секулярных идеологий как части истории человеческих мировоззрений. По его мнению, неестественно слишком категорично отделять эти идеологии от религии, отчасти потому, что они функционируют в обществе так же, как и сама религия. Развивая мысль, автор приходит к выводу, что в современном мире нация является аналогом религии. Для иллюстрации, Забияко приводит семимерную модель аспектов религии, разработанную Смартом. Подробное описание модели с многочисленными примерами того, как она с успехом может быть применена к анализу любых секулярных идеологий, мы находим в работе Н. Смарта «Религии мира» [3, с.138].

Смарт считает идеологии по содержанию, развитию и некоторым функциям родственными религиям в традиционном смысле этого слова. Он стремится избежать смешивания религий и религиоподобных явлений, а также показать родство этих явлений и общие подходы к их исследованию.

**Целью исследования** является анализ сектоведческих аспектов некоторых социально-политических конфликтов.


**Основная часть.** О степени участия религиозных сектантских организациях в февральской и октябрьской революциях 1917 года коммунистические власти предпочитали умалчивать. Однако сектанты принимали непосредственное участие не только в самой революции, но и в ее подготовке. В 1881 г. обер-прокурор Священного Синода К. Победоносцев представил Александру III материалы, в которых раскрывались связи сектантов с социалистами, осуществившими убийство



Александра П. Для правительства не было секретом, что ряд сектантов, «отвергая все церковные обряды и таинства», «не только не признают никаких властей и встают против присяги и военной службы, уподобляя верных защитников Престола и Отечества разбойникам, но и проповедают социалистические принципы, как, например, общее равенство, раздел имуществ и т. п.» [5].

Точное количество сектантов в Российской Империи на рубеже XIX и XX веков установить довольно сложно. Согласно данным переписи 1897 г., общее число раскольников и сектантов составило 2 137 738 человек. По данным известного писателя и этнографа В. Д. Бонч-Бруевича, не один год занимавшегося изучением сектантства в России, эта цифра доходила до 6 миллионов человек. Стоит отметить, что в конце XIX века позиция правительства в отношении сект становится дифференцированной и определяется степенью лояльности по отношению к государству. За религиозные воззрения, если они не были сопряжены с революционными настроениями, в Российской Империи не преследовали. Однако не все сектантские движения в своей деятельности ограничивались только религиозным компонентом. Так, например, сектанты-духоборцы заявляли, что они не признают никакой земной власти, и что существование государственных институтов для них бесполезно. По их мнению, Земля – Божия; она создана для всех равно и владение ею – это грабёж. Князья и помещики, по их мнению, ограбили народ, завладев землями. «У христиан все должно быть общее, ни у кого своего ничего нет. Отечества на земле не знаем... стремимся к отечеству небесному, а земным не дорожим, и охранять его не хотим. Воинскую повинность решительно отрицаем... по заповеди «не убий»... Суд признаем только Господень: человеческого суда не признаем, и сами судьями быть не можем, по заповеди: «не судите, да не судимы будете»... Тюрьмы не должны быть» [5]. За подобные убеждения сектантам грозило серьезное преследование со стороны государства, многих даже отправляли в тюрьмы и на каторгу.

Естественно, что такая сила не могла остаться незамеченной большевиками. Советолог М. Агурский в своей книге «Идеология национал-большевизма» утверждал: «Религиозный нигилизм и большевизм быстро обнаружили общность интересов в стремлении к «полному разрушению старого мира», причем «нельзя обойти молчанием и поддержку большевиков баптистами, евангелистами и адвентистами седьмого дня». Последние даже утверждали, что на Ленине почивает «благодать Божия» [1, с. 66]. Не отрицал своей заинтересованности в сектантах и сам В. И. Ульянов-Ленин. Он полагал, что сектанты могут и должны стать опорной и движущей силой революции. На II съезде РСДРП




в 1903 году Ленин зачитал доклад «Раскол и сектантство в России», который написал Бонч-Бруевич. Судя по докладу, сектанты напоминали им пламенных революционеров партии большевиков, спянных железной дисциплиной: «Секта хлыстов – это секта тайная, и потому об ее учении очень мало было напечатано в легальной прессе сколько-нибудь правдоподобных сведений. Эта секта наиболее организована, конспиративна и сильна» [4].

Стоит отметить, что сектанты, со своей стороны, были готовы сотрудничать с новой политической силой, которая обещала свергнуть царский режим и установить «рай» на Земле. Сложно говорить наверняка, понимали ли сектантские лидеры до конца, какая именно роль в деле мировой революции им отводится, и что будет с ними, когда большевики придут к власти. Но в 20-е годы XX века они были полны революционных идей и уверены, что власти непременно высоко оценят их помощь. В 1925 году в газете «Безбожник» было опубликовано открытое письмо под названием «Социально-революционная роль сектантства». Под ним стояли подписи руководителей крупнейших сектантских общин России. Этот документ был адресован ВЦИК на предмет получения от большевистской власти всяких льгот для сектантов. В нем они перечисляли свои заслуги перед большевистским режимом. Так, подробно повествовалось о том, как сектанты вели во время первой мировой войны антивоенную пропаганду, призывали к «братанию» с немцами, рассылали «целыми мешками» возвания о «прекращении войны» в действующую армию, печатали в своих типографиях большевистские издания и т. д. Если верить этому документу, Семеновский полк в Петрограде (сыгравший важнейшую роль в подавлении революции 1905-1917 гг.) в феврале 1917 года отказался выполнять приказы офицеров, так как в «казармах сидели сектанты за отказ от военной службы», которые и «распропагандировали весь полк». В советский же период одной из главных заслуг сектантов было, как писалось в письме, строительство «образцовых колхозов», задолго до сталинской коллективизации 20-30 годов [10].

Ленин действительно высоко ценил поддержку и преданность сектантов. В 1919 г. был издан особый декрет об освобождении ряда сектантов от военной службы, который вторично был подтвержден в 1920 г. Значительное число сектантов в эти годы провозглашали себя коммунистами, не отказываясь при этом от религиозных убеждений. К ним относятся не только последователи исконно-русских сектантских течений (молокане, толстовцы, новоизраильтяне), но и адепты прозападных сект (баптисты, евангелисты, адвентисты и др.).

В 1921 г. появляется проект Бонч-Бруевича о необходимости




поддержки большевистским правительством любых форм сектантства. Сектанты тогда воспринимались как потенциальная опора нового богороческого режима. Особенно наводит на размышления воззвание Наркомзема от 5 октября 1921 г. к сектантам, в котором, в частности, говорилось: «Впервые за все время существования России сектантам всех направлений предоставлена полная возможность широкого объединения. И мы говорим сектантам, где бы они ни жили на всей земле: добро пожаловать!..» [11, с. 310].

Революционные порывы сектантов настолько высоко ценились большевиками, что к 1924 г. власти даже заговорили о возможности создания «блока партии с религиозными течениями». Выступая на XIII съезде РКП(б), Рыков заявил: «Те сектантские течения, которые под религиозным соусом проводят революционные задачи и которые иногда близки к отрицанию частной собственности, нужно использовать всячески и целиком» [2]. В 1924-1925 гг. баптистами, евангелистами и адвентистами были подписаны декларации о лояльности и сотрудничестве с большевиками. (Прочие секты сделали это еще раньше.) В декларации о лояльности адвентистов 7-го дня было сказано: «Мы убедились в том, что Бог в своем провидении расположил сердце и дал мудрость нашему незабываемому В.И. Ленину и его ближайшим сотрудникам в деле мудрой организации единственного в мире прогрессивного и своевременного аппарата» [8, с. 11.].

Несмотря на идейную близость, большевики недолго оставались благосклонны к своим временным союзникам из числа сектантов. С конца 20-х гг. в обществе начинает создаваться и укрепляться миф о секантах как об идейных врагах коммунизма, которые, в виду своих религиозных воззрений, ставят целью свергнуть Советскую власть. После этого начинается череда репрессий, направленных против сектантов. Параллельно уничтожались сведения о непосредственном участии сектантов в революции 1917 г. Жестокая расправа Сталина с секантами привела к значительному сокращению их рядов и окончательно поставила их в разряд «врагов народа».

Однако это не означает, что сектантские движения полностью прекратили существование. Какое-то время они оставались в подполье, но в годы Отечественной войны снова появились на политической арене. Теперь уже идеологи гитлеровской Германии склоняли их к сотрудничеству и вынашивали планы использования сектантов для окончательного расчленения и дезинтеграции России. В частности, доподлинно известно, что большую ставку на сектантов делал рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. Несмотря на то, что поначалу он требовал особо жестокого




обхождения со «Свидетелями Иеговы», которые с 1933 г. были запрещены в Германии, в ходе войны его отношение к ним кардинально переменялось. На имевшего диплом экономиста-аграрника Гиммлера произвело сильное впечатление их добросовестное отношение к труду. В датированном 21 июля 1944 г. письме к возглавлявшему Главное управление имперской безопасности обергруппе и фюреру СС Э. Кальтенбруннеру Гиммлер изложил свои представления о том, каким образом можно будет установить контроль над Россией и поддерживать в ней должный порядок:

«Любые мысли о введении какой-либо разновидности национал-социализма были бы безумием. Но каждому народу необходима религия или идеология. Сохранить и поддерживать православную церковь неразумно, поскольку она снова обратится в организацию национального единства. Столь же неразумным было бы дать возможность обосноваться там католической церкви. Тут и говорить особенно не о чем. Нам необходимо поддерживать те формы религии и группы, которые действуют на людей умиротворяюще. Для всех тюркских народностей в этом смысле был бы полезен буддизм. Для остальных – учение Свидетелей Иеговы. Как Вам, вероятно, известно, Свидетели Иеговы обладают следующими невероятно ценными для нас качествами: несмотря на то, что они отказываются нести воинскую службу и исполнять любую работу, связанную с войной, они являются сильными противниками евреев, а также католической церкви и Папы. Кроме того, они на редкость реалистичны, не пьют и не курят, очень усердны и честны и всегда выполняют свои обещания. Сверх того, они великолепно умеют ухаживать за скотом и работать на фермах. Они не стремятся к богатству и приобретению имущества. Это противоречит их взглядам на вечную жизнь. Всё это – качества идеальные, вообще, можно сказать, что воистину верующие, идеалистически настроенные Свидетели Иеговы обладают, подобно меннонитам, весьма желательными для нас характеристиками» [9, с. 136 – 139].

После разгрома фашистской Германии, на ранее оккупированных немцами территориях то и дело вскрывали остаточные очаги сектантских движений. Так, например, в советское время на территории г. Ворошиловск (нынешний Алчевск) действовала сектантская группа, называвшая себя «Свидетели Иеговы». В материалах уголовного дела читаем: «Управлением НКГБ вскрыта и ликвидирована антисоветская сектантская группа, именовавшая себя «Свидетели Иеговы», действовавшая нелегально на территории г. Ворошиловск, Ворошиловградской области. Участники названной группы на почве общности антисоветских убеждений, установив связь между собой, выступали против проводимых мероприятий






Советского Правительства, распространяли клевету на Советскую власть, систематически читали и распространяли имеющуюся у них контрреволюционную литературу...» [6].

Адепты тоталитарной секты «Свидетели Иеговы», различных неопятидесятнических и языческих течений и по сей день продолжают оставаться мощной опорой для деструктивных политических сил. Нельзя обойти вниманием их роль в политическом кризисе на Украине в 2013-2014 гг. Сектанты стали не только реальной силой, к помощи которой прибегли для свержения законной власти в стране, их методы вербовки и контроля сознания взяли на вооружения политики, пришедшие к власти в результате государственного переворота 2014 г.

В целом можно сказать, что в событиях Майдана так или иначе участвовали практически все нетрадиционные религиозные течения, а также униаты (как минимум на уровне агитации). И сегодня представители этих культов продолжают помогать силам ВСУ и националистическим вооруженным формированиям на Востоке Украины – либо опосредованно (через гуманитарную помощь), либо непосредственным участием в боевых действиях. Наиболее активное участие в подготовке и проведении Майдана на Украине сыграли два сектантских течения деструктивного толка – это неопятидесятники и неоязычники. Первые распространили свое влияние на политические и экономические круги, вторые развернули деятельность в силовом блоке.

Неопятидесятнические пасторы ежедневно проводили на главной площади Киева так называемые «молебны», на которых пели аллилуйю новым властям Украины, призывали Господа благословить В. Кличко, А. Яценюка и других политических лидеров. Неопятидесятнические течения относятся к тоталитарным сектам харизматического толка, то есть, ведущая роль здесь принадлежит личности пастора. Группам данного движения присуще крайне сильное и жесткое давление на психику адептов. Отчасти это обусловлено тем, что их учение содержит некоторые положения оккультизма, а их практики опираются на активное использование техник гипноза. Они ориентированы на подавление критического восприятия адептов, на формирование повышенной внушаемости, безоговорочного подчинения воле лидеров и способны вызывать серьезные психические расстройства. Применяя различные техники гипноза и манипуляции сознанием, пастор способен довести адептов до состояния массового психоза, схожего с эйфорией от наркотического опьянения. Все это мы наблюдали на Майдане в Киеве. Сделав ставку на харизматические неопятидесятнические движения, революционные силы очень быстро смогли добиться желаемого результата




– толпа пошла за новыми «лидерами», безоговорочно поверив во враждебность законной власти и необходимость ее свержения.

Другими методами работы руководствовались лидеры «революции достоинства» в отношении силовиков. Эти люди изначально являются менее подверженными психологическому воздействию, поэтому с ними работали сектанты-неоязычники или родноверы, которые призывали возродить «традиционно славянскую религию». Отсюда в символике добровольческих украинских батальонов столько языческих символов, а их лидеры говорят о том, что нужно поклоняться древним идолам и не бояться смерти, так как после нее, как храбрые воины, они обязательно попадут в Вальгаллу. Лидеры практически всех добровольческих батальонов, принимавших и принимающих участие в конфликте на Донбассе, причисляют себя к каким-то родноверческим течениям, некоторые даже создают свои культы, куда автоматически входят все бойцы, а сам лидер нередко провозглашает себя волхвом или воплощением древнего божества.

Кроме этих двух откровенно сектантских течений, не последнюю роль в проведении и подготовке Майдана сыграли священники-униаты. Их методы обработки паствы нельзя назвать откровенно сектантскими, но тысячи последователей, приехавших на Майдан с Западной Украины по наставлению своих униатских проповедников, тут же попали под обработку неопятидесятнических пасторов. Таким образом можно говорить о том, что греко-католики выступили посредниками между сектантами и политическими лидерами Майдана.

Еще задолго до событий 2013-2014 гг. Украина, как и многие страны постсоветского пространства, столкнулась с реальной угрозой, исходящей от тоталитарных сект. Специалисты-религиоведы били тревогу, утверждая, что проблема сект – это не только проблема тех, кто оказался в них втянут. Тоталитарные секты таят в себе угрозу для всего государства. Рискогенность современных сект растет по мере их экономического и статистического роста. Необходимость комплексного исследования феномена сектантства сейчас более чем очевидна из-за постоянного роста активности сект, неизменно растущей численности адептов этих организаций и появления все большего количества форм нетрадиционной религиозности, а также роста числа преступлений, совершаемых последователями религиозных движений.

Утверждение о том, что современное сектантство несет в себе массу опасностей – неоспоримо. Как сказано выше, тоталитарные секты опасны на нескольких уровнях, если быть точнее, то на четырех. В первую очередь, секта опасна на уровне личности – она подавляется и человек делается безвольным орудием в руках руководителя секты. Опытные лидер




и его помощники стараются максимально быстро подчинить неопита своей воле. Адепты секты теряют способность к критическому мышлению и ведут себя подобно крысам из сказки шведской писательницы Сельмы Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». В таком состоянии люди готовы на все, чтобы им ни командовал их лидер – часами ходить по квартирам, рассказывая о Боге, переписать квартиру на секту, совершить самоубийство или убить другого человека «во благо» секты. Для людей, попавших в секту, потеря денег – это отнюдь не самое страшное. Гораздо страшнее то, что человек утрачивает свою личность и, даже выйдя из секты, не может вернуться к нормальной жизни.

Следующая угроза таится на уровне семьи. Секта видит в семье конкурента и старается всеми способами лишить человека какого-либо общения вне ее. Адептам, особенно неопитам, внушают мысль о том, что все их проблемы связаны именно с тем, что близкие и родные настроены к ним враждебно. Новичку часто говорят, что истинная любовь может быть только в стенах секты, его «предостерегают», что родственники попытаются сбить его с выбранного пути, увести от его «истинных братьев и сестер». И когда родные начинают бить тревогу, что их сын или дочь, муж или жена, отец или мать попали в секту, новообращенный сектант вспоминает, что ему говорили в секте, и убеждается, что настоящая любовь только там. После длительного пребывания в секте люди зачастую добровольно отказываются от семьи, считая это вполне нормальным.

Секты также опасны на уровне общества: в отличие от каких-либо других организаций, секты ничего обществу не дают, а только тянут из него финансовые и людские ресурсы. Сектанты не способны созидать. Их деятельность всегда деструктивна, подрывает устои общества, вносит хаос во все повседневные сферы жизни гражданского общества. Деятельность секты направлена на достижение ее лидером своих целей. А этих целей, как мы уже говорили, всего две – власть и деньги.

И, конечно же, секты опасны на уровне государства. Тоталитарная секта действует как государство в государстве, со своими законами, правилами, со своими органами исполнения наказания. Почти всегда законы секты ставятся ее лидерами выше законов государства. Как мы видим на примере Украины, деятельность сектантских лидеров, подконтрольных олигархическим кланам, в конечном итоге привела к свержению законной власти и узурпации ее в руках представителей этих самых олигархических кланов.

О том, что Украина превратилась в тоталитарную секту, говорят уже не только ученые-религиоведы. Не так давно российский актер Анатолий Пашинин, который воюет в Донбассе на стороне сил т.н.




«Операции ООС» в эфире 5 украинского телеканала, на вопрос журналиста о принятии украинского гражданства заявил, что украинское гражданство начало попахивать сектой. Его можно предоставить, и тут же отнять, если ты не будешь угодным главе секты. Поэтому актер предпочел сохранить гражданство России.

**Выводы.** Тоталитарные секты несут в себе огромную опасность. Она грозит не только отдельным личностям, втянутым в секту, но и целым государствам. Секты являются хорошо отлаженным и четко функционирующим инструментом. Их лидеры используют своих адептов для достижения личных целей, чаще всего это власть и деньги. Политики и религиоведы независимо друг от друга давно занимаются проблемой вовлеченности религиозных, чаще даже сектантских организаций, в мировую политику. В исследовании используются элементы методологии Н. Смарта, писавшего, что понятийный аппарат религиоведения и философии религии можно успешно применять для изучения всех наиболее распространенных и влиятельных идеологий мира. Следовательно, их можно использовать и в анализе национализма.

### Л и т е р а т у р а

1. Агурский М. Идеология национал-большевизма. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 66.
2. История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс: [Электронный ресурс] – URL: <http://communist-party.narod.ru/c09p04.htm>
3. Кимелев Ю.А. Религиоведческая концепция Н. Смарта // Проблемы культуры в современном религиоведении. – М., 1989. – С. 130–144.
4. Ленин В. И., II съезд РСДРП. 17 (30) июля – 10 (23) августа 1903 г., Полн. собр. соч., 5 изд., т. 7: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.politazbuka.info/>
5. Михайлюк К. Секты как двигатель Русской революции. Христианские большевики: [Электронный ресурс] – URL: <http://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie/-obshhee/novosti-sektovedeniya/-obshhee/sektyi-kak-dvigatel-russkoj-revoljuczii.-xristianskie-bolsheviki.html>
6. Обвинительное заключение по следственному делу № 16853 / машинопись
7. Олейник И.В., Соснин В.А., Тоталитарная секта: как противостоять ее влиянию. // Генезис. – М., 2005, – С. 8–11.
8. Отчет V Всесоюзного съезда адвентистов 7-го дня. – М, 1924, – С. 11.



9. Поль К. В. «Свидетели Иеговы» как группа жертв НС – воспоминание и оценка в 60-летний юбилей освобождения заключённых концлагерей Заксенхаузен, Равенсбрюк и тюрьмы Бранденбург. Фонд Бранденбургских мемориалов // Ораниебург, 2005, – С. 136–139.

10. Ушакова Ю. Атипичная религиозность в постсоветской России: [Электронный ресурс] – URL: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2003/9/ushak-pr.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/9/ushak-pr.html)

11. Эткинд А. Русские секты и советский коммунизм: проект В. Бонч-Бруевича// Минувшее: Исторический альманах. – М., 1996. – С. 310.

### References

1. Agurskiy M. Ideologiya natsional-bolshevizma. – М.: Algoritm, 2003. – S. 66.

2. Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy Partii (bolshevikov). Kratkiy kurs: [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://communist-party.narod.ru/c09p04.htm>

3. Kimelev Yu.A. Religiovedcheskaya kontseptsiya N. Smarta // Problemyi kulturyi v sovremennom religiovedenii. – М., 1989. – S. 130–144.

4. Lenin V. I., II s'ezd RSDRP. 17 (30) iyulya – 10 (23) avgusta 1903 g., Poln. sobr. soch., 5 izd., t. 7: [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://www.politazbuka.info/>

5. Mihaylyuk K. Sektyi kak dvigatel Russkoy revolyutsii. Hristianskie bolsheviki: [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie/-obshhee/novosti-sektovedeniya/-obshhee/sektyi-kak-dvigatel-russkoj-revolycuzii.-xristianskie-bolsheviki.html>

6. Obvinitelnoe zaklyuchenie po sledstvennomu delu № 16853 / mashinopis

7. Oleynik I.V., Sosnin V.A., Totalitarnaya sekta: kak protivostoyat ee vliyaniyu. // Genesis. – М., 2005, – S. 8–11.

8. Otchet V Vsesoyuznogo s'ezda adventistov 7-go dnya. – М, 1924, – S. 11.

9. Pol K. V. «Свидетели Иеговы» как группа zhertv NS – vospominanie i otsenka v 60-letniy yubiley osvobozhdeniya zaklyuchYonnyih kontslagerey Zaksenhauzen, Ravensbryuk i tyurmyi Brandenburg. Fond Brandenburgskih memorialov. //Oranienburg, 2005, – S. 136–139.

10. Ushakova Yu. Atipichnaya religioznost v postsovetskoy Rossii: [Elektronnyiy resurs] – URL: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2003/9/ushak-pr.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/9/ushak-pr.html)

11. Etkind A. Russkie sektyi i sovetskiy kommunizm: proekt V. Bonch-Bruевича// Minuvshee: Istoricheskiy almanah. – М., 1996. – S. 310.



## **Sabina K.B. SECTOLOGICAL ASPECT OF SOCIOPOLITICAL CONFLICTS**

*It is hard to say when the first sects appeared. We may assume that they exist from the moment of the emergence of traditional religions as a counterweight to them. In a broad sense any group (religious or non-religious, separated or new) which has its own teaching and practice, different from the dominant church or ideology can be called «a sect».*

*The problem of sects was seriously taken up only in the middle of the twentieth century. Experts in this field reasonably declare that sects pose risks not only to a person who has fallen into one or another sectarian organization or to his/ her relatives, but also to entire states.*

*In the article author analyses the role of sectarian organizations in social conflicts. The sectarians played an essential role in the preparation and conduct of the revolution of 1917 in Russia and the coup d'etat of 2013 – 2014 in Ukraine. The revolutionary ideologists were able to achieve the overthrow of legitimate power and usurpation of it in their hands by using sectarians recruitment techniques and their methods of mind control.*

**Key words:** *revolution, sectarian organization, totalitarian sect, ideology, mind control.*

**Сабина Ксения Борисовна** – аспирант кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

**Sabina Ksenia Borisovna** – postgraduate student of the Department of World Philosophy and Theology, Vladimir Dal Lugansk National University (Lugansk).

**E-mail:** sabina.ks@mail.ru

**Рецензент:** Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры кафедры документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.



## ТРЕБОВАНИЯ

к публикациям в научном издании по философским наукам

«Антропос: Логос и Теос»

Луганского национального университета  
имени Владимира Дала

1. При оформлении текста: все поля 20 мм; шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5; абзац – 10 мм. Относительно символов. В тексте необходимо использовать только кавычки такого образца: «», дефис – это короткое тире «-». Не нужно ставить лишние пробелы, особенно перед квадратными или круглыми скобками, а также в них.

2. Разделы статей должны включать:

- Постановку проблемы (в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами). Статья по возможности должна содержать анализ последних исследований и публикаций.

- Цель исследования.

- Основную часть (изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов).

- Выводы.

- Литература на языке текста статьи

- References латиницей

3. Статья подается на русском или английском языках. Оптимальный объем текста статьи 10-12 страниц (не должен превышать 20 тыс. знаков), включая таблицы, схемы и рисунки. Графические материалы к статье должны направляться отдельными файлами. Использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

4. Вверху на первой странице статьи: индекс УДК – слева, без абзацного отступа. Ниже по правому краю строки курсивным полужирным выделением приводятся фамилии и инициалы автора(ов). Далее, через один интервал прописными буквами полужирным выделением название статьи без переносов с выравниванием по центру. Далее через один интервал с абзацного отступа – аннотация к статье.

5. После названия статьи помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5). В конце статьи (после списка литературы) на английском языке указываются инициалы и фамилии автора(ов), название статьи и представляется аннотация.

6. Если в статье присутствуют иллюстрации, необходимо располагать их по тексту, выравнивая подписи (рис. 1. Схема ...) по ширине с абзаца 1 см. Второй экземпляр иллюстрации необходимо представить на отдельном листе. Иллюстрации должны быть четкими и контрастными.

7. Таблицы располагать по тексту. Над таблицей поставить ее порядковый номер (Таблица 1) выравнивая по правому краю, под которой разместить название

таблицы, выравнивая по центру.

8. Список литературы подается общим списком в конце статьи согласно установленным требованиям (ВАК РФ. ГОСТ Р 7.0.5 от 2008 и ГОСТ 7.82-2001) через 1 см от последней строки шрифтом Times New Roman, кегль 14, с полупропорциональным межстрочным интервалом и выравнивается по ширине. Ссылки на литературу в тексте даются по такому образцу [7, с. 123]. Страница ссылки на несколько источников одновременно разделяется знаком точка с запятой и подается таким образом: [1; 4; 8] или [2, с. 32; 9, с. 48; 11, с. 257]. Ссылка на архивные источники оформляется согласно ГОСТ 11.3 и ГОСТ 11.4 – 2008. Упомянутые в тексте ученые, исследователи называются по алфавиту – Н. Бердяев, А. Лосев, В. Соловьев, Ф. Шеллинг и другие. В начале отмечается имя, а потом фамилию ученого. Необходимо выделять зарубежных и отечественных исследователей.

9. Обязательно подать электронный вариант статьи на диске CD-RW или по электронной почте – dmitriy3003@mail.ru.

При значительном объеме статьи архивировать с помощью WINRAR и подать на диске DVD-RW.

10. Публикация должна быть снабжена информацией об авторе (ах), включающей фамилию, имя и отчество, должность, место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, телефон, адрес электронной почты – подаются отдельным файлом.

11. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

12. Статьи аспирантов и соискателей без научной степени принимаются при наличии рекомендации кафедры (отдела) и рецензии доктора или кандидата наук.

13. Ответственность за точность изложенных фактов, цитат, цифр и фамилий несут авторы материалов. В статью могут быть внесены изменения редакционного характера без согласия автора. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить некачественные материалы без пояснения причин.

14. *Примечание:*

1. *Место работы писать ПОЛНОСТЬЮ*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»  
State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

2. E-mail **ОБЯЗАТЕЛЬНО**.

3. *В сведениях об авторах статьи Ф.И.О. указывать ПОЛНОСТЬЮ.*

4. Рецензент **ТОЛЬКО** профессор или член ред. коллегии сборника.

15. Авторы статей оплачивают 30 руб. за 1 стр. (или 300 руб. – за публикацию. В электронном варианте издания – 50 рублей (без сборника)). Каждый из авторов получает один печатный вариант издания. В случае, если нужно большее количество экземпляров, необходимо заранее предупредить редакцию и оплатить стоимость дополнительных экземпляров.



Редколлегия сборника «Анропос: Логос и Теос»

находится по адресу:

к. 314, корпус 2, кв. Молодежный 20а,

Луганский национальный университет

имени Владимира Даля,

г. Луганск, 91034

Главный редактор: Исаев Владимир Данилович

Ответственный секретарь: Кобылкин Дмитрий Сергеевич

e-mail: [dmitriy3003@mail.ru](mailto:dmitriy3003@mail.ru) тел. 066-321-68-44

Контактные телефоны: тел. (0642) 41-80-53

e-mail кафедры мировой философии и теологии: [kaf.fil-teo@mail.ru](mailto:kaf.fil-teo@mail.ru).

# АНТРОПОС: ЛОГОС И ТЕОС

## Выпуск 5

Сборник научных трудов

Тех.редактор	<i>Гриниченко Е.А.</i>
Редактор	<i>Мартынцева Е.А.</i> <i>Бугокова Л.В.</i>
Оригинал-макет	<i>Барабаш Я.Е.</i>

Подписано к печати 17.06.2019  
Формат 60x84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага типогр. Гарнитура Times New Roman.  
Печать офсетная. Услов. печат. листа 17. Учет изд. Листа 17,5.  
Тираж 300 экз. Изд. № 0150. Цена договорная.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО**  
**Луганского национального университета**  
**имени Владимира Даля**

*Свидетельство о регистрации серия МИ-СГР ИД 000003 от 20.11.2015 г.*

**Адрес издательства:** 91034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20,а.  
**Тел.:** (072) 138-34-80  
**E-mail:** [izdat.lguv.dal@gmail.com](mailto:izdat.lguv.dal@gmail.com)

